

Ольга Гребнева

**Волчий Рубин:
Город Призраков**

Древний артефакт оборотней нужен всем: Святой Инквизиции, вожаку стаи, военным из параллельного мира. Однако дойти до города, охраняемого призраками и скрытого проклятием, сможет не каждый. А взять Волчий Рубин в руки — только потомок Древней Крови.

Влад Комольцев — бывший сержант Российской армии.

Арман Лерой — наемник и военный преступник.

Чезаре — незаконнорожденный сын главы Святой Инквизиции.

Судьба свела в единую команду тех, кто ненавидел друг друга. И только этот отряд сможет дойти до победы.

А сможет ли?

Ольга Гребнева
Волчий Рубин
Город Призраков

*Враг словно призрак без лица,
Мы будем драться до конца.*

«Ария»

Гаэтано размышлял. Принятое решение о прекращении «крестового похода» было неправильным, но другого выхода из ситуации кардинал не видел. «Ничего. Уйдём, Цезаре освободят, а мы вернёмся», — зло думал он, упершись лбом в ладони и прикрыв глаза. Это подавала голос бессильная ярость против нечисти, так ловко ударившей в единственное слабое место главного инквизитора. Рассудок же невесело возражал: «Не освободят его. Да и армию такую ты заново не соберёшь. Простой народ любит победителей и не пойдёт вслед за тем, кого один раз вынудили отступить. А одних гвардейцев не хватит».

Кардинал вздохнул, поднялся и заходил по кругу вдоль полотняных стен. В движении и мысли начинали бежать быстрее. Выход из мышеловки нашёлся быстро, но вот путь к нему обещал быть тернистым и долгим. Если его вообще можно пройти. Причём главная роль в осуществлении плана принадлежала другим людям, которых Гаэтано не мог полностью контролировать. И самым слабым, равно как самым важным местом был Лоренцо. В который раз. Инквизитора в последние месяцы и так не оставляло беспокойство, что он стал чересчур во многом полагаться на заместителя, так недалеко и до зависимости от собственного подчинённого. Поэтому кардинал повышагивал туда-сюда ещё немного, прикидывая, не покажется ли на мысленном горизонте другое решение проблемы. Но — увы! — первоначальная идея так и осталась единственной.

Время играло против Гаэтано, и он не стал более медлить.

— Наш единственный козырь — Волчий Рубин, — кардинал начал подготовку издалека. — Если заполучим артефакт, то мы будем диктовать условия, а не стая.

Лоренцо смотрел утомлённо. Бесконечные совещания успели изрядно поднадоесть. Он только что вернулся со сбора гарнизона, на котором объявил о сворачивании лагеря. Солдаты, особенно ополчение, восприняли новость на ура, не посчитав нужным хоть для приличия повозражать. «Самое смешное будет, если кардинал передумал, и мне придётся идти и сообщать, что приказ отменяется. Придётся силу свою применять, чтобы бунт предотвратить, и её может даже не хватить...»

— Я решил, — Гаэтано слегка замялся, — отправить обоих пленников в Город Призраков, чтобы они принесли камень нам.

«О, Господи!» — санктификатор, всегда уважавший начальника за недюжинный ум, внезапно засомневался в душевном самочувствии главы Святой Палаты. Он не стал в тысячный раз приводить одни и те же аргументы, о том, что невозможно проконтролировать столь ненадёжных посланцев и что местоположение древнего города инквизиции известно крайне приблизительно: прочёсывать дубраву можно не один месяц.

Не дождавшись никакой реакции, кардинал уточнил свою мысль:

— Конечно, они захотят обмануть и отдать Рубин оборотническим магам или вовсе не рисковать жизнями в проклятом месте. Мы не можем отправить с ними конвой, он не пройдёт сквозь земли нечисти. Но... есть способ принудить безбожников выполнить задание.

Лоренцо послушно задал вопрос, которого от него ждали, чтобы не затягивать разговор:

— Какой способ?

— А вот об этом ты знаешь лучше меня. Существует некое заклинание, позволяющее следить за перемещениями того, на кого оно наложено. И есть колдовство, подчиняющее

волю человека и подталкивающее его к исполнению приказанного. Я ничего не напутал? — прищурился Гаэтано.

Среди римских инквизиторов Лоренцо заслуженно считался главным специалистом по магии. Он перечитал все запрещённые трактаты, посвящённые колдовским искусствам, и большинство протоколов допросов казнённых магов, а также в течение своего пребывания в должности главного санкционатора лично беседовал со всеми арестованными по подобным обвинениям. Правда, коллеги считали, что он это делает из религиозного рвения, чтобы, так сказать, знать врага в лицо и наиболее эффективно применять возможности божественной молитвенной силы. На самом деле Лоренцо пытался разобраться в самом себе.

Поэтому его несколько не удивило, что кардинал обратился за консультацией к нему.

— Всё верно, ваше высокопреосвященство. Такая магия есть, но она сложна, и не всякий колдун способен такое сделать. Где вы за такое короткое время рассчитываете найти еретика, который сможет и захочет помочь в наложении чар? — Санкционатор подивился находчивости патрона. «Надо же, что замыслил! Против магов — их же оружием. Но практически неосуществимо. А жаль, идея хороша...»

Тень улыбки промелькнула по губам Гаэтано. Смотрел он на подчинённого с хитрым прищуром, и почему-то Лоренцо стало неуютно. Казалось бы, за столько лет можно было привыкнуть — взгляд кардинала всегда трудно было выдержать. Но в эту минуту на санкционатора отчётливо повеяло опасностью, в груди поднялась знакомая тёплая волна магии.

— Лоренцо, зачем искать, если он сидит передо мной?

Хорошо, что собеседник успел отставить бокал с вином на столик, иначе непременно бы уронил или расплескал, выдав свои эмоции. Лицом однако он владел превосходно, поэтому после пары секунд паузы лишь изумлённо поднял бровь:

— Боюсь, я не успеваю за вашей стремительной мыслью, монсеньор.

Тревожно стучала кровь в висках, но страшно не было. У кардинала нет тузов в рукаве. Если Лоренцо сам догадался о природе своих способностей всего пару дней назад, то главе инквизиции знать об этом и вовсе неоткуда. Но адреналин заиграл в венах, и санкционатор начал ёрничать, создавая сарказмом защитную стену вокруг, чтобы не начать оправдываться.

Гаэтано продолжал сверлить визави взглядом угольных глаз, не пропуская ни малейшего движения мускулов у того на лице.

— Ты же можешь сделать это. Ты изучал в подробностях все преданные анафеме книги, ты знаешь, как творится подобная волшба.

— Ваше высокопреосвященство, я знаю теорию. Могу рассказать вам, если хотите. Но от этого ни я, ни вы не сможем заколдовать никого, потому что мы — не маги!

Наверное, что-то всё же выдало Лоренцо. Может, повышение тона в конце фразы, может, отведённый чуть в сторону взгляд, а может, кардинал блефовал, когда произнёс:

— Не ври, сын мой. Ложь — тяжкий грех. — Давно уже такие нотки, интонации духовного отца, не сквозили в его голосе при разговоре с заместителем. Обычно они общались на равных.

«Попался, — устало подумал Лоренцо, но сдаваться не собирался. — Где же я прокололся? Нет, не мог. Значит, монсеньор решил в допрос поиграть. Надавить авторитетом, а там, глядишь, я паду на колени и раскаюсь. Знаем, знаем мы все эти приёмы. Сам, как никак, больше десяти лет в Святой Палате. Да и не в чем мне каяться. То, что люди изначально не смогли разобраться, в чём суть силы санкционаторов, не моя

вина. И если десятки лет магия находилась на службе Церкви и превосходно справлялась со своей задачей, то зачем менять положение вещей сейчас? Чтобы мы окончательно ослабли и не могли ничего противопоставить колдунам-еретикам?» Вслух он в очередной раз отпарировал, выдав шутку на грани оскорбления:

— А что, монсеньор, вы можете колдовать? Никогда бы не подумал! — Пальцы заиграли на чётках, Лоренцо почувствовал азарт поединка. Пусть не магического, но от этого ещё более занимательного — ведь в словесных баталиях Гаэтано был мастером, а схлестнуться с сильным соперником вдвойне интереснее.

— Сейчас впервые поймал себя на мысли, что хотел бы на время приобрести такие способности, — абсолютно серьёзно заявил кардинал. — Это единственный способ выиграть в противостоянии с оборотнями. Неужели ты откажешься помочь, сын мой?

Лоренцо молчал, не зная, что ответить. Признать свою магическую силу не хотелось. Это сейчас она нужна, а через неделю за то же самое на костёр отправят без сожаления. Но в глазах Гаэтано светилась почти мольба, и советник заколебался. Бусины скользили в ладонях, наполняя атмосферу металлическим привкусом силы. Во взгляде кардинала мелькнуло понимание, и санктикатор осознал, что тот тоже чувствует поднимающееся из глубин сознания волшебство.

— Я могу попробовать, но скорее всего не получится...

— У тебя получится, Лоренцо. Ты же самый сильный санктикатор инквизиции. Если не получится у тебя, то мне не на что больше будет надеяться.

Советник, ожидавший угроз и обвинений, был поражён смиренным голосом кардинала. «Что-то тут не так. Определённо».

— Приступишь прямо сейчас, сын мой. Ждать некогда. В твоём распоряжении будут двое еретиков. Они должны отправиться к оборотническому магу, подтвердить перемирие, освободить Чезаре, добраться до Города Призраков и принести Волчий Рубин нам.

Лоренцо поперхнулся вином:

— Не слишком ли много, ваше высокопреосвященство?! И по доброй воле такое совершить нелегко, а если под принуждением заклинания... Это будет стоить колоссальных сил и мне, и им, если вообще возможно!

В голосе главы Святой Палаты опять прорезалась сталь:

— Ты. Должен. Это. Сделать. — Пауза. — И да поможет нам Господь.

На сей раз кардинал принимал иномирцев на свежем воздухе. День выдался жарким, и в шатре скопилась духота, облегчения не приносил даже ветерок, задувающий в окошки. Поэтому все участники разговора расположились на поляне перед походной резиденцией монсеньора.

Арман ошеломлённо озирался по сторонам. Окружающие люди и вся обстановка говорила за то, что русский не сошёл с ума. По крайней мере описание инквизиторов и воинского снаряжения совпадало с видимым. Никакого огнестрельного оружия, только мечи, ножи, луки, необычная одежда, старинная утварь. То ли это сложно наведённая галлюцинация, то ли на самом деле правда... Как человек практичный Лерой пришёл к выводу, что и на бред надо реагировать так, как будто он реален, потому что собственные представления могут нанести вред не меньший, чем реальная опасность. «О'кей, средневековье так средневековье. Будем решать проблемы по мере поступления. Вот когда очнусь в смирительной рубашке, тогда подумаю, как из сумасшедшего дома выбираться».

Глава местной организации по преследованию инакомыслящих произвёл впечатление

самодовольного орла, сытого, но ради развлечения поймавшего пару сусликов и лениво размышляющего — съесть или на завтра оставить. Короче говоря, крайне неприятное ощущение. Из разговора Арман понял немного, поверхностного рассказа Влада не хватило, чтобы разобраться во всём. Трепет в душе вызвало лишь одно название — Город Призраков, реальность которого они только полчаса назад обсуждали. Сразу проснулся исследовательский интерес к полумифическому поселению, хотя вообще-то особого интереса к истории француз раньше не испытывал. Категоричный тон кардинала раздражал, Арман вообще терпеть не мог, когда ему приказывали, особенно если приказ не был подкреплён хорошей оплатой. Но вообще-то особого негатива сама суть распоряжений не вызвала. Пойти в Город Призраков очень хотелось, а кому будет принадлежать драгоценный камень, его не слишком волновало.

«Эх, — взвыл про себя Влад, — поведут, как телка на верёвочке. Заклинания эти их проклятые! Как же надоело всё! Домой хочу! Туда, где правит не магия, а честная перестрелка!» Возразить главе инквизиции было нечего. На этот раз поймали их крепко, не вырвешься. Главный санктификатор, о коем Влад сохранил не самые лучшие воспоминания ещё со времени первого столкновения со святошами, в римской тюрьме, отлепился от дерева, о которое опирался спиной. Блеснули жарким бликом гематитовые чётки, температура воздуха, показалось, поднялась ещё на несколько градусов.

Лоренцо прикрыл веки над горящими огнём глазами. Пламя бушевало внутри черепа, распирая кости, не ограничиваясь теперь ладонями, как было раньше. Санктификатор впервые в жизни отпустил силу совсем, точнее, большей частью. Оставался очень слабый барьер, позволяющий прекратить колдовство в случае неудачи, слить неиспользованную магию в сторону, не причинив вреда себе и окружающим.

Как творится обычная магия, не святая, с которой он имел дело прежде, а стандартная, так сказать, он не имел представления. То, что описывалось витиеватыми метафорами в старинных трудах, помогало мало. Лоренцо знал слова, жесты и прочие второстепенные составляющие, но принцип оставался закрытым. Есть сила, он её чувствовал и готов был направить, но куда именно её приложить?

Перед закрытыми глазами танцевали цветные пятна, кружились блестящие вихри, свивались вместе и вновь разбегались спиральные ленты. Санктификатор абсолютно не представлял, с чего начать. Поэтому по многолетней привычке шевельнул губами, произнося первые слова «Pater noster». Молитва дала возможность сосредоточиться и увидеть цели. Вот они, двое безбожников. Лоренцо подивился, как когда-то мог сомневаться в их принадлежности к другому миру. Очевидно же — вон там свечение («Аура», — вспомнил он термин из какого-то трактата) другого оттенка. Совсем немного отличается, но явно видно же!

Итак, первый шаг. Подчинить себе. Защита у людей хороша, это ясно, у них на родине магии нет. Душа местных, особенно не очень сильных волей, всегда представлялась санктификатору податливой глиной. Влиять на магов и ведьм было труднее, потому что они сознательно блокировались, с большим или меньшим успехом. Здесь же — врождённый щит, искажающий любое магическое воздействие. Но это действительно, если нападение неподготовленное и неожиданное, если маг не знает, кто перед ним. По губам Лоренцо змейкой пробежала усмешка. И он ударил. Именно не надавил, как обычно, постепенно, а резко «ткнул в бок» защиты, туда, где сходились чётко различимые токи энергии. И полная картина чувств объектов раскрылась перед его взором.

В принципе то, что делал сейчас Лоренцо, не очень отличалось от применения божественной силы на допросах, к примеру. Вот только с помощью молитв можно воздействовать лишь на стоящего перед тобой человека, а стоит ему уйти, как благодатное действие прекращается. Это было главным слабым местом всех санктификаторов. Единственное доступное им долгосрочное заклинание — благословение, накладываемое на оружие. Люди такому не поддавались. В теории это объяснялось тем, что судьбы людские — в руках Божьих и не следует смертным посягать на то, что не по силам.

Лоренцо чувствовал себя святотатцем, когда из его уст полились слова забытого наречия, которым пользовались колдуны в качестве «костыля», помогающего достичь желаемого эффекта, если не хватало знаний или сил.

Реальный мир исчез, и остались только беспорядочно переплетающиеся цветные нити. Хаотическое мельтешение вызывало тошноту, инквизитор терпел, сколько мог, но вынужден был открыть глаза, чтобы не упасть. Голова шла кругом, как будто Лоренцо пару часов протанцевал в хороводе на деревенском празднике. Ладони жгло, будто ошпаренные кипятком.

Пленники сидели с мученическими выражениями лиц. Влад вообще был на грани потери сознания, вцепился в ёжик волос над висками и тихо, однообразно постанывал. Второй, назвавшийся Арманом, выглядел получше, только сильно побледнел, а глаза перестали рыскать по сторонам в поисках лазейки для побега и уставились в одну точку — переносицу Лоренцо. Санктификатор поёжился от этого взгляда, отвернулся, поскорее присел в пододвинутое слугой кресло и протянул руку, пощёлкиванием пальцев дав понять, чтоб дали вина. Только пригубив кисловатый напиток, он наконец обратился к кардиналу:

— Бесполезно, монсеньор, я не знаю, как довести до конца заклинание. Всё-таки я не колдун, — он усмехнулся, — даже если вам хочется в это верить.

Но Гаэтано не захотел соглашаться с бессилием подчинённого:

— Попробуй ещё раз.

Лоренцо потёр виски, перекатил чётки в правой руке, отхлебнул ещё вина.

— Если вы приказываете, ваше высокопреосвященство, то я буду пробовать, пока не кончатся силы. Но не моя вина будет, если еретики поплатятся рассудком за мои опыты.

Кардинал внимательно осмотрел пленников. Те вроде бы начали приходить в себя, выражение глаз Влада стало осмысленным, а Арман явно всей душой мечтал набить морду обоим священникам, а заодно и охране.

— Мне нужно время, чтобы разобраться, — зная, что кардинал не отступится от своей затеи, санктификатор сам предложил компромисс. — Я подумаю, вспомню всё, что читал и слышал о нужных нам заклинаниях. Посмотрю свои записи, может, что полезное попадётся. А вечером попробую снова.

— Хорошо, — неохотно кивнул Гаэтано. — Постарайся всё же пораньше.

Влад никак не мог устроить голову так, чтобы она поменьше болела. Подушек пленным не полагалось, а сквозь худосочный матрасик чувствовались все неровности почвы и жёлуди. Под конец парень плюнул и уселся по-турецки, отчаявшись отыскать ровное место. Арман, подложив руку под затылок, насвистывал, разглядывая матерчатый потолок.

— Чего ты там интересного увидел?

— Заткнись, я думаю, — отрезал француз.

Оскорбившись таким тоном, Влад ответил спесивому наёмнику по-простому, по-русски, помянув его мать и других родственников. Вопреки чаяниям, Арман не повёлся на провокацию и не стал ругаться в ответ, а ледяным голосом сказал:

— Слушай, ты здесь вторую неделю и до сих пор бегаешь, как марионетка на верёвочках, за которые дёргают все, кому не лень. А всё из-за того, что не думаешь. Не собираюсь следовать твоему примеру.

— И что надумал? — спросил Влад, мгновенно остыв. Наёмник-то прав был, самое слабое место указал. Комольцев никогда не был склонен к лишним размышлениям, а уж когда водоворот событий после попадания в этот мир завертел, как щепочку, то и вовсе не до дум стало.

Лерой хрустнул суставами пальцев и тоже сел.

— Вот ты всё пытаешься разобраться, кто тебе союзник, кто хороший и кому надо помогать. Инквизиторы на эту роль явно не подходят, а оборотни... как-то непонятно. А других сторон ты не видишь.

— Да нету тут их, других сторон! Об этом я как раз думал!

— Не может быть такого, чтобы во всём мире все люди только и думали, встать на позиции церкви или верволок! Но я сейчас не об этом. Так вот, ты решаешь, кто тебе друг, и не можешь прийти к однозначному ответу. А нужно искать совсем другое. Нужно понять, кто тебе враг и почему. Тогда автоматически враги твоего врага становятся союзниками, и жизнь упорядочивается.

— Если честно, не понимаю, в чём разница, — почесал в затылке Влад.

— Во-первых, друзей в полном смысле слова у нас может и не быть вообще. Тогда нет смысла их искать, время тратить. Во-вторых, тот, кто не враг, не обязательно друг, товарищ и брат, но может быть временным помощником и оказаться гораздо полезней, чем люди, которые в тебе души не чают. Поэтому понятие «враг» — оно изначальное, от него надо отталкиваться в построении своих предпочтений и связей. Уф, что-то меня в философию потянуло. Так кто здесь твой враг, Влад? Вернее, наш враг?

— Инквизиция, конечно. У кого, ты думаешь, мы в плену сидим?

Арман откинул со лба непослушную прядь волос, которая так и норовила залезть в глаз.

— Ну, ты сам в красках мне расписал, как им насолил. Удивительно ещё, что относительно хорошо обращаются. Вот что ты с ними не поделил, объясни мне. — Он выжидательно уставился на собеседника. — Давай, по пунктам.

— Первое. Если б я им попался сразу, как прибыл в этот мир, то меня уже давно бы казнили на костре. — Влад легко принял правила игры и послушно начал перечислять. Под руководством наёмника думалось и правда лучше, хотя никаких новых истин пока не открылось. — Второе. Они хотят убить девушку, которая мне небезразлична. Третье. Они

занимаются террором и дискриминацией ни в чём не повинных людей, а мне это противно. Четвёртое. Благодаря им я получил такое количество травм и ранений, что живого места на теле не осталось.

В руки Лерою так и просилась сигарета или нож, пальцы словно крутили какую-то воображаемую небольшую вещичку.

— Это все претензии?

— Да.

— Итак, первое. Предположение, которое невозможно проверить, поэтому нельзя считать аргументом. Может, казнили бы, может, и внимания бы не обратили. Немного мы знаем об их методах. Ты-то не колдун и не оборотень, а если не кричать на всех углах, что в Бога не веришь, то никто и не догадается. Второе. Пожалуй, самая сильная причина. И как я предполагаю, главная. Принимается, хотя для меня, сам понимаешь, это не повод воевать против инквизиторов. Третье. Ну, тут начинается пафос и неискренность. Неужели ты в самом деле мечтаешь облагодетельствовать человечество и установить вселенскую справедливость? Нет, не спорю, мне все эти карательные учреждения тоже не по нраву, но те, кто не вызывает симпатии, не обязательно враги. Согласен? И наконец, четвёртое. Это не причина, это следствие того, что ты решил против них воевать. Думал, что ли, они не будут пытаться убить противника? Самому не смешно?

Слушая, как развенчиваются все его умозаключения, Влад испытывал смешанные чувства. Первой реакцией было возмущение. Чёртов наёмник смотрел на ситуацию настолько цинично-прагматически, что несогласие с ним рождалось мгновенно. Влад не перебил яростными возражениями только из вежливости, но к концу монолога Армана решил, что в чём-то тот несомненно прав. Наверное, чтобы выжить в этом негостеприимном мире, здоровая доля цинизма просто необходима. И громогласно возражать не стал.

— Даже если согласиться с твоими рассуждениями и убрать три причины из четырёх как несостоятельные, то всё равно останется одна. Самая существенная. И вообще, чем заниматься абстрактными теориями о друзьях и врагах, лучше бы придумал, как нам выбраться без потерь из существующего положения. Больше пользы будет. Я смотрю, у тебя соображалка прекрасно работает, вот и найди способ побега, раз такой умный.

— А зачем его искать? — картинно изумился Арман. — Сами не позже сегодняшнего вечера отпустят.

— Угу, с магическим маячком. Будем идти туда, куда его высокопреосвященство изволит приказать, как марионетки, по твоему же выражению.

Лерой откинулся обратно на лежак и вновь засвистел простенький мотивчик:

— Будем решать проблемы по мере возникновения. Нам не грозит казнь сию минуту, значит, жизнь не так уж плоха, — он подмигнул Владу. — А относительно этих гипноустановок... или магии, если угодно... на любой яд есть противоядие. Разберёмся. А сейчас лично я не откажусь вздремнуть, пока возможность есть. Почему-то кажется, что столь тихая и спокойная обстановка скоро закончится. — Француз перевернулся на бок и через пару минут уже посапывал.

«Тихая и спокойная обстановка?! — подумал Влад. — Ничего себе определение! Мне бы его железные нервы. Хотя, наверное, в прошлой жизни ему и не в таких переделках доводилось бывать. Вспомнить только тот мой сон про осаду. Ведь спал же он как-то в течение двух недель под звуки непрекращающихся обстрелов, с постоянной мыслью, что отступить некуда. И ничего, бодренько так выглядел в конце».

Небольшого, в ладонь размером, формата книга, раскрытая ближе к концу, лежала на столике. Со страницы смотрели мифические чудовища, изображённые по всему периметру полей, причудливо переплетённые друг с другом, то ли в сошедшиеся в драке, то ли совокупающиеся. Желтовато-коричневая бумага явно помнила не одну сотню лет и не одну тысячу пытливых читателей. Один уголок чернел, обугленный. Правый лист покрывали замысловато выведенные тёмно-синей тушью буквы, тянущиеся во все стороны причудливо изогнутыми хвостиками и петельками. Если долго приглядываться, то литеры словно принимались ползать и шевелиться, как мелкие насекомые. Всю левую страницу занимал сложный геометрический орнамент, в основе которого находилась многоконечная звезда.

Лоренцо уже битый час сражался с древним языком, строчки время от времени расплывались перед взглядом и когда резкость снова наводилась, то слова были несколько другими, и перевод приходилось начинать сначала. Книга была самой древней и самой запретной из всех, посвящённых колдовским искусствам. Единственная в своём роде, неподдающаяся копированию. Попала она во владение санкционатору случайно, во время ареста одного мага, года четыре тому назад. Никто из инквизиторов не обратил тогда внимания на старую пыльную книжицу, валяющуюся на самой верхней полке, потрёпанную и местами надорванную, опалённую с одного края. Только Лоренцо заметил неяркую искорку, пробежавшую по обрезу страниц, и приподнял обложку. А когда увидел, что внутри, то не раздумывая, оставил трактат себе, иначе наверняка не смог бы добиться разрешения исследовать его.

«Фолиант» (несмотря на малый формат хотелось назвать книгу именно так) носил название в приблизительном переводе звучавшее: «Начала магии разума во всём её разнообразии. Особенности воздействия на людей, обратной истинных и обратной инициированных, бегущих с волками, демонов и призраков». Полный перечень объектов приложения заклинаний всегда повергал Лоренцо в шок. В чём разница между истинными и инициированными оборотнями оставалось загадкой, возможность ментального воздействия на демонов и призраков казалось чем-то невероятным, а о «бегущих с волками» было известно настолько мало, что удивлял сам факт присутствия их в списке. Весь текст санкционатор так и не смог одолеть, хотя поначалу долго просиживал над ветхими страницами. Однако сейчас, если что и могло помочь ему разобраться, как накладываются заклинания «маячка» и «подавления воли», то только эта вредная книга, которая словно обладала собственной волей и не желала раскрывать свои тайны кому попало.

Когда буквы в очередной раз потекли в сторону, Лоренцо в ярости пристукнул кулаком прямо по странице.

— Стоять!

Видно, мозги уже свернулись в трубочку от попыток понять тайное наречие, потому что инквизитор произнёс приказ именно на нём, а не на итальянском или латыни. Хвостатые насмешницы на миг замерли на месте, словно издеваясь над читателем, а потом вновь расплылись, перевоплощаясь в иные фразы. Лоренцо откинулся на спинку кресла, потёр слезящиеся глаза и задумался. Всё, что он успевал перевести, оказывалось вступлением, перенасыщенным метафорами, иносказаниями и ссылками на забытые легенды. Ни до какой полезной информации дело не доходило. Священник нутром чуял, что разгадка проста и вот-вот он на неё наткнётся, в нём проснулся азарт исследователя. Хотелось доканать фолиант хотя бы из любопытства и упрямства, раз уж выдалось время и возможность. «Хм, книга, судя по всему, слушается команд, произнесённых вслух... или не обязательно вслух, но на

„родном“ ей языке. Но чего-то не хватает... Одно только слово её не удержало в повиновении». Действуя скорее по наитию, он сосредоточился и вызвал усилием воли покалывание в ладонях, означающее пробуждение силы. Теперь санктификатор всё чаще стал тренироваться делать это без использования чётков, хотя привычка вертеть бусины в руках никуда не делась. Почувствовав, что на кончиках пальцев заплясали невидимые искорки, Лоренцо перевёл взгляд на страницу и начал читать вслух. Получалось медленно и с трудом, но инквизитор не сдавался. Минут через пять, когда он одолел две трети текста на листе, строчки привычно дёрнулись.

— Стоять! — приказал Лоренцо, как в предыдущий раз. Но добавил в голос побольше уверенности, а в сторону книги пустил сгусток энергии, словно она была человеком.

Буквы послушно замерли на своих местах, а когда священник осилил страницу почти до конца, то начали бледнеть, исчезая. Одновременно сквозь предыдущий текст проступал другой — теперь написанный чёрным и гораздо убористее. Чтобы разглядеть слова, Лоренцо пришлось потянуться за лупой. Он опасался, что, если отвернётся, то вождевленное описание заклинания вновь спрячется в недра заколдованной книги, но этого не произошло. Читать санктификатор продолжил вслух. Оказалось, что так проще воспринимать иноязычный текст. Разъяснения были подробными, но несколько запутанными. Значение некоторых фраз доходило до разума не сразу.

Влад устроился лёжа на животе, положив голову на скрещённые руки, что предохраняло большую часть тела от неровностей лесной почвы. К нему незаметно подкралась дремота, несмотря на не очень удобную позу. Парень не заметил, как заснул.

Видно, лёгких и приятных пробуждений ему на роду написано не было. На этот раз очнулся он от неприятного зудящего ощущения внутри черепной коробки. Головная боль вроде бы улеглась, но новое чувство было едва ли приятнее. Как будто прямо под костью что-то вибрировало в унисон беззвучной музыке. Или в такт с мерно произносимыми словами. Влад, не открывая глаз, прислушался. Нет, вокруг стояла тишина, только со стороны лежака Лероя доносились негромкие шорохи. А вот внутри головы кто-то говорил на незнакомом языке.

«Всё, теперь точно свихнулся. Уже голоса слышать начинаю. И, кстати, почему я не понимаю смысла слов? Амулет отказал, что ли? Или он галлюцинации не переводит?» Парень приподнял левое веко.

— Эй, Лерой, ты спишь?

— Нет. — Голос наёмника был нерадостен.

— Ты что-нибудь слышишь?

— Например, как ты со мной разговариваешь, — иронично произнёс Арман.

— А голос, говорящий что-то непонятное? — Учтывая, что в глазах француза он уже и так выглядел почти умалишённым, то можно было и поинтересоваться.

— Значит, мне не кажется? — тут же встрепенулся Лерой. — Думал, крыша едет или сон снится. Кстати, голос-то не узнаёшь?

Влад честно попытался прислушаться, но не получилось. Как только он сосредотачивал внимание, звуки уплывали куда-то вдаль и становились почти неразличимыми.

— Неа.

— Это тот инквизитор, что силился нас загипнотизировать с утра. Не помню, как его?

— Монсеньор Лоренцо, — ответил Влад. Теперь, когда знал, что искать, он действительно расслышал знакомые звенящие нотки и чёткое произношение, отличавшие

главного санкционатора.

Караульные расступились в стороны, провожая недружелюбными взглядами двоих пленников. Вернее, бывших пленников.

Когда выяснилось, что Лоренцо, читая вслух у себя в шатре старую книжку и думая, как бы ему справиться с непосильной задачей, случайно активировал нужные заклинания, то безбожников быстро собрали в дорогу. Правда, из вещей вернули только фляги, наполнив предварительно чистой водой. Несмотря на все ругательства Влада, оружие и сигареты не отдали.

Звучало в ушах напутствие кардинала:

— Жду вашего возвращения с Чезаре и Волчьим Рубином.

Чувствуя безнаказанность и лёгкость от того, что поздно пытаться что-либо исправить, Влад не удержался и показал главному инквизитору неприличный жест, хотя и понимал, что здесь он может и не иметь такой смысл, как в родном мире.

До края лагеря их проводил сам Лоренцо, уже поверивший в неожиданную удачу, но продолжающий удивляться, что всё вышло так просто.

— Ну что ж, — сказал он, остановившись около последнего поста, — думаю, волков вам бояться нечего, так что темнота путешествию не помеха. До встречи, надеюсь, скорой.

Влад злобно зыркнул в сторону санкционатора, но снова ругаться не стал — только бессилие собственное лишний раз демонстрировать.

— Пошли, Лерой, — махнул он рукой.

Француз, молчавший в продолжение всей «церемонии прощания», перевёл взгляд на сумеречный лес, откинул волосы со лба и кивнул, тут же сбив прядь обратно:

— Вперёд.

Они двинулись под тень деревьев, сопровождаемые похрустыванием сушняка под подошвами и перешёптыванием стражи. Не каждый день отпускают на все четыре стороны противников, а простым солдатам никто не объяснял гениальный замысел кардинала. Интересные, наверное, мысли роились в головах воинов: пленных отпускают, лагерь сворачивают, очень похоже на полную и безоговорочную капитуляцию. «Рискует инквизитор, — подумалось Владу. — Потеряет веру и уважение подчинённых».

Вскоре огни лагеря скрылись, и стало совсем темно. Небо ещё серелось последними отблесками зашедшего солнца, но этого почти не было заметно за кронами дубов. Зато набежали тучки, скрывшие луну, и темнота стала почти абсолютной. Только смутно чернели стволы и крупные коряги, а вот кустарник как будто исчез и внезапно хлестал по лицам.

— Стой, — сказал Арман, приваливаясь к дереву, о которое только что чуть не рассадил лоб. — Куда мы идём?

— К Конраду, — ответил Влад, присаживаясь на корточки.

Хотелось есть и чтобы было сухо. Роса, обильно выпавшая на траве, промочила штаны почти по колено.

— А конкретнее?

— Ты хорошо ориентируешься в лесу? — задал встречный вопрос Влад, предполагая, что ответ должен быть отрицательным. Вряд ли наёмник, даже учитывая свою бурную жизнь, мог обладать знаниями следопыта.

— Днём нормально, — самоуверенно заявил Арман.

— Сейчас не день, Лерой.

— Я вообще здесь первый раз, с меня спроса никакого. Так куда нам идти?

Влад тяжело вздохнул и признал:

— Не знаю.

— То есть как?

— Ну вот так... — развёл руками парень. — Эта дубрава огромных размеров, а троп и ориентиров нет. По крайней мере таких, чтоб я их заметил и запомнил. Я приблизительно знаю, что от лагеря инквизиции надо держать на северо-запад, но точное место домика магов я не найду.

— Ты же вторую неделю здесь лазишь! — возмутился француз. — И до сих пор не выучил дорогу к своим «союзникам»? — Последнее слово было произнесено с некоторой насмешкой. Хотя Владу почти в каждой фразе наёмника чудилась издёвка.

— Ага, что с меня, кретина, взять! — вспыхнул Влад. — Видно, тупой слишком, не в силах запомнить!

Арман подождал, пока буря уляжется и примирительно сказал:

— Ладно, не кипятись. Что делать-то будем? Как выбираться? Я-то думал ты сейчас в два счёта приведёшь меня в уютную хижину, где на пороге встречает симпатичная блондинка...

— Лионелла сейчас уже спит, — поправил Влад, а потом опять взметнулся, — и ты на неё губы не раскатывай, сволочь!

Подобное заявление вызвало у наёмника приступ неумного смеха. «Как же он меня бесит! За что только мне такой напарник достался?» — обратился парень ко всем высшим силам. Влад шагнул к французам и схватил за грудки:

— Что смешного? — с расстановкой, грозным тоном спросил он.

Арман усилием воли убрал улыбку с лица, хотя глаза продолжали смеяться, а уголки тонкогубого рта непроизвольно подёргивались.

— Не волнуйся ты так. Я на чужое не претендую.

И опять во внешне безобидных словах послышалась насмешка и прямо противоположный подтекст. Дескать, только отвернёшься, а я с твоей девицей — на сеновал. Влад собрался было двинуть по самодовольной роже кулаком, просто для профилактики, но тут услышал шорох за спиной. Тихий, на достаточном удалении. Но всё же столько дней среди леса не прошли даром — отличать звук падения ветки или жёлудя от чьих-то шагов парень научился.

Отпустив Армана, поднёс палец к губам, а потом показал в сторону, откуда донёсся хруст. Они стояли достаточно близко друг к другу, чтобы даже в темноте можно было различить выражение лица. Наёмник тут же переменялся, словно другой человек очутился на его месте или сдёрнули маску язвительного ловеласа, а под ней оказалось лицо убийцы. Он стрельнул глазами в указанную сторону, потом, осознав, что зрение бесполезно, прикрыл веки и прислушался. Оба мужчины замерли неподвижно, стараясь уловить продолжение движения.

«А чего, собственно, я боюсь? — пришла в голову Владу неожиданная мысль. — Верволки меня знают, кого-то из них встретить наоборот будет большой удачей — доведут до Конрада побыстрее, не придётся в мокром лесу ночевать. Инквизиторов там быть не может, они все по ночам в палатках сидят и страшные сны про оборотней смотрят. А кому здесь ещё быть? Если только настоящий зверь... Вот против этого защиты нет, голыми руками мы ни кабана, ни волка не завалим». Но вероятность нарваться на природного хищника не показалась слишком большой, и он громко, отчётливо произнёс, обращаясь в

темноту:

— Я Влад. Мне нужно к Конраду, но я сбился с дороги.

— И почему вы, люди, всегда разговариваете с нами так, будто мы глухие? — хрипловатый голос раздался совсем близко и с другой стороны.

Лерой и Влад резко развернулись туда, но даже точно зная местонахождение, рассмотрели оборотня не сразу. Тот удобно расположился на корточках рядом с деревом, неподвижный, но готовый к немедленному действию, как взведённая тетива арбалета.

— И всегда представляетесь, словно можно перепутать... Никогда не понимал людей. Что онемели-то? Минуту назад разорялись на весь лес, птиц поперепугали.

Влад нервно сглотнул, будь они противниками волку, то давно лежали бы с разорванными глотками. От одного представления становилось неуютно. Люди настолько были чужды этой дубраве, что холодок пробежал между лопаток от желания убраться подальше из владений полузверей. Лерой вопросительно посмотрел на Влада, будто говорил: «Тебе карты в руки».

— Доброй ночи, — проговорил парень. — Мне... то есть нам... необходимо к Конраду, есть важные новости.

— Письмецо от человека с крестом? — усмехнулся «волк». — Ладно, не моё дело. Пусть «бегущий» сам разбирается.

Речь верволка казалась несколько архаичной и... он говорил так, как будто родился зверем. От осознания, что перед ним существо, только внешне похожее на человека, стало окончательно не по себе. Не пояснив, кого он имел в виду под словом «бегущий», оборотень поднялся на ноги, выступив из глубокой тени.

— Пойдёмте.

И тут люди разглядели, что облик его частично оставался звериным. Черты лица — удлинённые, напоминающие очертаниями волчью морду, под верхней губой блестят весьма внушительные клыки, а по всей коже пробивается серебристая, словно слегка седая, шерсть.

— Merde! — озвучил своё отношение к увиденному Лерой.

Поляна и дом выглядели точь-в-точь так, как представлялось Арману по рассказу Влада. Тишина нависла над прогалиной в лесу, и здесь было ненамного светлее, чем под пологом листвы. Тучи окончательно заволокли небо, и сверху сеял мелкий противный дождик, залезающий холодными пальцами за шиворот. Поэтому пресловутой серебрящейся в лунном свете травы и самого волчьего светила француз не увидел.

Хижина — старенькая, покосившаяся... Если бы не отсвет огня в маленьком окошке, то казалась бы давно заброшенной развалюхой. Учитывая, что это был первый образец местной архитектуры, увиденный Арманом, то благоприятного впечатления о мире не складывалось. «Неужто здесь все так живут? Или это только те, кто со зверями якшается? Для большего единения с природой, так сказать...»

Оборотень-проводник оставил их на краю линии деревьев, не ступив на открытое пространство, исчез, словно растворившись в темноте, беззвучно, как морок. Лерой заозирался по сторонам, но было уже поздно — вокруг только шелестели мокрые листья, и в помине не было никого, кроме Влада. Арман всё ещё приходил в себя от внешнего вида оказавшего помощь существа. «Если б меня не предупредили заранее, точно рехнулся бы от неожиданности. Или от страха, чего себе-то врать». Зато после такого недвусмысленного подтверждения истинности рассказа Влада француз улегче было строить дальнейшие планы на свою жизнь в неприветливом новом мире. Да, теперь он, пожалуй, согласился, что неведомыми силами, которые привели в действие экспериментаторы, его забросило в такие места, откуда не слишком легко вернуться домой. Хотя, зачем возвращаться? Перед расстрельным взводом встать? Нет уж, увольте.

— Пойдём, — сделал приглашающий жест русский. И они пошли через поляну, разводя в стороны высоченную, выше пояса, траву. Никаких тропок или хотя бы примятых стеблей видно не было, словно никто сюда никогда не ходит. Пока добрались до цели, вымокли практически целиком.

Вопреки ожиданиям, Конрад не встречал на крыльце, и в сердце Влада закралось подозрение, что что-то не так. Обычно тот из обитателей лесного домишки, который в данный момент бодрствовал, хоть как-то реагировал на прибытие гостей. Парень опасливо потянул дверь, в ответ раздался тягучий скрип. «Что-то мне сегодня многое кажется зловещим и неудобным...» Но внутри дома всё было по-прежнему: жарко полыхали дрова в очаге, освещая непритязательную «меблировку» и сидящего во главе стола хозяина.

— Ну, проходите, что на пороге встали, — Конрад, видно, был не в духе. По крайней мере, приглашение прозвучало не слишком любезно.

Гости молча разместились вокруг стола. Маг потянулся за кувшином и разлил по кружкам вино. Арман тихонько бросал взгляды по всем углам, так что Влад забеспокоился, как бы наёмник не заработал косоглазие.

— Конрад, это Арман Лерой. Лерой, это Конрад. Я тебе о нём рассказывал, — скоренько совершил процедуру знакомства парень.

Француз коротко кивнул в знак приветствия. Хозяин лесной избушки ему не то чтобы понравился, но сразу же, с первого взгляда, с первого слова вызвал опасения. Сильный противник, если окажется противником. А в союзниках у него, скорее всего, не походишь, они ему не нужны, сам достаточно могущественен, разве что мелкие подручные

понадобятся, пешки, шестёрки. Такая роль не устраивала Армана. Он не мог объяснить, почему родились такие мысли, в общем-то безосновательные, по первому впечатлению, но в людях Лерой ошибался редко.

— Ещё один из твоего мира, да, Влад? Сегодня утром прибыл, верно? — спросил маг скорее для проформы, уверенность в его голосе была непоколебимая.

— Правильно, — ответил вместо Влада сам Арман, которого начинало раздражать, что его рассматривают, как новинку на прилавке, а разговаривают при этом демонстративно с его спутником. — Я не немой и не умственно отсталый, так что можно обращаться прямо. — Сказано это было на чистейшем итальянском.

Конрад бросил в сторону француза ещё один оценивающий взгляд, на этот раз более заинтересованный.

— Честно говоря, не ожидал, что прибудет пополнение, да ещё и так скоро. А ты, Арман, я смотрю, более везучий, чем твой предшественник. И язык знаешь, и сразу же своего нашёл. Вместе-то попроще будет.

— Кто вы такой? — спросил Лерой. Конечно, он помнил все подробности рассказанного Владом, но хотелось услышать информацию из первых уст, чтобы сделать собственные выводы.

— Ты что, не успел ему поведать всю историю? — поднял бровь маг, повернувшись к русскому.

— Успел, успел. Но не откажусь и сам ещё раз послушать. Желательно, с большими подробностями, чем раньше. Например, о Волчьем Рубине ты ничего мне не говорил, а эта цацка занимает, судя по всему, не последнее место в споре волков и людей.

В тёмных глазах Конрада не отразилось удивления, но взгляд стал каким-то отстранённо-угрожающим, словно он уже прикидывал, как избавиться от чересчур любопытных и знающих.

— Хорошо, но на пустой желудок длительные беседы вести неудобно. Предлагаю перекусить. — Он пододвинул на середину стола чугунок и снял с полки над очагом ложки. — Итак, начнём с первого вопроса, который изволил задать молодой человек. Имя моё уже было названо, не стоит повторяться без нужды. Коротко ответить можно так: я маг, связавший свою жизнь с местной стаей волков-оборотней.

— Или, точнее, правитель этой стаи? — хитро прищурился Влад.

— Нет, — покачал головой Конрад. — Я не главенствую здесь.

— Позволь не поверить. Волки всегда приходят на твой зов и подчиняются твоим решениям.

— Вовсе не всегда, — возразил маг. — У стаи — свой вожак, чей авторитет весомей.

— Это-то тебя и раздражает, верно? — поинтересовался Лерой.

— Ты не прав, пришелец из другого мира, — очень спокойно ответил Конрад. — Человек никогда не сможет встать во главе звериной стаи, даже если эти волки наполовину люди.

— А не человек?

Вопрос повис в воздухе неотвеченный. Теперь лишним себя почувствовал Влад. Черноволосый маг явно переключил внимание на наёмника, готовясь вступить в словесный поединок с вновь прибывшим.

— Не человек и является вожаком. Он — оборотень, если ты всё ещё не разобрался, — мягко, насмешливо и как-то... не по-настоящему. — Кстати, именно он и проводил вас

только что досюда.

— Ладно, перефразируем. Ты — человек? — отбить у Армана желание задавать каверзные вопросы было трудно.

И опять заминка, короткая, почти незаметная. Тьма колыхнулась в глубине зрачков мага, и Владу вспомнилось, что Конрад при первой встрече показался ему воплощённым духом древнего леса, сравнимым возрастом с окружающими поляну вековыми дубами. В то время парень отбросил странные фантазии, списав их на суеверность и излишнюю впечатлительность, которой, надо сказать, никогда не отличался. Однако теперь, после слов наёмника, первоначальные впечатления предстали в ином свете.

— Конечно, — хозяин дома вновь подпустил в интонации иронии, но на сей раз она звучала немного натянуто.

И Влад решил сыграть собрату по Эксперименту.

— Точно? — спросил он, создавая иллюзию перекрёстного допроса. — Знаешь, не совсем похоже...

— Да? — протянул Конрад. — А на кого похож? Неужели на оборотня? — Теперь чёрные глаза откровенно издевались.

«А действительно, на кого? — подумал парень. — Нет, что не верволк — это однозначно. А кроме них ты никаких нелюдей и не встречал!»

— Скорее, на вампира! — тем не менее нашёлся Влад. — При свете солнца почти не появляешься, все дни спишь, а разбудить можно только с помощью крови.

Конрад широко улыбнулся, картинно демонстрируя самые обычные человеческие зубы, а потом и вовсе рассмеялся.

— Неплохая шутка. Но, если я правильно помню, то мы хотели обсуждать не мою сущность, относительно которой никто не скажет ничего нового, а войну. Не люблю повторяться, да и тебе, Влад, скучновато, я думаю, будет слушать второй раз одно и то же. Но если Арман настаивает...

Француз кивнул. Настаиваю, мол.

— Итак, излагать буду подробно, чтобы Влад не обвинял меня в умалчивании деталей. Один из молодых волков отправился в Рим. Погулять, развлечься. Обратни довольно часто так делают... делали, до начала войны. Они не перекидываются каждую ночь, как считают необразованные крестьяне, и даже не всегда во время полнолуния. Достигший зрелости волк сам выбирает время и место трансформации, просто луна облегчает и убыстряет процесс. Но проклятый юнец не вошёл в возраст и соответственно не совсем контролировал собственное тело. Всё бы ничего, он пошёл в город почти в середине лунного цикла и должен был успеть вернуться раньше опасного времени, но умудрился срезать кошелек у какого-то честного горожанина, а тот возьми и поймай его за руку. Паренька, естественно, отправили в тюрьму. Рим — город большой, очередь на судебное разбирательство длинная, волк всё никак не мог дожждаться своих плетей, обычно присуждаемых впервые попавшимся на краже. И тут наступило полнолуние. — Конрад сделал драматическую паузу, словно бывалый актёр. — Конечно, мальчишка перекинулся. Прямо в общей камере. Если вы представили кровавую баню и растерзанные трупы прочих арестованных, то вынужден разочаровать. Неудержимая кровожадность оборотней в волчьей ипостаси — всего лишь ещё один миф. Они полностью сохраняют разум, память, мышление и могут действовать абсолютно как люди. Но свою природу волк проявил, и за ним пришла инквизиция. Дальше всё было быстро, скучно, можно сказать, обыденно. Допрос, скорее формальный. Скоротечный суд и костёр. Вы

думаете, стая решила мстить? Вовсе нет. Паренёк сам виноват. Это естественный отбор — кто не может за себя постоять, погибает. Оборотни многие века живут по этому закону. Но инквизиция засуетилась. Они вспомнили, что совсем рядом, в нескольких часах пешей ходьбы от столицы, расположились нелюди, не подчиняющиеся Церкви, опасные для жизни простого народа. — Маг пренебрежительно усмехнулся. — И святоши решились раз и навсегда уничтожить гнездо скверны. Так и началась война, свидетелями... и участниками, — взгляд в сторону Влада, — которой вы оказались.

— Вот так просто? — удивился Арман.

Влад, слышавший историю раньше, отмолчался, потому что не заметил ничего нового. Конрад не удостоил наёмника ответом.

— То есть раньше инквизиция не знала об оборотнях? — Лерой намеренно задал вопрос с явным подвохом.

— Конечно, знала, — с наигранной усталостью ответил маг. Словно ему до чёртиков надоело разъяснять прописные истины малым детям.

— Тогда почему поход организовали только сейчас? Непонятно.

Конрад задумчиво опустил ложку в котелок, выудил немаленький кусок мяса, медленно, в полной тишине прожевал его и только после этого сказал:

— Молодой человек, — сделав ударение на обращении, — вам, должно быть, неизвестна разница между терминами «причина войны» и «повод к войне»? Естественно, что причины более стары и основательны. Но поводом послужил именно глупый оборотень-воришка.

Арман тоже рьяно налегал на кашу с мясом, но мысль не терял.

— Так каковы же причины, в таком случае?

Влад уже только переводил взгляд с одного «поединщика» на другого, не вмешиваясь. Очевидно, что наёмник больше привык к таким играм и лучше в них разбирается. Память о прошлом, пусть фрагментарная и обрывочная, чётко показала разницу между теперешними невольными союзниками. Влад привык исполнять указания вышестоящего командования, даже если бывал с ними не согласен. А Лерой всегда (по крайней мере очень долго) был хозяином своей жизни, и более того — жизнью людей, которые воевали под его началом.

— Разве для Святой Палаты нужны какие-то особые причины, кроме того, что мы не похожи на них? Кто-то тем, что умеет изменять облик. Кто-то тем, что умеет колдовать. Все другие, не вмещающиеся в рамки их так называемой морали, подлежат истреблению, казни на кострах.

Француз помотал головой, чувствуя, что начинает запутываться.

— Значит, причин нет?

— Причина в том, что инквизиция считает своей основной задачей уничтожение нечисти, как они выражаются.

— Тогда зачем им надо было ждать, чтобы кто-то там прокололся в тюрьме Рима? Если их основная задача — убить всех оборотней, то война у вас была бы уже давно, а точнее, постоянно... Какой смысл искать оправдание или повод?

— Мелкие стычки время от времени происходили, но быстро сходили на нет, когда обе стороны несли определённые потери. Такой масштабный поход, как сейчас, состоялся впервые за много лет.

— Из-за воришки? — недоверчиво спросил Лерой.

— Можно сказать и так, — кивнул Конрад.

— А как ещё можно сказать? — тут же уцепился за оговорку наёмник.

«Вот чёрт! — восхитился Влад. — Какой настырный! Сейчас случится одно из двух. Или маг окончательно выйдет из себя (вон как уже глаза сверкают) и откажется говорить, или мы услышим очередную порцию ещё более витиеватой лжи и недомолвок. Первое вероятней».

Однако Конрад, сделав над собой почти зримое усилие, ответил спокойно и даже по делу:

— Может, кардинал только сейчас почувствовал себя в силах собрать достаточно большую армию. Для того, чтобы призвать под свои знамёна такое количество добровольцев, необходим очень весомый лозунг, за которым потянется простонародье. Ведь ни один ремесленник не покинет просто так свою мастерскую и не отпустит воевать своего подмастерье. Никакой крестьянин не бросит поля в середине лета. Мало какой преступник, кроме совсем уж обречённых, согласится воевать на стороне Церкви. Проще отсидеть своё в камере, чем сгинуть в проклятых лесах. А профессиональных военных, подчинённых лично папе, маловато для «крестового похода» против нечисти. Нанимать кондотьеров — слишком дорого, да и ненадёжно, они в любой момент могут отказаться воевать дальше. Для ополчения требовался аргумент, которым и стало: «Оборотни уже свободно разгуливают по улицам, неотличимые от горожан, и в любой момент соберутся в стаю посреди Рима и устроят побоище». Вот тут уже и ремесленники, и торговцы, и крестьяне ближайших деревень, и воры, и сутенёры поняли, что отсидеться за стенами и спинами городской стражи не удастся. И почти с радостью отправились на сборные пункты, вспоминая, как правильно держать меч.

Это больше походило на правду, чем то, что говорил маг раньше. Только оставалось непонятным, почему такое незамысловатое объяснение пришлось из него вытягивать, как тугую пробку из бутылки.

— Надеюсь теперь вы удовлетворили своё любопытство, молодой человек?

Лерой сопротивлялся долго, но в итоге сдался и отвёл взгляд от плескающейся в глазах мага тьмы.

— Звучит правдоподобно... — всё равно не подтвердил окончательно своего согласия.

Тут в разговор решил вмешаться Влад:

— Мы так и не услышали ничего о Волчьем Рубине.

— Откуда ты о нём узнал? — жёстко спросил Конрад. И парень вопреки первоначальному порыву не раскрывать свои карты, а сначала выслушать версию мага, принялся рассказывать всё, что слышал про артефакт.

— Я был в плену у инквизиторов. Кардинал мне и поведал об этом артефакте, но только общие сведения. Что он увеличивает силу мага и что, используя его, ты сможешь по собственному желанию превращать людей в оборотней. По его словам, Волчий Рубин находится в Городе Призраков, и ты сам его оттуда почему-то достать не можешь.

— Превращать людей в оборотней?! Наверное неплохо было бы такое уметь. Но подобное, к сожалению, под силу только богам. Чушь тебе инквизитор сказал, а ты и веришь. — Теперь в тоне читалось превосходство. — Единственная правда — про месторасположение. Рубин действительно хранится в заброшенном городе.

— Ну так и объясни нам, необразованным, что же это за амулет такой! — взорвался Влад, предчувствуя, что и здесь, так же, как и в диалоге с монсеньором Гаэтано, его будут водить за нос и вешать лапшу на уши, используя в своих собственных целях.

— Он позволяет призывать волчью кровь, то есть заставляя оборотней перекидываться

против воли. Видно, кардинал это его качество имел в виду. А теперь я тоже хотел бы уточнить пару деталей, — Конрад улыбнулся, и у обоих его гостей почему-то пробежали мурашки... причём не только по спине, как бывает от страха или волнения, а явно стремясь в сторону головы и заползая под крышку черепа. Аккуратные, но беспардонные призрачные пальцы словно ощупывали мысли, и защиты от этого не было.

— Конрад, прекрати! — Влад поморщился и потёр виски. — Не обязательно лезть мне в мозги, я и сам собирался рассказать, что...

— Что вы не сбежали, а вас отпустили, снабдив парочкой заклятий, гарантирующих ваше сотрудничество, — закончил за него маг. — Меня интересуют две вещи: кто в стане инквизиции владеет древней магией разума, отпечаток которой я вижу на вас обоих? И какое задание вы получили? — Он выжидательно переводил взгляд с одного собеседника на другого.

— Раз ты маг, то и помог бы избавиться от этой ерунды! — встрял Арман. — А то у меня уже головная боль начинается от одного упоминания о проклятом камушке! Точнее, от того, что мы к нему не приближаемся.

— Я спросил, кто это сделал? — голосом Конрада можно было заморозить тропические моря или разрезать стекло.

Влад вздохнул: «Здесь нас, похоже, записали в предатели и враги народа».

— Их главный санктификатор, монсеньор Лоренцо.

— То есть как? — на сей раз изумление темноволосого было неподдельным. — Этим недомагам недоступно истинное искусство!

Несмотря на то, что ситуация не располагала к веселью, Влад ощутил злорадство. «Не всё ты знаешь, ой, не всё. Хоть и корчишь из себя самого осведомлённого».

— Не знаю ничего по теории ваших заклинаний, а говорю как есть. Он это колданул. Не с первой попытки, но, как видишь, вполне успешно. Так ты снимешь этот «поводок»?

Конрад покачал головой, поднялся и вышел на крыльцо, оставив дверь распахнутой. Из проёма дохнуло прохладной ночной сыростью и послышался шелест дождевых капель. Маг застыл в шаге от порога, подставив лицо под струи, и, казалось, прислушивался.

— Эй, Комольцев, у меня нехорошее предчувствие, что он не собирается нам помогать. Темнит что-то. — Арман говорил тихо, еле шевеля губами, чтобы стоящий на улице мужчина не услышал.

Владу и самому уже стало изрядно не по себе. Он осознал простую вещь: вокруг бесконечный лес, из которого не выберешься без проводника, населённый хищниками, дружелюбными до тех пор, пока им не прикажут обратного (в разглагольствования Конрада, что он тут не предводитель, нисколько не верилось). Парень с трудом мог возродить в памяти то ощущение комфорта и безопасности, чувство дома, какое раньше возникало при возвращении сюда. Даже то, что за стенкой спит любимая девушка, не придавал больше уюта этому месту. Вернее, хотелось забрать беловолосую колдунью отсюда далеко-далеко, да и самому убраться в какие-нибудь иные края.

— По-моему, тоже. Но что делать? Он — единственный, кто может нейтрализовать заклинания. А то придётся идти выполнять волю кардинала. Ещё неизвестно, что нас ждёт в том самом Городе Призраков. Хотя... слушай, Лерой, а у тебя не возникало желания просто посмотреть, что это за легендарное место такое? Я вот никогда вроде тягой к истории не отличался, а сейчас прямо зудит всё от любопытства.

— И мне любопытно. И тоже странно от этого, — нахмурился Арман. Он меланхолично

поковырялся ложкой в почти опустевшем котелке.

Откуда-то издали послышался заунывный вой, сначала одинокий, затем к нему присоединились другие волчьи голоса, сливаясь в единый хор. Француз вздрогнул от неожиданности.

— Да, я с непривычки тоже долго дёргался, — хмыкнул Влад.

— Ты и сейчас дёргаешься! — огрызнулся Лерой. — Что я, не вижу что ли? Задурил мне голову добрыми оборотнями, а теперь и сам не рад, что сюда вернулся?

Их перепалку прервало возвращение Конрада. Маг стал ещё мрачнее, если такое возможно. Он обвёл тяжёлым взглядом сидящих за столом, опёрся спиной на косяк входной двери и заговорил, медленно, роняя слова мелкими камешками:

— Снять заклинания я не могу, у меня нет необходимых знаний. Однако допустить, чтобы вы доставили Волчий Рубин людям, тоже не могу. Более того, артефакт нужен мне, и... раз уж вы всё равно за ним идёте, то не буду мешать. Даже помогу. — Конрад нехорошо улыбнулся. — До Города Призраков вас проводят мои волки, а то сами вы дорогу не отыщете. А уж потом, извините, но нести камень кардиналу они не позволят...

Капкан захлопнулся. Холодом веяло из распахнутой двери, и виделись там, среди мокрой поляны, быстрые четвероногие силуэты, но, может, это была только игра воображения.

— Значит, вот так? — переспросил Влад, всё ещё не желая верить, что человек (хотя, человек ли?), которого он считал... если не другом, то союзником точно, просто, обыденно, скучающим и равнодушным тоном, приговорил его к смерти. Конечно, и Конрада можно было в чём-то понять — конечно, он предпочёл тот вариант, который единственно выгоден ему, но от такого цинизма парня тем не менее покорило. Да и речь шла не об отвлечённых материях, а о его собственной жизни, чёрт возьми!

— Извини, Влад, — без всякого чувства вины в голосе. — Не надо было в плен попадать.

— Остался неразрешённым ещё один вопрос, — вклинился Арман, которому было немного легче. Он-то себя преданным не чувствовал, потому что не успел завязать ни с кем тесные отношения и в общем-то ожидал чего-то подобного тому, что произошло. — Мальчишка, которого ты захватил, сын кардинала. Инквизиторы выполнили твои требования, они уходят из леса. Отпусти заложника.

— У меня нет никакого заложника, — холодно ответил Конрад.

— Хватить врать уже! — не выдержал Влад. — Мы собственными ушами слышали, как кардинал с твоим оборотнем разговаривал!

— Я блефовал, — скривил губы Конрад. — Как видишь, подействовало.

В висках и у Влада, и у Армана застучало, активизировалось заклинание в ответ на мысли, что часть задания выполнить не удастся. Колдовство было не слишком тонким и, естественно, не разбиралось, возможно ли исполнение в принципе.

— Куда в таком случае делся Чезаре? — уточнил Влад. — К своим он так и не вернулся.

— Откуда мне-то знать? — приподнял бровь маг. — Разве я обязан выслеживать каждого юнца, потерявшегося в чаще? Заблудился или решил ноги сделать от любимого папеньки. У них, как я припоминаю, не слишком тёплые отношения...

— Врёшь, — очень спокойно произнёс Лерой, устраиваясь поудобней на лавке, облокотившись на стол.

Комольцев метнул в сторону француза удивлённый взгляд. «Что он задумал? Ведь

уличить мага в обмане никак не удастся».

— Вы уйдёте прямо сейчас! — отрезал Конрад.

— А как же мы найдём дорогу к этому Городу Призраков? — наклонился вперёд Лерой. — Мы же оба топографические кретины. А мальчишка — следопыт, он бы нам и помог.

— Я же говорю, нет его у меня, — продолжал упорствовать маг. — Проводниками вам мои волки будут, не заплутаете.

— Слушай, ну зачем тебе мальчишка? — попробовал Влад воззвать к милосердию мага. — Он ведь не знает ничего полезного. А если и знал, то уже рассказал давно. Отец его пошёл у тебя на поводу, войска выводятся, а ты в принципе можешь продолжать блефовать дальше. Ведь никто не узнает, что его у тебя уже нету.

Арман же добавил капельку разумных доводов:

— Лично у меня уже сейчас голова начала трещать и блевать слегка тянет. А если мы не освободим пацана, что является одним из приказов, закреплённых заклинаниями, то симптомы усилятся. И большое у меня сомнение рождается, что мы физически сможем доползти до вожделенного призрачного поселения.

Комольцев подхватил идею на лету:

— Вот-вот. Ты, конечно, крут и можешь нас силой выставить за дверь, окружить конвоем из оборотней и заставить идти к цели под страхом смерти. Но если тебе не по силам перебороть заклинания, то толку не будет. Мы просто-напросто загнёмся по дороге без всякой пользы. Неужели для тебя важнее настоять на своём и задержать Чезаре в своих руках? Что он тебе такого сделал, что ты так стремишься ему отомстить?

Настроение у Конрада портилось. Уступать и особенно признавать, что врал, не было в его правилах, но аргументы оппонентов оказались сильнее. Маг, чуть помедлив, всё-таки кивнул:

— Ладно, ублюдка заберёте. Если так хочется с ним нянчиться. Волки приведут его... минут через десять. И вы тут же выступаете.

— Хоть накормили, и то польза... — бурчал под нос Арман. — А оружие нам не полагается? Или другое какое снаряжение? И что нас ждёт в Городе Призраков?

— Оружие вам незачем, — безжалостно ответил Конрад. — На пути туда вряд ли кто нападёт, а волки защитят в случае чего. А обратно... — он замолчал, не договорив. Все и так всё поняли.

— Почему оборотни не могут добыть Волчий Рубин? — Арман решил использовать время до последней секунды, чтобы раздобыть побольше информации или как минимум попытаться.

— Любопытство — большой порок, молодой человек, — Конрад, добившись своего, опять вернулся к саркастическому тону. — Да и к чему вам теперь-то это знать?

— А вот интересно понять, за что умираю. Всегда был не равнодушен к подобного рода сведениям.

Конрад неопределённо хмыкнул и выглянул наружу. Тучки кое-где разошлись, открывая ночное небо, дождь вроде бы перестал, только с веток по-прежнему стекали капли, шурша в листве.

— Но у нас, к сожалению, — маг наигранно тяжело вздохнул, — не осталось времени на обсуждение лишних подробностей. За что умираете? Влад — за собственную глупость, что так некстати в плен сдался. Ты же, Арман, просто неудачлив. Оказался в ненужное время

в ненужном месте. Чезаре ждёт вас на том конце поляны. — Конрад указал рукой. — Прощайте. Приятно было познакомиться.

Влад проклинал себя за просительный тон, но не смог удержаться:

— Позволь остаться до утра. Я хочу с Лионеллой попрощаться.

— Нет. Не причиняй девочке дополнительных страданий. Она только немного успокоилась после того, как ты пропал. Лучше ей не знать, что ты вообще здесь был.

— Сволочь! — Парень рванулся к магу с намерением стереть высокомерную улыбочку с его лица, но его остановила рука Армана.

— Не надо, Комольцев. Всё равно ничего не исправишь. Пойдём!

Француз почти вташай вытолкнул Влада за порог. Уже стоя на улице, оглянулся и сказал:

— Ещё увидимся, нелюдь. — И подмигнул.

Чезаре выглядел, если сказать мягко, не лучшим образом, а если сказать правду, то страшно. Лицо с огромным синяком на скуле, под носом запеклась струйка крови. Рубашка превратилась в клочья, на ключице красовался неглубокий порез, на спине — след от волчьей лапы, наотмашь прошедшейся когтями. Спутанные волосы почти закрывают лицо. Руки скручены за спиной, а с разбитых губ срывается еле слышный шёпот. Влад сначала не разобрал слов, и лишь прислушавшись, понял — мальчишка, не переставая твердит молитвы, доходит до конца и снова начинает сначала, и так беспрерывно.

— Чезаре, — осторожно позвал он.

Никакого эффекта. Лучник даже глаз не поднял, бормотанье не прекратилось. Влад слегка встряхнул мальчишку за плечо и произнёс громче:

— Чезаре!

Юноша вскинул голову, глянул так, что мурашки прошли по коже — столько боли и подступающего безумия светилось во взгляде. Бесконечная молитва остановилась, и пленник прошептал:

— Добей. Ты же человек. — И такая мольба была в этих словах, что стало совсем жутко.

Влад разъярённо повернулся к стоявшим вокруг оборотням и заорал:

— Верёвки хоть разрежьте, сволочи! У меня же даже ножа нету.

Ни один из волков не пошевелился. Арман тем временем пытался распутать узлы на путях пленника, но те были слишком сильно затянуты. Со стороны поляны послышались шаги, и женщина-верволк протянула Владу компактный вещмешок, плотно набитый чем-то:

— Конрад передал. Там одежда и немного еды. И ещё мы отдадим вам его, — она мотнула головой в сторону Чезаре, — оружие.

Тут же откуда справа по молчаливому приказу оборотницы протянулись руки с луком, колчаном и кинжалом в ножнах.

— И это тоже заберите, — женщина осторожно, как ядовитого скорпиона, выудила из кармана какой-то маленький предмет и швырнула в сторону людей. Лерой инстинктивно перехватил его на лету и, раскрыв ладонь, увидел серебряное распятие на порванном шнурке.

— А теперь уходите.

Влад уже вынул из ножен кинжал и потянулся, чтобы освободить Чезаре. На правой руке у мальчишки мизинец и безымянный торчали в сторону под неестественным углом. Комольцев выругался про себя. Оборотни стояли молчаливой стеной, всем видом олицетворяя последнюю стадию нетерпения.

— Уходите, — повторила женщина. — Конрад приказал через пять минут напасть на вас, если вы не сдвинетесь с места.

— Очень приятно, — оскалился Арман. — В какую сторону нам хоть направляться? Где этот ваш проклятый Город?

Верволки расступились с одной стороны, освобождая проход. Конечно, ночью стороны света определить затруднительно, но Влад, помнивший, где встаёт солнце относительно дома магов, прикинул, что Город Призраков — на северо-западе.

— Идти сможешь? — спросил он у Чезаре.

Мальчишка едва заметно кивнул. И троица сведённых судьбой мужчин двинулась в указанную сторону. Лерой не удержался и что-то сказал по-французски, по всей видимости

какую-то нецензурщину. Вслед раздалось последнее напутственное слово:

— Держитесь строго на северо-запад, не промахнётесь. А если уклонитесь от курса, то встретите нас, и мы объясним, где вы ошиблись.

Фраза прозвучала на редкость двусмысленно и угрожающе.

Они шли около часа, продираясь сквозь мокрый после дождя кустарник, пока у Чезаре окончательно не подкосились ноги. Влад, поддерживающий юношу, аккуратно примостил его на ближайшее бревно и сам рухнул рядом, тяжело дыша. Француз, недолго думая, последовал их примеру.

— Надо перевязать его, — сказал Арман. — Кровь хоть и не теряет, но раны загрязнятся или зацепится обо что-нибудь, тоже неприятно. Да и пальцы бы ему вправить.

— Правильно говоришь, Лерой. Только в такой темноте хрен чего увидишь. Как бы хуже не сделать. Давай посмотрим, что там нам собрали в дорогу. Вроде волчица говорила, что одежда есть, а то у меня уже зуб на зуб не попадает, в одной футболке-то. А Чезаре вообще, считай, без рубашки.

Наёмник расшнуровал вещмешок и принялся разбираться в экипировке. Из одежды там оказалось две простые холщовые рубахи и три суконных тёплых плаща.

— Ишь, ничего лишнего! — фыркнул Арман. — Всё под расчёт. Та-ак, еда. Хлеб, фрукты, по-моему, какие-то... Яблоки, что ли? — Он поднёс округлый плод поближе к глазам. — Точно, яблоки. Гляди-ка, даже на ножи расщедрился наш благодетель! — На самом дне вещмешка действительно обнаружили два клинка в потёртых кожаных ножнах. Не такие внушительные как кинжал Чезаре, но лучше, чем ничего. — Держи. — Протянул один из них Владу.

Надев рубаху прямо сверху футболки и накинув плащ, Влад ощутил себя почти согревшимся. Скептически осмотрев впавшего в забытье Чезаре, тоже прикрыл его плащом. «Пытаться ему рубаху переодеть — только раны зря тревожить. Уж вот когда перевяжем всё, утром, тогда и будет ему новый гардеробчик». Арман тоже не замедлил облачиться в обновку. Его камуфляж хоть и оставался пока целым и неповреждённым, но ночная сырость под него забиралась успешно.

— Предлагаю отдохнуть, насколько это возможно в таких погодных условиях, — высказался Влад. — Ну, нам, солдатам, не привыкать, верно, Лерой?

— У меня другой вариант проведения свободного времени. Сколько не тверди, что ты про меня ничего, кроме имени, не помнишь, но не верится. Вот и сейчас опять проговорился. Откуда ты знаешь, что я солдат, когда я даже сам этого с уверенностью сказать не могу? — Арман, прищурившись, смотрел на спутника. — Ведь мы с тобой в одной лодке. Чего тайны мадридского двора разводить?

Влад, увидев, что в очередной раз дал промашку, почесал в затылке: «Может, правда рассказать? Всё равно язык за зубами держать не умею. Только недоверие расти будет. А оно мне надо — кинжалом в спину получить, например? Хотя, неизвестно, как наёмник поступит, узнав, что мы были по разные стороны баррикад...» Однако врать парень умел плохо, особенно выкручиваться в тех случаях, когда уже подловили пару раз, поэтому решил, что лучше действительно разобраться сразу, в относительно спокойной обстановке.

— Как я уже говорил, у меня фрагменты воспоминаний... прорываются во сне, — начал Влад. — Поэтому всё так... смутно немного, неточно. Я не могу с полной уверенностью сказать, что привидевшееся мне — абсолютная правда...

— Да не тяни kota за хвост! — не выдержал Арман. — Рассказывай уже, в каком

эротическом сне я тебе явился.

Влад вздохнул и кратко изложил историю об осаде особняка неизвестного диктатора в какой-то «банановой республике», о том, как погиб весь его отряд, пошедший на штурм, о встрече с командиром наёмников в подвале-архиве и о взрыве, которым всё и завершилось.

Слушая рассказ о себе, Лерой отчаянно старался вызвать в мозгу хоть какие-то ассоциации с описываемыми событиями, вспомнить самую маленькую мелочь, которая подтвердила бы истинность сновидения Влада. Но память упорно не желала ни подтверждать, ни опровергать, она просто молчала.

— А потом взрыв. И больше ничего, — закончил Влад.

Арман ответил не сразу, укладывал по полочкам всю полученную информацию. В принципе выглядело всё правдоподобно. Ни одно из описанных своих действий не вызвало у Лероя возмущения, неприятия и вообще каких-либо отрицательных эмоций. Да, если бы очутился в подобной ситуации, то именно так и поступил бы. Но проверить-то невозможно. Мало ли что там во сне приснилось... В конце концов, если память смогли затереть, то и ложные воспоминания в башку запихнуть, скорее всего, не составит труда. Француз покачал головой:

— Значит, вот почему ты на меня поначалу зверем смотрел. Я тебя понимаю, неприятно, наверное, когда на пороге победы обламывают и убивают. Кстати, удивительно, что ты ещё жив, если всё действительно произошло именно так. Я, конечно, не помню ничего, но со взрывчаткой обращаться умею, это точно. — Арман хмыкнул. — Интересные сюрпризы нам преподносит судьба. Слушай, не знаю, как тебе, Влад, а мне наплевать, что там было в прошлом. Здесь-то нету ни той страны, ни того диктатора, ни всех, кто воевал на той и другой стороне. Так что делить нам с тобой нечего. Я не прав? — и он выжидательно взглянул на собеседника.

Лерой отнёсся к сведениям очень спокойно. Конечно, Влад не ожидал, что тот бросится его убивать как старинного врага или забьётся в истерику, узнав, каким был подонком. Но вот такое ледяное непробиваемое выражение лица, а потом — непонятная усмешка... Комольцев почувствовал, что в душе закипает бешенство, несмотря на то, что казалось, он уже смирился с наличием под боком бывшего врага. «Наплевать ему? Делить нечего? А то, что он и его наёмники столько отличных ребят положили, это ничего? Ненавижу!»

— Значит, о тех, кто погиб, можно просто забыть?! — взбеленился парень. — Да из-за таких, как ты... — он буквально задохнулся от праведного гнева.

— Я этого даже не помню, — Арман говорил терпеливо, но чувствовалось, что ещё чуть-чуть и тоже сорвётся. — И не знаю, правда ли это. Но если и правда... Это была всего лишь работа. По твоим словам, ты тоже не родную землю от захватчиков защищал. Так что давай не будем орать друг на друга и припоминать былые стычки. Тем более, что у меня с припоминанием пока не слишком удачно. Вот как ты мне приснишься, так я, может быть, тоже слюной брызгать начну от ненависти. А пока... тебе не кажется, что у нас есть проблемы поважнее, чем считаться, кто кого хотел убить когда-то давным-давно?

Влад сжал кулак на правой руке, словно собирался броситься в драку, но умом уже понимал, что ничего подобного не сделает. Действительно, ирония судьбы. Так хочется наёмнику мозги вышибить, но невыгодно.

— Ладно, — пересилив себя, ответил он. — Будем считать, что заключили перемирие. Пока не разберёмся с этими чёртовыми артефактами, оборотнями и инквизиторами.

— Вот и отлично, — кивнул Лерой.

Арман не верил русскому. Ни капельки. Чересчур тот был непостоянен. С утра вроде нормально себя вёл, а сейчас, просто высказав вслух то, что и раньше знал, разъярился. Наёмник не мог понять, на каком решении Влад в итоге остановился: на словах, конечно, перемирие и сотрудничество, но в глазах ничуть не убывло неприязни. «Ох уж мне эти идеалисты, — вздохнул Лерой. — Сражался за какие-то никому не известные цели, которые не факт, что были прекрасны в своём гуманизме, а ведёт себя так, как будто я его любимую кошечку задушил. Придурок!» Француз с трудом заставил себя переключиться на другое, вспомнив об одном неотложном деле. Он бросил взгляд на постанывающего во сне Чезаре, самого слабого в данный момент человека в их отряде. «А ведь если не подлечим, то на себе тащить придётся. Мало радости». Не то чтобы Арману было сильно жалко практически незнакомого юношу, тем более которого пришлось спасать против своей воли, но перспектива обременения себя раненым совсем не радовала. «Надо что-то делать прямо сейчас, а то придётся потом неделю сидеть на одном месте, дожидаясь, пока у лучника горячка пройдёт. А если сдохнет, то и нам не поздоровится, с нашим-то магическим поводом».

— По-моему, раны мальчишке лучше сейчас промыть и перевязать. Да и вывихи вправить. Разведи костёр, Влад.

— А чего ты распоряжаешься? Кто тебя командиром назначил?

Лерой мученически закатил глаза.

— Если б я умел пользоваться этим... как его... огнём, то поверь, предпочёл всё сделать сам, чем просить тебя.

Он откинул намокшие волосы со лба и повторил:

— Разведи костёр, — через секунду добавил, — пожалуйста. Или завтра ты раненого на своём хребте потащишь, когда он встать не сможет.

Влад, недовольно бурча под нос, принялся за дело. Хотя Арман и оформил свою фразу во второй раз как просьбу, но стальные лидерские интонации никуда не исчезли. И Влад не знал, что его бесит больше — то, что наёмник раздаёт приказания, или то, что в каком-то дальнем уголке души он сам рад этому. Тому, что тяжкая обязанность принятия быстрых и желательно верных решений упала на другие плечи.

Мокрые ветки долго не хотели загораться. Шипели, дымили, но яркого огня упорно не давали. Влад успел проклясть дождь, ночь, огниво, Лероя, Чезаре, оборотней, инквизиторов, экспериментаторов и свою несчастную судьбу, но в конце концов костёр родился. Сначала робкий, с невысокими язычками, он постепенно вошёл в силу и весело запылал.

Когда наёмник взялся за лечение, Чезаре, естественно, очнулся и в первый миг, наверное, мог подумать только одно: пытки продолжились. Мальчишка застонал и попытался оттолкнуть руки, тревожащие раны.

— Успокойся. Я понимаю, что больно, но поверь, потом будет гораздо лучше. Эй, Комольцев, поддержи его, я не могу в таких условиях суставы на место ставить. А то совсем пальцы вырву ненароком.

На бинты пришлось пустить футболку Армана, так как больше лишнего и относительно чистого не было. К счастью, опасных ран у Чезаре не было, глубокие царапины и ссадины, не угрожающие жизни. Больше всего хлопот доставили вывихнутые пальцы. Едва Лерой взялся за повреждённую конечность, как мальчишка буквально взвыл и начал вырываться с такой энергией, что Владу с трудом удалось удержать его на месте. Когда наконец первая помощь была оказана, и француз, и русский чувствовали себя буквально палачами. Чезаре

тихо постанывал, но смотрел уже более менее осмысленным взглядом.

— Пить, — прошептал он едва слышно.

Арман снял с пояса флягу и дал мальчишке отпить несколько глотков.

— Спасибо, — голос стал немного отчётливее. — Зачем вы мне помогли?

— А надо было тебя у волков оставить? — Влад продолжал пребывать в гнусном расположении духа.

Чезаре вздрогнул всем телом, вспомнив плен, и тихо ответил:

— Нет. Я... благодарен. — Последние слова дались мальчишке с трудом. Он, видно, не был уверен, что ему сильно повезло со спасителями, от которых тоже неизвестно какого отношения ожидать. — А вот какая *вам* от меня выгода?

Влад тут же пожалел о своём грубом вопросе, бьющем в самое больное место юноши. «И так, бедняга, натерпелся, а я на нём своё дурное настроение вымещаю».

— Знаешь, Чезаре, мы с тобой, конечно, не всегда ладили, но из всех встретившихся мне в этом мире людей... и нелюдей... ты самый честный. Несмотря на то, что периодически бил мне в спину. И как-то... не считаю я тебя врагом.

— Ой, я сейчас прослезюсь, — расхохотался Арман. — Ты, Комольцев, ещё расскажи, что тебе совесть не позволила оставить ни в чём не повинного мальчика в лапах мерзких оборотней! Я умру со смеху! На самом деле, юноша, дело обстоит гораздо проще. Мы не могли тебя не вытащить. Иначе самим бы кердык пришёл. Магия такая, ваша, инквизиторская кстати. А все эти разговоры о честности, благородстве, доверии... Ну мы же не дети, в самом деле! И не надо на меня так смотреть, как будто я вру.

Чезаре переводил глаза с одного мужчины на другого, пытаясь разобраться в том, что происходит. А Влад на этот раз не сдержался и всё-таки вмазал наёмнику по роже. Смачно, с размаху, прямо по скуле. Арман ударился затылком о ствол дуба, рядом с которым сидел, помотал головой, приходя в себя, потёр пострадавшее место, снова улыбнулся, взглянув на противника и без предупреждения ударил в ответ, только не в лицо, а под дых.

— Мы же договорились, что у нас перемирие, — укоризненно произнёс он, наблюдая, как Влад пытается набрать воздуха в лёгкие.

Невольным миротворцем выступил Чезаре, отвлёркший вопросом:

— Подождите, подождите. Какая инквизиторская магия? Наши такого не умеют. Да прекратите вы отношения выяснять! Влад, ведь он, — кивок в сторону Армана, — правду сказал. Чего в драку лезть?

Лерой и Комольцев утихомирились, но продолжали коситься друг на друга очень нелюбезно.

— Это не значит, что если б заклинания не было, то мы бы тебя там оставили! — упорствовал Влад.

— Ладно, — устало отмахнулся лучник. — В любом случае спасибо. По какой бы причине вы это ни сделали, а результат один. Так откуда такая магия?

— Лоренцо наколдовал.

На лице Чезаре отразилось непонимание. Абсолютное.

— То есть... как?

— А вот так! — вступил в разговор Арман, прикладывая к скуле прохладный бок фляги. — Побормотал чего-то непонятное — и готово. И вообще, давайте пожрём что-нибудь. — Он достал из вещмешка хлеб и разделил на всех, присовокупив к каждой порции по яблоку.

Юноша повыспрашивал ещё подробности, но никто ему не смог толково разъяснить, что произошло, так как ни Влад, ни Арман сами не разбирались в тонкостях магического искусства. Зато результат, которого инквизиторы хотели добиться от пленников, поразил Чезаре.

— Город Призраков? Но это же сказка, в неё даже малыши не всегда верят. Слишком невероятно... заброшенный город среди леса, таинственное проклятие, могущественные амулеты... Глупость же!

— Твой папочка вовсе не считает это сказочкой для детей, — возразил Влад. — Кстати, расскажи-ка легенду саму.

Чезаре пожал плечами:

— Никогда особо не интересовался. Если в общих чертах, то существует такой древний город. Где-то далеко в лесах, в самой глуши. По одной версии туда невозможно найти дорогу, по другой, наоборот, не выйдешь обратно, проклятье не отпустит. Что-то в этом роде. Короче говоря, как-то он хитро заколдован, так что чужакам там появляться опасно. Ну и как всегда, существуют предания о несметных сокровищах, спящих красавицах, артефактах, дарующих вечную молодость или власть над всем миром. Чушь всякая. — Мальчишка презрительно скривил губы, всем видом показывая, что и во младенчестве точно знал, что ничего подобного не существует. — А, ещё одно. Когда-то слышал... кормилица моя, по-моему, упоминала, что Город Призраков — прародина оборотней, и если разрушить его, то все нелюди вымрут.

Все, хрустя яблоками, задумались, прикидывая, что из сказки может быть истиной. Естественно, большинство подробностей присочинены народом, но если уж такие осведомлённые персонажи, как глава инквизиции и предводитель стаи волков, уверены в существовании сказочного места, то какая-то доля правды в преданиях обязана присутствовать.

— Нет, с такой дурной головой не думается, — заключил Арман. — Давайте отложим мозговой штурм до утра. А ещё лучше на подольше. Так и так придём на место и всё увидим.

Чезаре и Влада не пришлось уговаривать. Разводить предположения на пустом месте всем казалось неумным занятием.

Лучник, немного помявшись, вдруг попросил:

— Верните мне оружие.

— Чезаре, знаешь, давай пока повременим с этим, — ответил Влад, лук Чезаре лежал по правую руку от него.

— Я пленник? — угрюмо полюбопытствовал мальчишка.

— Нет, но...

— Если нет, то отдай мне мои вещи. Всё равно ты стреляешь как слепая курица.

Влад обиженно насупился, но возразить было нечего. По сравнению с Чезаре и вправду слепая курица. Оружие перекочевало к прежнему владельцу, заодно с серебряным распятием.

Они шли по дубраве уже третий день. Время от времени уклонялись в сторону, но, услышав заунывный вой, исправляли маршрут. Как-то сами собой распределились обязанности. Чезаре и Влад по очереди постреливали по птицам, добывая еду. Мальчишка в лучшие времена справился бы и один, но сейчас, с не совсем дееспособной левой рукой натягивать тетиву ему было неудобно, стрелы довольно часто уходили «в молоко» и их приходилось долго искать. Арман готовил дичь на разведённом общими усилиями костре. Наёмник потихоньку осваивал непростое искусство использования огнива. Ночами по очереди стояли на часах. Никто не задавался вопросом, зачем это нужно, ведь сторонней опасности не наблюдалось, но так было привычней и спокойней.

И как ни странно, конфликтов более не возникало. Непонятно почему так вышло, но хотя ни один из мужчин не испытывал особых положительных чувств по отношению к остальным двум, тем не менее установился вполне стабильный нейтралитет. К подначкам Лероя все как-то притерпелись и уже не воспринимали их в штыки. Чезаре не грузил спутников религиозными вопросами, а обращение «еретики» стало скорее традицией, чем оскорблением. Влад пришёл к выводу, что такие союзники лучше, чем никаких, вместе выживание во много раз проще, и только время от времени беззлобно бурчал на обоих своих невольных «друзей».

Продвигались они достаточно медленно, потому что мальчишка быстро уставал, его организм всё никак не хотел входить в нормальное состояние. Поэтому они даже приблизительно не могли предположить, сколько осталось до цели. Обещанные три дня пешего хода практически истекли.

К вечеру лес начал меняться. Всё чаще встречались мёртвые деревья, с полуотвалившейся корой и раскинутыми в сторону голыми ветвями. Непонятно, что привело к гибели дубов-исполинов, которые, несмотря на сухие стволы, не собирались падать или гнить, а стояли памятниками самим себе. Трава тоже стала пожухлой, желтоватой, словно осенью. И птицы исчезли. Последний факт мужчины заметили не сразу, просто стало как-то... тихо.

— Ой, чует моё сердце, близко уже наш призрачный посёлок, — сплюнул Арман, когда они забрели на поляну, сплошь окружённую сухостоем.

— Может, здесь заночуем? — внёс предложение Чезаре. — Как-то не тянет в темноте разведывать.

— Так это ж всё сказки! — подмигнул наёмник.

— Сказки сказками, а порох держи сухим, — перефразировал Влад известный афоризм. — Давайте действительно привал организуем, а на рассвете дальше двинем. Всё равно в сумерках ничего полезного не разглядишь.

Они расположились посреди этой же поляны, запалили костерок, нанизали на прутики кусочки подстреленной ещё днём птицы, а после ужина вскоре заснули. Первое дежурство досталось французу, чему тот был несказанно рад. Влад и Чезаре тут же блаженно засопели, утомлённые дневным переходом. Лерой лениво подбрасывал веточки в огонь и время от времени прохаживался по краю поляны, прислушиваясь к ночным шорохам. Надо сказать, что здесь лес был до отвращения тихим. Ни сверчков, ни птиц, даже привычные хрусты от падающих веток раздавались очень редко. Привыкший уже к звуковому фону, Арман

чувствовал, что ему как-то не по себе.

Холодало. На сухую траву легла роса, сразу стало промозгло и неуютно. Наёмник поёжился и переместился поближе к огню. Деревья чуть слышно поскрипывали где-то вверху, в самых кронах. Жутковато. «Что-то нервы ни к чёрту стали, — подумал Лерой, вертя в пальцах очередную веточку, предназначенную на сгорание. — Скоро привидения мерещиться начнут».

На краю поляны, между мёртвыми дубами, за клубился туман. Когда он появился, Арман не заметил. Просто повернувшись в очередной раз, увидел косматые белёсые ленты, змейками пляшущие в темноте. «Странно, вроде бы водоёма рядом не было. Откуда такой густой туман?» В голову полезли всякие доисторические страхи, возникающие у любого человека, когда он остаётся один на один с ночным незнакомым лесом и видит нечто непонятное. Француз поймал себя на том, что высматривает среди туманных полос силуэты людей или волков.

— Чушь! — произнёс он вслух, но тихо, чтобы никого не разбудить. Голос прозвучал, как в вате, глухо и непривычно. От этого стало ещё жутче.

Арман ещё пару минут потоптался, решаясь, и тронул за плечо Влада.

— Что, уже моё дежурство? — сонно пробормотал тот. — А кажется, только заснул.

— Нет, вообще-то ещё рано. Извини, что разбудил. Но... блин, лучше пусть ты будешь надо мной ржать... мне страшно. Хоть поговорить бы с кем-нибудь.

Влад сел, протирая глаза и позёвывая.

— Что? Страшно? Тебе? — парень удивлённо уставился на француза. — Нервишки пошаливают, да?

— Я б на тебя посмотрел, если б ты сейчас в карауле стоял, — огрызнулся наёмник. — Дубы эти сухие, скрипят, туман какой-то чёртов лезет, хоть реки в помине нету на день пути. Живности никакой. Холодно, жутко. — Он зябко повёл плечами. Промозглый воздух проникал до самой кожи, несмотря на костёр и тёплый плащ.

Комольцев огляделся по сторонам, потянулся до хруста в костях.

— Слушай, Лерой, не выпендривайся. Тоже мне, трепетная курсистка. Как будто первый раз ночью дежуришь. Ну, туман, ну, деревья... Чего страшного-то? Дай поспать. — Влад снова лёг.

— Скотина, — буркнул Арман по-французски. Он всё не мог привыкнуть, что Комольцев понимает его вне зависимости от используемого языка, и поэтому ругался чаще на родном.

Заснуть Влад не успел. Сначала лежать было неудобно, сладкая усталость, быстро погружающая в дремоту, куда-то пропала. Слова наёмника тоже немного насторожили. «Испугался. Хм. Не просто так ведь, из вредности, меня будить взялся. Может, и правда стоит вместе с ним посидеть? Вдруг это у него чутьё на реальную опасность среагировало?» Парень ещё не пришёл к однозначному решению, как вдруг услышал крик. Женский, откуда-то из леса, довольно далеко. Мигом насторожился, приподнялся на локте. Крик повторился и худшие опасения оправдались. Это был голос Лионеллы.

Влад подскочил, как ужаленный.

— Эй, ты чего? Куда?

Лерой остановил бросившегося в сторону деревьев русского.

— Ты что, не слышишь, что ли? — заорал Комольцев. — Она же на помощь зовёт!

— Кто? — выражение лица у Армана было абсолютно непонимающим.

Чезаре, разбуженный громкими возгласами, вскочил и схватился за лук, ища глазами врага. И взгляд остановился на Владе и Лерое.

— Господь всемогущий, и вы тоже?! — в глубине зрачков полыхнул страх и ярость. Стрела оказалась на тетиве мгновенно.

— О, Дьявол! — Наёмник повалил Влада на землю, убирая с линии прицела, и упал сам. Наконечник свистнул совсем близко, обдав щёку ветерком. Не дожидаясь, пока последует следующая атака, — а в том, что она последует, он не сомневался — Арман перекатился в сторону юноши и ударил каблуком по луку, до противника не дотянувшись. Затем, не переводя дыхания, съездил кулаком уже по лицу мальчишке. Тому оказалось достаточно, по крайней мере оружие из рук он выпустил, сознания не потерял, но к агрессивным действиям пару минут не будет способен. Наёмник отбросил лук в сторону и скрутил юноше руки. Верёвки не было, и Арман, недолго думая, связал рукава рубашки Чезаре друг с другом. Не слишком надёжно, но пока сойдёт. Оглянулся на Влада и увидел, что тот быстрым шагом направляется к краю поляны.

— Стой! Куда пошёл?

Комольцев не обернулся и не замедлил скорость.

— Да что же происходит?! — В висках болезненно стучал пульс. Зато страха как не бывало. Чувствуя себя воспитателем в детском саду, от которого норвят разбежаться все подопечные, француз кинулся вслед за Владом.

— Стой, дурак!

Настигнуть Комольцева не составило труда. Он двигался хоть и быстро, но как-то сомнамбулически, как будто его за верёвочку вели. Арман схватил Влада за плечо и развернул к себе.

— Что с тобой?

— Лионелла, она зовёт на помощь!

Наёмник честно прислушался ещё раз, но тишина в лесу стояла прежняя. Лишь тихонько поскрипывали мёртвые ветви. Туман беззвучно протягивал свои щупальца всё ближе к людям. Влад попытался стряхнуть ладонь Армана.

— Отвали от меня! Мне надо ей помочь! Ты разве не слышишь?! Её убьют сейчас! — Русский явно собрался силой отбиваться и бежать вглубь чащи.

И тут Армана озарило.

— Комольцев, какое сейчас время суток?! Отвечай! Быстро!

— Ночь... — ответ прозвучал автоматически, прежде мысли, чем вызван подобный глупый вопрос. — Какое это имеет...

— Что делает Лионелла ночью?

— Спит, — это Влад произнёс уже тише, спокойней. Нахмурился, словно силась что-то понять.

— Если она спит, то как она может тебя звать?

— Не знаю... Но я же слышал...

— И сейчас продолжаешь слышать?

Влад обернулся на лес.

— Вроде нет. — Теперь он выглядел окончательно растерявшимся.

— Пришёл в себя? Не тянет больше бежать невесть куда? — почти заботливо справился наёмник.

Комольцев потёр лоб.

— Башка трещит.

— Ладно, хоть ты в себя пришёл. Пойдём узнаем, какой глюк наш лучник словил.

— Как ты догадался? Ну, что это галлюцинация?

— Я же ничего не слышал. Да и про время сна и бодрствования твоей пассивности ты столько раз упоминал, что грех было не запомнить.

Они вернулись к костру. Чезаре при их приближении дёрнулся, пытаясь освободить руки, но несмотря на импровизированность, путы держали крепко. Мальчишка уставился на подошедших как кролик на удава. Глаза потемнели от страха.

— Когда вас успели обратить?

— О чём ты говоришь? — поднял бровь Арман.

— И вы тоже нелюди. Зачем я вам? — губы у юноши затряслись.

— Послушай, — мягко произнёс Лерой. — Не знаю, что там тебе привиделось, но мы люди. Абсолютно точно.

По лицу Чезаре было видно, что он не поверил ни единому слову. И успел уже попрощаться с жизнью. Влад провёл ладонью по лицу и сказал:

— Есть один способ проверить. У тебя крестик серебряный. Не дёргайся, пожалуйста, я не собираюсь тебя убивать, я просто возьму распятие в руку, и ты убедишься, что оно меня не обжигает. Потом Лерой сделает тоже самое.

Он шагнул вперёд и потянул за шнурок на шее юноши, выуживая из-за пазухи крестик. Сжал его в ладони, подержал секунд пять, потом продемонстрировал Чезаре чистую, нетронутую ожогом кожу. Наёмник проделал ту же операцию.

— Теперь веришь? — осведомился Влад.

— Развяжите.

— Ты точно нормально себя чувствуешь и не будешь кидаться лишать нас жизни?

— Нормально.

Арман освободил руки лучника. Все трое уселись вокруг огня, осмысляя произошедшее. Туман непонятно когда успел рассеяться, исчез без следа, как будто тоже был всего лишь наваждением.

— Но я же собственными глазами видел. Шерсть, клыки... Я видел, что вы оборотни. Не понимаю... — Чезаре до сих пор трясло.

— А я собственными ушами слышал, как Лионелла кричит от боли, — угрюмо ответил Влад. Дико хотелось курить. За последние дни он вроде притерпелся к отсутствию табака, но стрессовая ситуация снова пробудила никотиновое голодание.

— Что же это было? Есть идеи? — Арман нервно грыз крылышко, оставшееся от вечерней трапезы.

— Магия, наверное, — пожал плечами Комольцев. — Насколько я знаю, всякие иллюзии здесь очень даже практикуются. Лионелла тоже умеет что-то подобное делать. Кстати, Лерой, а ты как избежал? Или тебе тоже чего-нибудь глючило?

— Вроде нет, — отрицательно покачал головой француз. — Только этот страх непонятный, немотивированный. А потом, как вас стал в себя приводить, и он пропал. А почему? Кто ж скажет. Повезло, значит. Всем нам. А то поубивали бы друг друга или разбрелись по лесу, навстречу неизвестным опасностям.

Влада продрал мороз по коже. Действительно, шёл, как зомби, куда-то, а что там впереди ожидало... Нет, даже представлять не хочется.

— Спасибо, Лерой, — абсолютно искренне произнёс он.

— Должен будешь.

Чезаре прилёг, уперев взгляд в чёрное небо:

— Значит, мы почувствовали, увидели, услышали то, чего боимся...

Арман и Влад переглянулись, а мальчишка продолжил:

— Я до чёртиков боюсь оборотней. Это не секрет. Вот и увидел, что вы перекидываться начинаете. Ты, Влад, любишь свою ведьму и слышал, как её убивают или мучают. Потому что тебе страшно потерять её. А ты, Лерой... даже не знаю... темноты что ли боишься?

— Не боюсь я темноты, — вскинулся наёмник так резко, что его собеседники невольно улыбнулись.

— Да ладно тебе, — ткнул его в плечо Влад. — Признавайся уже, все свои.

— Не люблю тишину, — выдал Арман. — Не помню почему, но она меня всегда настораживает.

— Привык под грохот обстрелов спать, вот и настораживает, — предположил Комольцев. — Хотя такая мелочь... и как она могла испугать такого бывалого сурового наёмника? — Влад, впервые получивший повод поиздеваться над соперником, и всю им пользовался, еле сдерживая смех.

— Да отстаньте от меня. Я-то хоть не бросился как идиот на несуществующие голоса и за оружие не стал хвататься. В отличие от некоторых.

Так, шутливо препираясь и подкалывая друг друга, они сидели ещё долго. Желание спать исчезло напрочь. Но более до утра никакие иллюзии и туманы не беспокоили. Глаза, конечно, на рассвете уже слипались, но поддаться соблазну отдохнуть даже при свете дня никто не захотел. Единогласно было принято решение продолжить путь к Городу Призраков. Благо, уже почти впритык подошли. Влад даже предположил, что этот «туман страха», как спонтанно окрестили ночное заклинание, было чем-то вроде стража, ловушки на входе, чтобы если не убить, то отпугнуть любопытствующих стопроцентно.

Лес вновь наполнился жизнью. Миновав своеобразное кольцо сухостоя, люди передвигались опять по обычной дубраве, только трава по-прежнему была редковато-суховатой. Чезаре, как повелось, шёл впереди, так как был единственным следопытом во всей компании.

— Смотрите, — он приостановился, уставившись себе под ноги, — по-моему, это дорога.

Арман и Влад подошли и посмотрели в указанное место на почве. Если б мальчишка не показал, то они вряд ли обратили бы внимание на пару выступающих из травы плит.

— Ты думаешь? — скептически произнёс Лерой. — Может, просто камни?

Но Чезаре, как пёс, взявший след, уже продвигался дальше, не отрывая взгляда от земли. Спутники покорно последовали за ним, оглядываясь по сторонам, чтобы не пропустить нападения, а то мальчишка, конечно, ничего вокруг не видел, кроме «дороги».

Минут через пять стало ясно, что юноша прав. Теперь плиты были видны отчётливо, хотя сквозь них давно проросла трава и кое-где даже мелкий кустарник. Дорога оказалась метров двадцать в ширину, а из-за растительности выглядела ещё уже. И теперь была отчётливо видна, потому что трава на ней и рядом росла живая, сочная, зелёная.

— Тоже мне, дорога из жёлтого кирпича... — ворчал Арман — Никаких оптимистических предчувствий почему-то не возникает.

— Зато когда дойдём до места, может, сниться эта гадость перестанет. А то у меня, как на привал остановимся, так сразу начинается: «Иди в Город Призраков. Иди в Город

Призраков», — отозвался Комольцев.

— Эй, заколдованные принцы, — окликнул их Чезаре. — Мне кажется, мы у цели.

Палец мальчишки указывал на виднеющиеся между деревьями руины. Троица остановилась в нерешительности. Казалось бы, вот оно — долгожданное легендарное место, но переступить границу было как-то страшновато. И обстановка какая-то... тревожная.

— Опять птицы петь перестали, — высказался Арман. — Сдаётся мне, будут нас встречать. Чем-нибудь наподобие того тумана. Если не похуже.

Воздух внезапно стал очень жарким, душным, хоть раньше под покровом деревьев это было незаметно. Мужчины стояли на месте, всматривались, вслушивались, силясь заметить что-нибудь... или кого-нибудь. В ушах звенело то ли от тишины, то ли от зудения вездесущих комаров.

— Пойдём, что ли, — махнул рукой Влад. — А то я от любопытства умру.

Они успели сделать не больше десятка шагов, как неподвижность воздуха взорвалась сильным ветром обжигающей температуры. Его порывы хлестали по лицам, заставляя зажмуриться, а ещё лучше заслониться ладонью или плащом. Одновременно на смену тишине пришёл странный шелест и звук, схожий с хлопаньем знамени на ветру.

— Что за чёрт?!

— Merde!

— О Господи!

Смерч завертелся вокруг троицы, дёргая за плащи и ероша волосы (тут Влад оказался счастливым, его «ёжик» не больно-то потреплет ветром). И стих так же внезапно, как начался. Остались только те же непонятные звуки. Когда люди отдышались и протёрли глаза от пыли, то увидели их источник. Прямо впереди, над дорогой, не касаясь её поверхности, перемещалось существо, более всего напоминающее закутанного в чёрный плащ высокого человека. Глубокий капюшон не позволял разглядеть лица, создавалось впечатление, что там просто провал куда-то в тьму. Фигура приближалась, издавая то самое лёгкое шелестенье, а полы её балахона хлопали, словно их продолжал трепать ветер. И становилось всё жарче.

— Кто ты? — крикнул Влад, останавливая Чезаре, который уже начал наводить стрелу на цель.

Существо замедлило движение, а потом и вовсе замерло. Оно молчало, не хотело или не могло отвечать. Казалось, фигура пристально рассматривает пришельцев, вторгшихся на её территорию. «Если у них весь город такими заселён, то рехнуться можно будет, — по плечам Комольцева пробежали неприятные мурашки. — А ведь, похоже, так и есть. Вполне подходит под понятие призрака: что-то неопределённого вида, летит над землёй... Ой мамочка моя!» Материалистическое мировоззрение давало трещину. Если магию можно было представить как своеобразную разновидность гипноза, то вот это уже слишком невероятно.

— А может, опять глюк? — предположил Арман.

— В этот раз мы все видим и слышим одинаково.

— Давай я в него всё-таки выстрелю!

Фигура по всей видимости закончила осмотр и снова двинулась вперёд. Чезаре оттолкнул Влада и спустил тетиву. Стрела ударила точно в то место, где у человекоподобного существа располагается сердце, края чёрной мантии хлопнули сильнее и отшвырнули изломанную деревяшку прочь, только солнечным зайчиком сверкнул серебряный наконечник. Существо повело рукой, и порыв горячего ветра снова плеснул в

лица. Мальчишка схватился за горло, закашлялся и осел на землю, норовя выплюнуть собственные лёгкие.

— Чезаре, что с тобой? — Влад склонился к юноше, поддержал за плечо и подал флягу с водой.

Лерой застыл неподвижно, едва ли не впервые в жизни поняв, что не знает, что делать. Судя по всему, оружие на странное создание не действовало, бежать было уже поздно, да и собственно некуда — всё равно возвращаться придётся. Попытаться вызвать существо на разговор оставалось единственным шансом остаться в живых. «Призрачным шансом», — скаламбурил наёмник про себя и попытался наладить контакт.

— Эй, мы пришли с миром! — «Да, особенно в это хорошо верится после стрелы в грудь». — Мальчишка просто испугался, не трогай его. Нам нужно в Город. Мы не собираемся причинять вреда жителям. — «Боже, какую чушь я несу!»

Призрак замер, не доплыв до людей метров пятнадцать. Из-под капюшона раздался шипящий голос, похожий на шорох тревожимых ветром сухих листьев:

— Шшшто вы ссдесь делаете, люди из дальнего мира?

Влад и Арман переглянулись, Чезаре немного очухался, но кашель прошёл не совсем.

— Ты знаешь, откуда мы? — поднял бровь француз.

— Невешшливо отвечать вопросом на вопрос, — прошелестел призрак. — Шшшто вы ссдесь делаете? Не заставляйте повторять тришшщды.

Инициативу перехватил Комольцев:

— У нас... были видения про Город Призраков, постоянно тянуло сюда прийти. Мы не знаем, почему. И надеялись найти ответ здесь.

— Ты говоришшшь правду, чшшеловек из дальнего мира. Но это не вся правда.

«Как же неприятно чувствовать себя мишенью, — думал Лерой. — Стоим посреди дороги этой треклятой, и неизвестно, то ли магией убьют, то ли оружием, то ли в плен заберут, то ли обратно во владения стаи вышвырнут... А эта тварь ещё, наверное, и мысли читает. Ну, читай, читай, мне не жалко. Здесь про тебя ничего доброго не скажут».

Влад покосился на наёмника в ожидании совета. В глазах так и читалось: «Говорить про Рубин или нет?» Арман быстренько прикинул так и этак и решил, что скрыть всё равно не получится, значит, лучше признаться сразу, а то потом хозяин здешних мест может и вовсе обидеться.

— Нас интересует одна вещь, которая, как нам сказали, хранится в городе, — начал он. — Люди называют её Волчьим Рубином.

Создалось ощущение, что существо удивилось. Судя по всему, его эмоции каким-то образом передавались слушателям.

— Волчшший Рубин... Да, он здесь. Я вас впушшщу, люди из дальнего мира. А он... — призрак указал пустым тёмным рукавом на Чезаре, — его я не вижшщу. Кто он?

— Я обычный человек, из ближнего... тьфу, из этого мира, — ответил мальчишка, уже отдышавшийся, но по-прежнему сидящий на земле.

Тёмная фигура пролевитировала ещё пару метров и замерла, как будто рассматривая прищельцев повнимательнее.

— Да, чшшеловек. Но не только...

— Что это значит? — в один голос спросили все трое.

— Впушшщу тожшше... — призрак проигнорировал вопрос. — Только помните, Волчшший Рубин имеет право брать в руки только тот, в ком течшшет Древняя Кровь.

Страж сделал приглашающий жест рукой, что в его исполнении выглядело весьма сюрреалистично, повернулся и поплыл обратно, туда, где виднелись постройки.

— Древняя Кровь? — переглянулись мужчины.

— Чезаре, ты в курсе, что это такое? — спросил француз, но лучник только недоумённо пожал плечами.

Влад терялся, что в нём сильнее, — любопытство, которое от близости нужных сведений только ещё больше разгорелось, или боязнь неизвестности, враждебной магии и, что уж таиться, призраков. Люди, которые ранее не верили в сверхъестественное, когда сталкиваются с неопровержимыми доказательствами существования оногo, испытывают гораздо больший шок и ужас, чем те, кто всегда опасался встречи с привидениями, лешими или зомби. Именно поэтому комфортней и уверенней всего из троицы себя чувствовал Чезаре, для него Город Призраков хоть и был всю жизнь неправдоподобной легендой, но в конечном итоге смириться с его существованием для местного обитателя было гораздо проще, чем пришельцам «из дальнего мира».

Камни, видневшиеся за деревьями, действительно оказались руинами. Определить по тому, что осталось, изначальный вид строений не представлялось возможным: отдельные блоки и плиты, фрагменты стен, обычно высотой не больше первого этажа, торчащие как затупившиеся клыки, раскрошенные ступени и треснувшие колонны. Непонятно, сколько же столетий назад здесь всё пришло в упадок и почему. Судя по характеру разрушений, здания обрушились под действием времени, ветра, дождей и растительности. Не было видно ни следов пожара, ни, скажем, отметин от выстрелов, взрывов и прочего. Да и никаких признаков того, что на древних улицах кого-то когда-то убивали, ни одного скелета, ни одного предмета, ни завалившейся между камнями монетки, ни подковы, ни пряжки, ничего.

«Неужели город погиб настолько давно, что ничего не осталось? — размышлял Влад. — Нет, конечно, я не специалист, но мне кажется, что если б прошло время, достаточное для полного разрушения костей, то и само поселение уже превратилось бы просто в часть леса. А тут вон — улицы вполне проходимые».

Действительно, на «тротуарах» только кое-где пробивались в швах между плитами молодые деревца и кустики, в целом улицы оставались чистыми и... даже в чём-то уютными. Как в парке, специально спланированном, чтобы создать впечатление запущенности и старины. Если б не эти развалины...

— Ведь здесь кто-то жил... — задумчиво произнёс Влад, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Вспоминая рассказы моей кормилицы, оборотни, — ответил Чезаре. — Не представляю, как звери могли жить в городе, в обычных домах...

— Они же не совсем звери, — вступил в разговор Арман, тоже озиравшийся по сторонам, чуть не сворачивая шею. — К тому же город заброшен, судя по всему, не первую сотню лет. Может, тогда и оборотни были не такие, как сейчас...

Страж-проводник скользил сумрачной тенью впереди, не обращая внимания на людей и на их переговоры. Вряд ли не слышал, но никак не реагировал. Они продвигались вглубь города, по широкой, видимо, центральной, улице, не сворачивая никуда. Проспект тянулся вперёд, словно прочерченный по линейке. Влево и вправо иногда ответвлялись мелкие переулочки, слишком сильно заросшие, чтобы можно было рассмотреть, куда они ведут. Окружающий пейзаж особо не менялся. Наверное, когда дома стояли целые, то здесь было красиво и разнообразно, но сейчас... Что ни обрушь до фундамента, хоть дворец, хоть многоэтажку, выглядеть будет очень похоже. Зато запоминать дорогу не составляло труда, иди и иди себе прямо.

— Эй, — окликнул Влад призрака. — Можно поинтересоваться, куда мы идём?

Существо замерло и обернулось:

— Вы жшше хотели видеть Волчшший Рубин. — Плавный взмах рукавом. — Он в главном храме.

Призрак собрался было дальше, но неожиданно замер. И через несколько секунд начал истаивать, бледнеть, будто растворяясь в воздухе. Последнее, что донеслось из его уст (если они, конечно, у него были):

— Идите в храм. Там безопасно.

И фигура исчезла, оставив троицу посреди улицы заброшенного города.

— У меня возникло два вопроса, — заявил Влад. — Где храм? И — значит здесь небезопасно?

— Вон там виднеется какое-то высокое сооружение, — Чезаре прищурился от солнца. — Наверное, это и есть храм. А относительно безопасности... Тебе хочется стоять и проверять?

Храм возносился над площадью на добрых семьдесят метров, если не выше. Сооружение, подавляющее своей массивностью и каким-то варварским великолепием. Несмотря на огромные размеры, он не был неуклюжим, наоборот, взметнувшиеся к небу островерхие башенки делали его легковесным и изящным. Стены сплошь покрыты барельефами, изображающими какие-то батальные сцены с участием волков и людей, подробно выполненные пейзажи, на которых у каждого дерева аккуратно были вырезаны в камне все листочки до единого, а луна и звёзды в изображённых небесах только что не светились. Циклопические ворота, словно в противовес изукрашенным камням, — просто тёмные доски, стянутые позеленевшими скобами. Правая створка чуть приоткрыта, словно приглашает войти внутрь.

И главный храм оказался единственным зданием, которое пощадило время. Не только не разрушило, но вообще не прикоснулось. Ни один камушек не выкрошился из стен, ни одна часть скульптурного оформления не откололась, ни один кустик не пустил корни на крыше. Даже плиты на несколько метров в радиусе от сооружения не потрескались и выглядели так, словно их положили пару лет назад. Как будто некий объём пространства законсервировали.

— Впечатляет! — присвистнул Арман, запрокидывая голову, чтобы вместить в поле зрения шпиль. — Никогда б не подумал, что такое можно среди леса возвести. Где они столько камня взяли?

— И почему он целый? — добавил Чезаре.

— Магия, — с нескрываемой неприязнью отозвался Влад.

Полюбовавшись пару минут, мужчины решились войти внутрь. Первое помещение было на удивление маленьким. Коптили неизвестно кем зажжённые факелы, выхватывая из сумрака голые стены, без украшений. Какие-либо предметы обстановки, алтари и тому подобное, приличествующее храму, отсутствовали. Прямо напротив входа чернел дверной проём, ведущий в следующую комнату, неосвещённую.

— Что-то тут мрачновато, — высказал общее мнение Комольцев. — Камушек, логично предположить, дальше.

— Ну, не в прихожей же будут хранить артефакт невиданной силы, — сказал Лерой, выдёргивая из держателя факел. — Пойдёмте.

В это время с улицы донеслись голоса. Троица недоумённо переглянулась. Открытая створка ворот вдруг хлопнула, как ветхая калитка под сквозняком, запирая людей внутри

храма.

— Что за чёрт?! — Первым к выходу рванул Лерой, упёрся ладонью в двери и... с лёгкостью открыл. Чему не обрадовался. Над головой мелькнул арбалетный болт, к счастью никого не задевший, а всего лишь сбивший на пол один из факелов. Наёмник отшатнулся назад, потянув створку обратно. Оставил узкую щёлочку, через которую осмотрел площадь. — Инквизиторы. Вижу троих, но их наверняка больше. Один священник, остальные — воины, эти гвардейцы, в форме. И наш страж-призрак против них.

— Вот те раз! — почесал в затылке Влад. — Решили не дожидаться, пока мы донесём цацку? Подстраховываются?

Чезаре подошёл к дверям, чтобы тоже выглянуть, но француз схватил его за грудки, сдёргнул с плеча лук и колчан, отшвырнул куда-то в сторону, мальчишка не успел ничего сделать. Вот за кинжал уже произошла короткая борьба, окончившаяся, впрочем, победой наёмника, который без зазрения совести применил болевой приём, в захвате оказались именно те пальцы Чезаре, которые несколько дней назад были вывихнуты. Лезвие прижалось к горлу юноши.

— Не дёргайся лучше. А то у меня иногда нервный тик в ладони начинается, могу поранить ненароком.

— Ты что делаешь, Лерой? — возмутился Влад. — Он же на нашей стороне!

— Готов на это жизнь поставить? Он же всё время за инквизиторов воевал. Мне не хочется стрелу в спину получать.

С площади доносилось завывание ветра, а волны палящего воздуха прорывались даже внутрь храма. Битва шла полным ходом. Комольцеву хотелось самому посмотреть, что там происходит, но сперва надо разобраться с внутренним конфликтом.

— Лерой, отпусти его. Нам сейчас каждый боец нужен, независимо от того, кем он был раньше.

Наёмник глянул на Чезаре, потом на Влада, затем на улицу и снова на Влада.

— Я его не убью, но и оружие отдавать — самоубийство. Ты, Комольцев, вроде умеешь из этого архаизма стрелять, — кивок в сторону лука. — Вот и вперёд, а то наш призрак, по моему, выдыхается уже.

Француз отпустил юношу, подмигнул и сказал:

— Не серчай. Так правда будет лучше.

Влад тем временем искал наилучшее положение для стрельбы. Чтобы видеть как можно больший сектор площади, но при этом особо не высовываться самому. Присев за левой створкой ворот, он окинул взглядом творящееся снаружи. Тёмная фигура призрака висела посреди открытого пространства, с рукавов срывались сероватые вихри. Жара приближалась, наверное, градусам к сорока. Напротив стража стоял, очень прямо и твёрдо на одном месте, молодой священник. Лицо у инквизитора покраснелось от зноя, глаза слезились, но он не отступал ни на шаг. Когда очередной ветерок бросался в атаку, санктификатор вскидывал руку, отводя заряд в сторону либо вообще рассеивая его. Как ни удивительно, но у Влада первым впечатлением было сочувствие... священнику. Всё-таки человек, в отличие от непонятного пугающего создания в чёрном балахоне. Однако долго предаваться жалости Комольцев не стал. Санктификатора нужно было убить, как можно быстрее. Призрак уже заметно слабел: бледнел и спускался всё ниже к земле, а вихри появлялись всё реже.

Увлёкшись наблюдением за магическим противостоянием, Влад не сразу обратил

внимание на обычных воинов-арбалетчиков, засевших по периметру площади. Отвлечься от главных действующих лиц битвы заставили болты, в количестве четырёх штук, вписавшиеся в створки по обе стороны от открытой щёлочки. Влад залёг, громко матерясь. Страшно было даже голову поднять, не говоря о том, чтобы встать на колено и выстрелить в ответ. Но и сидеть в бездействии было нельзя.

— Что ты там копаешься?! — грянул голос Армана. — Или мне на них в ножи идти, если ты трусишь?!

И где-то в мозгах переключился невидимый рубильник, как бывало всегда в бою, время словно застыло, а возможность смерти стала неважной, ненастоящей подробностью, о которой можно подумать после. Влад выпустил стрелу почти не целясь, навскидку, и естественно, промазал. Однако концентрацию санктификатора сбил. Очередной призрачный смерч достиг противника, и священник, сбитый с ног, закопошился в пыли, пропустив и следующую магическую атаку. Стрелять в лежащего было неудобно, и Комольцев переключился на арбалетчиков. «Далеко, мать вашу!» — подумал он, но всё же попытался. Дальнобойности лука хватало, но вот точность на таком расстоянии у лучника-дилетанта хромала на обе ноги.

Арман бесился от собственной бесполезности. Дальнобойного оружия не было, возможности выйти из храма незаметно и подобраться к врагам с тыла — тоже. Оставалось положиться на умения Комольцева (как выяснилось, не такие уж впечатляющие) и удачу. Или на то, что призрак справится сам. А французу оставалось только присматривать, чтобы мальчишка не натворил чего.

«Почему же они раньше сюда сами не пришли, если так просто охранника заломать? Только из-за того, что дороги не знали? Или мы это привидение отвлекли, а они воспользовались? И почему страж всего один?» Вопросы возникали в голове со сверхсветовой скоростью, и ни на один не было ответа, даже предположительного.

Влад в который раз прижался спиной к закрытой створке ворот, убираясь с прицела арбалетчиков. Но гвардейцы инквизиции были не новичками и не дураками. Теперь они не стреляли одновременно, а ждали каждый своей очереди, не давая парню возможности высунуться. Комольцев краешком глаза умудрялся следить за разворачивающимися событиями, молясь всем богам, чтобы победу одержал призрак.

Санктификатор держался на одном упрямстве. Он так и не смог подняться в полный рост, стоял на коленях, в растрёпанной сутане, с искажённым лицом. «Почему он один? — удивлялся Влад. — Неужели инквизиторы настолько самоуверенны, что послали в неизвестность единственного своего... экстрасенса? А тут мог быть и не один призрак...» Только успел подумать, как тёмная фигура резко развернулась в другую сторону, боком к обессилевшему священнику. Вновь сотворённые вихри не пролетели и пары метров, как неведомая сила развернула их обратно к призраку. Смерч закружился посреди площади, разрастаясь и полностью заслоняя стража. Маленькое пылающее торнадо. Действительно пылающее, потому что температура всё росла, и сквозь круговые потоки воздуха прорывались язычки пламени. Из центра вихря раздался нечеловеческий крик, от которого заложило уши, а тело в прямом смысле парализовало ужасом. Пыль, поднятая взбесившимся ветром, мешала смотреть, зато Влад высунулся без боязни получить болтом в грудь. Сквозь такую дымовую завесу и вражеские стрелки хрен чего увидят. Призрака больше не было, его полностью заслонил непроглядно чёрный смерч.

— Комольцев! Комольцев! — заворожено смотревший на гибель нечеловеческого

стража, Влад не сразу понял, что его трясут за плечо и орут в ухо. Над ним склонился Арман. — Комольцев, пойдём!

— Куда? — переспросил парень, в голове звенело, а общее состояние было такое, словно его разбудили среди ночи.

— Приказы не обсуждаются! Вперёд! — Весомая оплеуха заставила Влада подняться на ноги и направится туда, куда толкнул его наёмник. Не понимая, почему не спорит, а подчиняется, он шагнул ко второму выходу из прихожей храма.

Арман сунул по факелу Владу и Чезаре, подхватил третий сам.

— Внутрь! Иначе мы уже покойники!

Мальчишка, видимо, не был так уверен, где ему лучше, и воспротивился:

— Не пойду! Свои меня не тронут, а там непонятно, какая защита стоит магическая! Город же проклятый! Не хочу!

— Молчать, щенок! — Лерой тоже не был настроен сантименты разводить и всех уговаривать. Он съездил Чезаре по роже, выбив кровавые брызги из носа. — Я сказал, все уходим!

И уже когда они вошли в тёмную комнату, добавил:

— Сам подумай, поглядят ли по голове после того, как ты в нашем обществе был? Не докажешь, что против своих не пошёл. Тем более подозрения на твой счёт уже были, а следы от когтей у тебя по всему телу вряд ли доверие увеличат.

Они сделали всего три-четыре шага и остановились. Факелы не разгоняли тьму, мужчины видели только друг друга, потому что свет падал непосредственно на лица. А меньше чем в полуметре от огня сгущалась непроницаемая чернота. Не было видно ни стен, ни других дверей, ничего. Только светился блёклым пятном проём, из которого они зашли.

— Эээ... — изрёк Влад.

— На редкость точное определение ситуации, — подтвердил француз.

К тому же вокруг было тихо. Звуки сражения, последние вопли погибающего призрака, — всё осталось где-то там, за спиной, отрезанное колдовской темнотой.

— И где же здесь искать ваш чёртов артефакт? — возмутился Чезаре. — Пальцы-то свои с трудом видно.

— Заткнись! — буркнул наёмник.

— Хватит мне рот затыкать! Ты предложил сюда идти, так думай, что дальше делать. Командир нашёлся, тоже мне!

Влад тоже опомнился и, озадаченно нахмурившись, думал, почему это он не стал спорить с решением Лероя. «Да, харизма у него на высоте», — вспомнилось почему-то то самое досье, видевшееся во сне. Однако теперь, когда непонятно было, куда сделать следующий шаг, лидерские качества не спасали. Француз сам растерялся, столкнувшись с нарушением законов физики.

— Хватит уже спорить! — рявкнул Влад. — Тихо, давайте вместе подумаем. Идти обратно не тянет, прямо в лапы инквизиторам опять. Вперёд... там можно сутки бродить и ничего не найти в лучшем случае, а в худшем — какую-нибудь изошрённую ловушку или банальную яму или лестничный колодец, в котором шею и сломаем сослепу. Стоять на месте — бессмысленно. Ваши предложения?

Арман тряхнул головой, по привычке убирая непослушную прядь, и включился в мозговой штурм:

— Наш козырь — Волчий Рубин. Не думаю, что инквизиторы хотят за ним сами лезть.

Наверняка надеются нашими руками жар загрести. Поэтому, пока его у нас нет, то может, не убьют.

— Уже пытались, — возразил Влад, имея в виду арбалетчиков.

— Так не попали же ни разу, хотя и я, и ты подставлялись здорово. Значит, просто пугали, чтоб мы не вылезли призраку помогать. С другой стороны, когда мы захапаем камушек, то будет лишний козырь, за него можно и наши жизни выторговать и много чего ещё.

— Осталось только найти, чем торговаться, — скептически произнёс Чезаре.

— Слушай, а ты на чьей стороне? — в упор посмотрел на него Влад. — Сколько можно метаться то туда, то сюда? Определяйся сейчас. Хочешь к ним — выходи, держать не будем. Если с нами, то до конца с нами.

Мальчишка отвёл глаза и ничего не ответил.

— Эй, у нас гости, — похлопал Комольцева по плечу француз.

В белёсом проёме двери появился человеческий силуэт. Судя по очертаниям — в облачении священника, с поднятой вверх правой рукой. Он шагнул в темноту... и его было видно. В кулаке — распятие, полыхающее ярко-золотистым светом. Сиянием освещалось лицо старика, санктификатор был сед и морщинист, но, наверное, очень силён. По крайней мере, свечение вокруг креста разрасталось, охватывало уже всю фигуру инквизитора и часть окружающего пространства.

— Чёрт! Рассыпались! К стенам! Пока он нас не слышит! — Лерой вновь взял инициативу в свои руки. Кричать шёпотом — тоже в своём роде искусство.

Троица разошлась с дороги священника, который двигался медленно, как по осеннему льду или ненадёжной гати через болото. Свет озарял не слишком обширное пространство — метра три в радиусе, да и то круг колебался, словно щупальца черноты время от времени пробивали границу священной магии. Влад не видел теперь Армана, который отошёл в другую сторону, рядом застыл Чезаре, внимательно наблюдавший за санктификатором, как будто взглядом поддерживающий его, чтобы не остутился. «Предаст мальчишка, — внезапно очень отчётливо понял парень. — И никак его не переубедишь. Только убить остаётся». Рука легла на кинжал. «В этой комнатке заколдованной даже не услышит никто. Сейчас. Удобный момент. Он на тебя даже не смотрит. Один удар по горлу, без мучений». Влад сжал ладонь на рукояти... и огненным гвоздём вспыхнула боль во лбу, потом ещё два раскалённых стержня впились в виски. Парень закричал, инстинктивно прижал пальцы к больному месту, естественно, отпустив оружие. И боль ушла.

— Что с тобой? — Чезаре участливо вглядывался в лицо Влада.

Комольцев почувствовал, что щёки заливают краска стыда, и отвёл факел подальше от себя, чтобы этого не было видно. «Заклинание остановило. Я же должен его живым папеньке вернуть. Если нет, то ты бы уже мёртв был, мальчик. А ты ещё заботу обо мне проявляешь. Боже, кого из нас жизнь делает? Что я, что Чезаре... Получается, что у меня тоже цель оправдывает средства. Мешает юнец на дороге, грозит сорвать планы, значит, вычеркнем его из живых... И он такой же, чуть почувет слабинку, в которую можно ударить — так и сделает. Ч-черт!»

А на пороге комнаты тем временем возникли новые участники спектакля. Ещё двое, тоже священники. От них, правда, не исходил свет, зато теперь их стало слышно. Первый шагнул внутрь, и комната перестала глушить звуки. Мерное бормотание на латыни наполнило темноту, когда второй санктификатор двинулся вслед за первым. «Выходит, он

ещё и видит его. Значит, тот не только себе дорогу освещает». Третий не спешил присоединяться к своим товарищам. Застыл на краю помещения, а затем произнёс, негромко, но звучный, привычный к большим пространствам голос, был прекрасно слышен:

— Не стоит прятаться. Я вас чувствую. Рекомендовал бы идти следом за ними, а то, упаси Боже, накинута на вас враждебные призраки и потеряете не только жизни, но и души. А тут такой шанс выбраться. Даже артефакт мимо оборотней нести не придётся, мы сами справимся. Вам осталось только его взять.

Арман тихо пробурчал себе под нос:

— Ага, вот пока брать будем и потеряем жизни и души.

— Предлагаю вам выйти самим. Даю минуту.

В комнату уже постепенно просачивались арбалетчики. «Интересно, как они собираются стрелять в такой тьме? — подумалось Владу. — На слух, что ли?» Первый санктификатор, «светильник», как окрестил его про себя парень, остановился. «Ой, не нравится мне это». Они с Чезаре стояли, не шевелясь, чтобы не выдать себя шорохом. Лероя тоже не было слышно, хотя Комольцев не знал, распространяется ли действие второго священника, который снял «глушилку», на всё помещение. Но выходить сдаваться наёмник, видимо, не собирался. У Влада мелькнула мысль пострелять по врагам. Благо, один себя осветил очень хорошо, а те, кто около двери, вообще отлично силуэтами выделяются. Удержало несколько соображений. Во-первых, всех снять не успеет. Во-вторых, выдаст собственное местонахождение, а бывалым стрелкам не составит труда утыкать его болтами, как ёжика. В-третьих, тот санктификатор сияющий, похоже, единственный способ разогнать магическое затемнение. Без него, получается, и камушек запросто можно проглядеть и не заметить. Однако выходить на свет тоже стремления не было. «Может быть, они блефуют, и нет у них способа нас засечь. А мы поверим и выползем сами, как придурки».

— Ваше время истекло, — молвил инквизитор. — Отец Луиджи, приступайте, пожалуйста.

«Источник света», оказавшийся этим самым Луиджи, воздел обе руки к потолку и размеренно начал читать длинную литанию. Сияние вокруг него стало ярче, насыщеннее, словно образовалось окошко в солнечный день, вскоре золотой свет уже ослеплял, но не распространялся шире, чем раньше. Всё случилось, когда священник умолк и опустил левую руку, оставив вверху только кулак с распятием. Сконцентрированный свет вдруг рванул в стороны, рассеиваясь при этом, но вырывая из тьмы всё большую площадь. Освещение получилось тусклым, но все друг друга увидели.

Арман выругался, Влад тоже не сдержался. Арбалеты нацелились остриями болтов во всех троих. И спрятаться-то уже было негде. Исполинских размеров зал оказался пустым, по крайней мере та его часть, что находилась в поле зрения.

— Ну вот, там, где я и предполагал, — инквизитор посмотрел в одну сторону, потом в другую. — Можно было и не вынуждать отца Луиджи зря тратить силы. А теперь, дорогие мои, не будете ли вы так любезны бросить оружие на пол и отойти от него... ммм... на двадцать шагов вглубь помещения. Я вас очень прошу.

Ситуация была безвыходная, и мужчины вынуждены были выполнить требования священника.

— Замечательно. Теперь же мы наконец-то двинемся к нашей цели. Прошу вас, отец Луиджи.

«Светильник» направился дальше, около него снова аура стала ярче, пробивая тоннель в

черноте.

— Следуйте за ним, — приказал самый разговорчивый инквизитор.

Процессия, не спеша, шагала по залу. Впереди — ведущий, который по каким-то одному ему ведомым причинам иногда сворачивал в сторону, как будто обходя препятствия, хотя там ничего не было видно обычным глазом. Затем — незадачливая троица, опять попавшая в положение пленных. Следом — «ухо». (Влад от бессилия продолжал изгаляться в прозвищах для противников). А вот арбалетчики и последний санктификатор почему-то остались при входе. Зала закончилась неожиданно. Сделав следующий шаг, они увидели такой же блёкло-белесоватый дверной проём, как в начале своего путешествия сквозь тьму.

Этот зал был не таким грандиозным по размеру. Но скорее всего главным в храме. Помещение заливало солнце, бьющее сквозь огромные окна в потолке. После тускловатого сияния санктификатора все вошедшие на время зажмурились. А как только глаза притерпелись, то они замерли в восхищении, удивлении, неверии... Метрах в двадцати впереди, прямо напротив них, на возвышении лежал он. Волчий Рубин. Несмотря на то, что никто из присутствующих не видел древнего артефакта раньше и даже не читал описания его внешнего вида, все поняли, что это не может быть ничем другим.

Амулет действительно выглядел как драгоценный камень, но природные рубины не бывают такими большими. Он был не меньше кулака размером. Сверкающий кровавыми гранями, бросающий блики на стены, пол и алтарь, на котором лежал. От этого вся комната казалась красноватой. Алтарь очень чётко напомнил Владу то, что он видел в своё время в комнате Конрада и исследовал в подвале под сарайчиком Лионеллы. Такой же каменный параллелепипед, с идущей по краешку вязью — орнаментом, в котором органично переплетались звериные тела, небесные светила и исполинские деревья. По верхней плоскости шёл кровосток. И невероятной красоты артефакт казался крайне неуместным на жертвеннике. Как живописный шедевр на искорёженной взрывом стене.

Отец Луиджи утёр пот со лба, ладони у него заметно дрожали. Как видно, экспедиция сквозь враждебную магию далась ему нелегко.

— Возьмите артефакт, — обратился он к пленникам.

— А самому слабо? — с нехорошей улыбкой осведомился Арман.

Теперь, когда арбалетчики остались где-то далеко за спиной, противостоять двум безоружным священникам, пусть даже наделённым сверхъестественными способностями, казалось пустяковой задачей. Наёмник незаметно подмигнул Владу и двинул бровью, лёгким поворотом головы указывая назад: дескать, ты второго берёшь. Комольцев кивнул.

— Мы передадим вам камушек — и вы уходите, оставляя нас в покое? — уточнил Влад, специально взглядывая то на одного инквизитора, то на другого, чтобы не было ясно, собирается ли он нападать, а если собирается, то на кого.

— Вы вынесете Рубин из храма, а ещё лучше с территории Города, а затем можете отправляться на все четыре стороны.

Лерой опасался, что действовать они с Владом начнут одновременно, потеряется эффект неожиданности, и санктификаторы успеют применить какую-нибудь из своих штучек. Однако переживал он зря. Захват прошёл так, словно они долго тренировались. Ни одному из священников не хватило быстроты, чтобы призвать силу, а в рукопашной они не были соперниками двум подготовленным бойцам. В несколько секунд поединок, если его можно так назвать, был окончен. «Ухо» лежал на полу, Влад даже испугался, что совсем ему шею свернул, но, наклонившись, убедился, что пульс ровный. «Светильника» оставили в сознании, чтобы продолжить разговор, только отобрали распятие, чтобы не вздумал воспользоваться своими экстрасенсорными способностями.

— Вы этим ничего не добьётесь, — старик был чудовищно спокоен. — На выходе вас ожидают арбалетные болты, если вы появитесь там без нас и без артефакта. Можете меня убить, молодой человек, но таким способом не спасётесь. Я уже много прожил, и встреча с Создателем меня не пугает.

По тонким губам наёмника скользнула неприятная усмешка.

— Ты-то, старый хрыч, за жизнь цепляться не будешь. Верю. А он? — указал на бессознательное тело второго инквизитора. Тот был не сказать, чтобы совсем юный, но вряд ли грешный мир успел ему надоесть. — Приведи-ка его в чувства, Комольцев.

Влад наклонился и похлопал санктификатора по щекам. Тот очнулся с тихим стоном. «Да, неплохо я его приложил...»

— Так вот, друзья мои, — Арман невольно перенял манеру «светильника» изъясняться вежливо и неторопливо, — предлагаю вариант, который не может не устроить нас всех. Сейчас ты, — тычок пальцем в молодого священника, — пойдёшь туда, — жест в сторону алтаря, — возьмёшь рубинчик, и вы спокойненько, без резких движений уйдёте, неся вожделенное сокровище своим. Нам, поверьте, эта штука без надобности. Продать вряд ли получится, а брать, чтобы любоваться и переться от собственной крутизны — не по мне... Так что, договорились?

— Не делай, — старик отрицательно покачал головой, обращаясь к младшему коллеге.

«Ухо» пребывал в нерешительности, усугублённой последствиями удара по голове.

— Подумай, хочешь ли ты видеть, как у тебя на глазах будут убивать беззащитного пожилого человека? Точнее, готов ли ты это видеть? — в глазах француза мелькнул азартный огонёк. Казалось, ему даже хочется, чтобы пленник продолжал упорствовать.

— Лерой, может... — заговорил Влад, которому стало как-то не по себе от происходящего. «И почему молчит Чезаре?» Парень кинул взгляд на лучника. Тот смотрел на Волчий Рубин, не обращая внимания, что творится рядом.

— Хорошо, я заберу артефакт с алтаря, — наконец определился молодой санктификатор и приступил к исполнению.

Он не дошёл до цели всего шага три. На высоте, чуть превышающей человеческий рост, из стен зала вырвались ослепительно белые лучи и, изогнувшись дугой, сошлись в той точке, где находился человек. Одновременно всем находящимся в комнате впился в уши разъярённый женский крик. «Светильник» рванулся из рук Армана и преуспел в своём стремлении к свободе.

Владу казалось, что на него опрокинули чан с кипятком. Голова взрывалась болью, волнами растекающейся затем по всему телу. К горлу подступила тошнота. Ощущение было точь-в-точь такое, как возникало при уклонении от исполнения приказов, закреплённых заклинанием, но во много раз сильнее и хуже. Парень с трудом ловил в фокус помещение, но по судорожным жестам Армана понял, что тому сейчас не лучше.

Силуэт старика-санктификатора выделялся чёрным пятном в залившем зал белоснежном свете. Времени вооружиться символом веры у него не было, и священник вскинул пустые руки, губы двигались беззвучно. Всё заглушал тот самый женский крик, перешедший в слова, выкрикиваемые слишком быстро, чтобы их можно было понять.

Когда полыхнуло белым, Чезаре на миг зажмурился, а открыв глаза, поразился наступившему хаосу. Один санктификатор лежал абсолютно точно мёртвый, с обугленным лицом, второй пытался побороть враждебное волшебство. Пришельцы из другого мира синхронно схватились за головы и осели на пол, Арман согнулся в рвотном позыве. На мальчишку никто не смотрел, всем было не до того.

Взгляд.

Рубин полыхал вдвое ярче, чем раньше, словно впитывая страдания и боль людей.

«А почему мне не плохо? — удивился Чезаре, но отмахнулся от этой мысли как от не

имеющей значения. — Мой шанс. Сейчас. Доставлю артефакт отцу, и все обвинения наверняка будут сняты. Ещё и в герои запишут». Не то чтобы так хотелось в герои, но юноша, давно потерявший выход из ловушки, которая захлопнулась в ночном Ватикане, наконец узрел свет надежды. И не собирался упускать единственную возможность спасения.

Вперёд.

«Убьёт же! Посмотри на священника!» — заголосил здравый смысл.

«К Дьяволу! Грудь в крестах или голова в кустах!»

Камень озарил кровавым светом руки и лицо Чезаре. Никаких новых молний со стен не сыпалось, несмотря на то, что человек подошёл уже вплотную к жертвеннику.

«Наверное, одноразовая штука...»

Но протянуть ладони к древней вещице всё равно было страшно. Как шагнуть в тёмную воду омуты ночью, не зная, какова глубина. Рубин искрился и как будто подмигивал тёмно-красными огоньками, рассыпающимися под поверхностью идеально ровных граней. Возьми меня — и умри. Возьми меня — и спасись.

Чезаре показалось, что он простоял в неподвижности вечность, а на деле миновало всего несколько мгновений. Юноша обхватил Волчий Рубин руками, приподнял неожиданно тяжёлый, прохладный камень с алтаря. И поспешил к выходу.

В груди пульсировала необыкновенная радость. Во всём теле ощущалась такая лёгкость, что ноги сами несли Чезаре к выходу из зала.

— Стой! Стой, кретин малолетний!!!

Доктор очнулся от душераздирающего писка, чуть не свалился со стула, потому что во время дремоты и так чересчур наклонился в сторону, громко выругался... и только после этого осознал, что обозначает завораживающе подмигивающая ярко-синяя лампочка. И звуковой сигнал — не тревога, не сбой, иначе бы он не только бы носом пропахал по полу, но и вообще рисковал остаться зайкой на всю жизнь. Нет, индикатор подмигивал с панели, обозначающей самую большую из возможных удач.

— Может, я ещё сплю? — поинтересовался Доктор у безмолвного монитора, помедлил, словно на самом деле ожидая ответа. А затем, издав крик торжествующего над поверженными соперниками воина, кинулся на личный доклад к начальству. Такое известие не хотелось доверять телефонным проводам.

...-Ничего не вижу, — недовольным тоном заявил Генерал, на лице явно читалось раздражение от того, что его отвлекли от только что налитой рюмочки коньяка, которую пришлось оставить на столе в кабинете.

Учёный и сам недоумённо чесал в затылке. Индикатор больше не горел, сигнал молчал, а диаграммы показывали что-то не совсем внятное.

— Но только пять минут назад... мерцание портала... слабое, конечно, но оно было.

Генерал сочувственно посмотрел на молодого человека.

— По-моему вам надо побольше отдыхать. Когда вы в последний раз нормально спали? В кровати, а не здесь, за пультом?

— Не надо из меня идиота делать! — вспыхнул Доктор. — Я что, по-вашему, придумал показания приборов?! — Он покрутил колёсико мышки, выводя на экран тот отчёт, который был там означенные пять минут тому назад. — Смотрите, вот же явный пробой. Незавершённый, но он был!

Генерал равнодушно окинул взглядом диаграммы.

— Я мало разбираюсь в ваших графиках, не скрою. Раз вы говорите, что был, значит, так

и есть. Но сейчас-то нам от этого какая польза? — В голосе начал сквозить яд. — Если вы помните, Доктор, мне нужен устойчивый, большой и надёжный портал, а не жалкое незавершённое мерцание!

...Молодой, можно сказать, юный учёный заворожённо взирал на лежащую на столе раскрытую папку. Последние два года он тщетно искал материалы по Эксперименту, закрытому в связи с чрезмерными расходами и низкой эффективностью, как говорилось в официальных документах. И вдруг там, где меньше всего можно было бы ожидать, в кабинете командующего, прямо поверх карты местности — диаграммы, мечта отыскать которые преследовала его не первый год.

Когда учёный, уже не отдавая себе отчёта в том, что делает и насколько это может быть опасно, углубился в изучение документов, сзади хлопнула дверь. Юноша подскочил на месте, поняв, что в кабинете он уже не один.

— Так-так, — голос генерала был мрачен и чуточку насмешлив. — Это у вас в правилах — заходить без разрешения и копаться в чужих бумагах?

Учёный вскочил и, запинаясь, начал оправдываться, но глазом не переставал косить в заинтересовавшие его таблицы:

— Я... простите, я постучал, никто не отозвался, но дверь была незаперта... я вошёл, хотел подождать. Думал, что, если вы не закрыли кабинет на ключ, то скоро вернётесь.

— Беда с вами, штатскими, — вздохнул генерал. — Думаете вы. И не запретишь ведь вам думать, потому как это ваша работа. Верно? Так и что же вы там такого занимательного увидели?

Глаза у юноши тут же загорелись, и он принялся объяснять, пересыпая речь спецтерминами. И куда только делись все запинки и бессвязность, которые «украшали» его фразы до этого. Генерал слушал вполуха, а думал явно о чём-то своём.

— Значит, вам здесь всё понятно? — перебил он наконец излишняя учёного.

— Конечно! — немного обиженно ответил тот.

— Хм, а знаете ли вы... извините, не припомню ваше имя... что вы только что сунули свой любопытный нос в сверхсекретную документацию? И ещё хотелось бы напомнить, что несанкционированное проникновение в кабинет главнокомандующего — дело, которое будет разбираться на трибунале. Да, я помню, что вы человек неармейский, но сейчас вы определены в моё подчинение, и вас будут судить по законам военного времени. — Генерал, хитро прищурившись, ждал, как будет выкручиваться молодой врач, на поверку оказавшийся весьма талантливым и грамотным специалистом в областях, довольно далёких от полевой медицины.

Но учёный оказался крепким орешком и сразу же понял, что, если б генерал собирался поступить так, как говорит, то не стал бы вот так грозить, а просто напросто вызвал бы караул.

— А наличие у вас отчётов о результатах запрещённого и закрытого Эксперимента под ведение какого суда подпадает? Военного или гражданского? Если мне не изменяет память, то всё-таки военного, потому что исследования проводились под эгидой Министерства обороны. Так что на скамье подсудимых вместе сидеть будем, мой генерал. Правда, мне приговор, скорее всего, помягче назначат.

Командующий усмехнулся, уже почти по доброму, прошёл к своему креслу и кивнул врачу:

— Присаживайтесь. И поговорим серьёзно.

Через полчаса они уже обсуждали, какая аппаратура необходима для того, чтобы повторить результаты Эксперимента.

Влад закашлялся от собственного громкого крика.

— Стой!

Но Чезаре уже нырнул в дверной проём и скрылся в абсолютной темноте заколдованной залы. Комольцев потихоньку приходил в себя. Боль исчезла столь же внезапно, как и появилась. Даже ещё неожиданней, потому что причина такого счастья осталась тайной. Просто действие охранной магии прекратилось, ни с того, ни с сего. Влад подумал было, что преуспел в защите старик, но тот уже некоторое время лежал, уставившись остекленевшими глазами в потолок. Парень потёр виски, стряхивая последние остатки дурноты. Подташнивать продолжало, но это можно было перетерпеть. Арману, как видно, пришлось хуже. Француз продолжал отплёвываться, упираясь одной рукой в пол, а когда наконец поднял взгляд, то глаза были совсем чумные.

— Ты, Лерой, никак подыхать собираешься?

— Не с твоим... счастьем... — Говорил наёмник с трудом, но всё равно попытался насмешливо улыбнуться. Вышло не очень, зато Влад понял, что потеря второго союзника ему не грозит. Пока в Армане жива способность острить, подкалывать и огрызаться, за его самочувствие можно не беспокоиться. — А где... наш Соколиный Глаз?

— Ты не видел?

— Что не видел? — Француз огляделся по сторонам, недоумённо поднял бровь. — И что? — Пауза. — Вот дерьмо! А где камушек?!

— Там же, где и Соколиный Глаз, — иронично ответил Влад, подхватив случайно родившуюся кличку.

— Твою мать! Надо за ним! — Арман на удивление легко подорвался на ноги.

— Зачем?

— Артефакт! Или ты на самом деле хочешь здесь концы отдать из-за этих проклятых магических поводков и маячков?

Они ринулись к выходу, как могли быстро, потому что фора у мальчишки и так была немалая. Но приостановились, упершись в стену темноты.

— Как же мы пройдем? — почесал в затылке Влад. — Без нашего «светильника»... царство ему небесное... Там и ловушки были... Помнишь, старик всё обходил что-то?

— Но пацан же как-то прошёл!

— Может, он там уже дохлый валяется где-нибудь посреди комнаты?

Лерой нахмурился, пощёлкал пальцами, ловя мысль:

— Вдоль стен. Так и не заблудимся, и мальчишка наверняка так же пошёл. Глядишь, и догоним. Давай, ты направо, я налево.

Влад согласно кивнул, и они разошлись.

Первая ассоциация, пришедшая на ум, была следующая — весь мир превратился в огромный отрез непроницаемо-чёрного бархата. Темнота, которая окружала Лероя, не была обычной. Такой не бывает даже в новолуние. Сверкание пятен на сетчатке глаза очень быстро прекратилось, и создалось ощущение полной слепоты. По коже побежали холодные липкие мурашки. Если приплюсовать к этому абсолютную тишину (даже звука собственных шагов не слышно), то можно было решить, что жизнь завершилась и вокруг — какой-то из кругов Ада, скорее всего Ад для атеистов, не верящих в загробный мир. Сохранить хоть малую иллюзию действительности помогала только прохладная поверхность камня,

скользящая под рукой. Арман специально прижимал к стене ладонь полностью, чтобы даже случайно не потерять опору и не остаться во тьме без ориентиров. Нет, наёмник не боялся темноты. Он её просто не любил. Как и тишину. А тут — два в одном.

Для того, чтобы отвлечься от навязчиво поднимающих голову фобий, француз считал шаги, пытаясь мысленно представить размеры и форму зала. На сто четырнадцатом шаге рука нащупала пустоту. Холодный пот выступил на лбу, в первую секунду Лерой решил, что каким-то невероятным образом всё-таки потерял стену. Лишь вернувшись на несколько сантиметров назад, нащупав ставший почти родным надёжный камень, осознал, что наткнулся на третий выход из помещения. «Странно, что его не видно. Я ведь буквально на пороге стою». Арман, недолго думая, шагнул в проём, решив исследовать попавшуюся странность до конца. Осторожно прощупал ногой пол, нет ли лестничных ступенек, высокого порога или ещё какой-либо гадости, но плиты по-прежнему были гладкие и ровные.

Сто пятнадцать — один. Сто шестнадцать — два. Теперь он вёл двойной счёт — от начала залы и от порога ответвления. Сто семнад...

В глаза ударил яркий свет. Лерой выругался, прижав правую ладонь к лицу. Резь в глазных яблоках уменьшилась, наёмник медленно приоткрыл веки. Освещение, как выяснилось, было не таким уж ослепительным. Два литых канделябра, на десяток свечей каждый. И воск только начал капать, словно огонь зажгли минут пятнадцать назад.

Арман с изумлением осматривал самый настоящий женский будуар. Захотелось протереть глаза и ущипнуть самого себя за нос, настолько иным, неожиданным выглядела эта комнатка рядом с заброшенным древним городом, внутри величественного храма, расположенного в чаще леса. Широкая (минимум трёхспальная) и высокая кровать, застеленная тёмно-вишнёвым атласным бельём. Рядом скамеечка, чтобы удобнее было взбираться на ложе, обитая таким же материалом. На полу — мягкий ковёр с чёрным ворсом. Стены затянуты узорчатым шёлком. В воздухе витают пьянящие ароматы духов и благовоний. Прямо напротив входа расположилось внушительных размеров зеркало в причудливой деревянной раме, перед ним — столик, заставленный баночками, скляночками, пузырьками, притираниями, помадами и прочими женскими мелочами.

Глядя в зеркало, спиной к Арману сидела она. Француз, ещё не разглядев толком внешность женщины, понял, что та очень красива. Безумно, дьявольски красива. Лишь потом увидел полногрудую фигуру, волну блестящих волнистых смоляно-чёрных волос, матовой белизны кожу, большие, окружённые густыми ресницами глаза. Она неторопливо провела гребнем по локонам, потом с усилием вытащила притёртую пробочку из миниатюрного флакончика и мазнула за ушами. Закрыла. Отвернула крышку на перламутровой баночке, крохотной кисточкой распределила пудру по лицу, шее, плечам, декольте... Одета она была в достаточно откровенное платье: корсет подчёркивал и зрительно увеличивал и без того немаленький бюст, пышная юбка с одного бока расходилась высоким разрезом, из которого выглядывала белоснежная ножка в туфельке на изящном каблукке. Весь наряд дамы повторял те же цвета, что и интерьер комнаты — вишнёвый и чёрный, с преобладанием первого.

Лерой поймал себя на том, что уже не помнит, сколько стоит столбом и пялится, едва ли не забывая сглатывать слюну. Женщина явно видела его в зеркале, но не только не бросила своих дел, но даже глазом не моргнула. Как будто в её будуар каждый божий день заваливаются незнакомые мужчины в странной одежде и застывают бессловесными изваяниями. Хотя... если б заходили, то несомненно так и поступали бы. Становилось очевидным, что как-то реагировать на незваного гостя хозяйка апартаментов не собирается.

— Ээээ... — глубокомысленно начал Лерой. Похоже, хвалёное красноречие изменило ему впервые за многие годы. «И из-за чего? — внутренне подивился он. — Можно подумать, красивых женщин не видел!» И тут же осознал, что видеть-то видел, но непредставимо давно, в прошлой жизни — этот негостеприимный мир не соизволил показать ему ни одной своей красоты. О чём-то большем, чем просто взгляд, и говорить не приходится. Арман смотрел на женщину и забывал думать, потому что просто хотел её. Прямо здесь и сейчас. И плевать на опасности вокруг и необходимость ловить беглого мальчишку с артефактом. Глас рассудка замолчал окончательно, Арман шагнул вперёд, намереваясь обнять хозяйку будуара и тем самым заставить её обратить на себя внимание.

Идти было почему-то трудно, как в дурном сне, когда воздух становится похож на вязкий клей. Брюнетка засмеялась и подмигнула отражению мужчины в зеркале.

— Ты что-то хотел сказать? — по-итальянски она говорила с лёгким акцентом. От этого слова получались более мягкими, обтекаемыми, без резких звуков.

Поняв, что дело нечисто и не просто так ему неудобно идти, француз остановился. Он был рядом. Только руку протяни — и коснёшься обнажённого плеча. Но сил поднять конечность не осталось.

— Кто ты? — получилось чуть хриловато. — Откуда ты здесь?

Она вновь рассмеялась, уже откровенно потешаясь над страдающим наёмником. Соизволила наконец-то обернуться и взглянуть на него прямо, а не в зеркало. Так её глаза казались ещё более тёмными и глубокими. Загадочными. Завораживающими. Колдовскими. Арман понял, что произносит это вслух. Встряхнул головой, отгоняя наваждение:

— Брось свои магические штучки! — прорычал он. Лерой не привык, чтоб над ним так откровенно издевались.

— А я ничего не делаю, — улыбнулась женщина. — На тебя действует стандартное охранное заклинание. Его очень легко преодолеть, если на самом деле... захочешь... — слова прозвучали на редкость двусмысленно.

Арман принял вызов и, собрав все силы, передвинул ногу и протянул ладонь к женщине.

— Вот только осмелишься ли? — брюнетка чуть подалась навстречу и тоже подняла руку. Когда между их ладонями осталось каких-нибудь пара сантиметров, на кончиках пальцев дамы полыхнули язычки пламени, обжигающие и злые. Наёмник отшатнулся назад, скорее от неожиданности, чем от боли. Зато вязкий воздух отпустил. Теперь можно было двигаться без усилий. Однако беспардонно хватать брюнетку в объятия тоже как-то расхотелось. Она же тем временем закинула ногу на ногу, ещё более акцентировав внимание на разрезе, и заговорила:

— Зовут меня Алисанда. Для моих мужчин — Сэнди. — Она сделала ударение на слове «моих». — Но так как ты не рискнул, то для тебя имя остаётся полным. Ответ на второй

вопрос — я здесь живу.

Лерой почувствовал, что сейчас вскипит не то от вожделения, не то от гнева. Хотелось тоже ответить что-нибудь колкое, язвительное, но ничего не придумывалось. Надо было срочно приходиться в себя. Помогла, как зачастую бывало, злость. Чем больше Алисанда дразнила его, тем меньше действовали её чары. Всё-таки Арман не сомневался, что дело в магии. Ну не мог он настолько потерять голову! Заговорив, он с облегчением заметил, что голос нормально слушается, а фразы рождаются вполне осмысленные:

— Живёшь? В древнем, разрушенном, заброшенном городе?

Женщина кивнула.

— В Городе Призраков, — уточнил наёмник. — А кто живёт в Городе Призраков, если исходить из логики? Ты, красавица, сколько лет назад умерла? — И добавил про себя: «А ты её в постель волочь хотел, некрофил!» Правда, желание использовать вишнёвого цвета ложе по одному из прямых назначений от данного открытия не угасло.

— Сударь, вам известно то, что намекать на возраст женщины — верх неприличия? — Алисанда капризно надула губки. — И я не умирала. Разве я похожа на привидение? — В чёрных очах вновь зажглись призывные огоньки.

— Не похожа, — признал Арман. — Впрочем, я привидений ни разу до этого не видел, поэтому не могу утверждать стопроцентно. Но обычная женщина не смогла бы здесь жить. Это же абсурд. Среди руин, в одиночестве, точнее, в компании странных существ в чёрных балахонах...

— Каких существ? — тонкая милая морщинка появилась между бровями. — А, ты про Привратника! Это же просто заклинание. Он неразумен. Был. — Алисанда вдру помрачнела, автоматическим движением брызнула себе на шею несколько капель духов и кардинально сменила тему. — Рубин необходимо вернуть на место как можно быстрее.

Только в этот миг француз узнал голос и понял, что именно её крик прозвучал в главном зале храма, когда было совершено покушение на артефакт.

— Что ты знаешь про камушек?

— Я знаю про него всё, — жёстко отрезала брюнетка. — Но сейчас не время рассказывать древние сказки. Для таких историй существуют длинные зимние вечера. Нужно вернуть Волчий Рубин! И ты мне поможешь!

— Да что ж это мне в последние дни все указывают! — взорвался наёмник. — Инквизиторам брульянтик нужен, оборотням нужен, теперь ещё баба какая-то полоумная! Милочка, а тебе никогда не говорили, что помощи принято просить, а не требовать?

Совершенно не обидевшись на «полоумную бабу», Алисанда нахмурилась ещё сильнее. Потом поднялась с пуфика и оказалось совсем рядом, чуть ли не касаясь мужчины высокой грудью. Вид в декольте, надо сказать, завораживал.

— Святыню ищут оборотни? — теперь во взгляде светилось беспокойство, почти страх. Ни грамма насмешки не осталось.

С трудом оторвав взгляд от открывшихся прелестей, Арман ответил утвердительно.

— Тогда тем более нужно торопиться! Я чувствую, что Рубин уже донесли до границы Города! Быстрее же!

Почудилось или в интонациях действительно прорезались умоляющие нотки? Лерой прищурился, раздумывая, стоит ли заключать новый союз неизвестно с кем. Неясно даже, человек ли она. Но... в конце-то концов, отчего не помочь красивой девушке? Тем более, в данный момент им по дороге, а уж кому достанется камушек после всех разборок, поглядим.

В бою против инквизиторов магия Алисанды была бы сильным козырем.

— Хорошо, — склонил он голову. — Надеюсь, ты можешь сделать так, чтобы там, — жест в себе за спину, — стало... чуточку светлее?

Вдруг всё стало видно. Влад даже глаза потёр от неожиданности, прижался спиной к стене, нашарил нож на поясе, выискивая взглядом врагов. И увидел Армана, появляющегося словно из стены (дверей там вроде не наблюдалось), а вслед за ним... Влад сглотнул непроизвольно набежавшую слюну и усилием воли вернул на исконное место отвисшую челюсть. Женщина, казалось, излучала тёмную красоту, которая больше приличествует героиням страшных, но завораживающих сказок. «Вот ведь скотина! — почти восхищённо подумал Комольцев про Армана. — Француз везде бабу отыщет! Даже в доисторическом городе».

— Чего уставился? — буркнул наёмник. — Познакомься, это Алисанда. Если не хочешь ломать язык столь длинным именем, то тебе надо с ней переспать. Но так как ты верен своей блондинке, то это вариант не для тебя. Алисанда, это Влад Комольцев.

Девушка окинула русского оценивающим взглядом, благосклонно кивнула и плавным жестом руки приказала мужчинам следовать за ней к выходу из храма. И это выглядело именно так — не приглашением, не просьбой, а повелением, которого невозможно послушаться.

— Артефакт не следовало выносить за пределы Города Призраков. — Алисанда задумчиво накручивала на указательный пальчик прядь волос. Сейчас она не выглядела больше такой роковой женщиной, какой предстала во время первой встречи. Ну да, красивая, даже очень, но без той достойной суккуба притягательности, заставляющей забыть простейшие дыхательные и глотательные рефлекссы.

Тем не менее оба мужчины по-прежнему не отводили от брюнетки глаз. Но теперь больше из-за того, что она говорила. Это была история, услышать которую они не могли ни от кого другого. Взгляд изнутри погибшего города.

— Вернее, Город Призраков — не слишком верное название. Надо было именовать Проклятый Город. То, что люди принимают за привидения, всего лишь фантомы-заклинания, стоявшие на страже ещё в те времена, когда город процветал. Волчий Рубин создавал некую стабильность, а теперь, когда святилище ограблено... проклятье вырвется на свободу. И возможно многих ждёт та же участь, что и жителей Ликана.

— Ликан? — переспросил Влад.

— Так назывался Город Призраков прежде. Ликан — великая столица оборотней. О тех веках не сохранилось, к сожалению, никаких сведений.

— Значит, сказки не врут? — проговорил Арман. — Там действительно волки жили?

— Кто сейчас может точно сказать? Кто может помнить те столетия? — загадочный взгляд чёрных глаз остановился на французе.

— А ты разве не помнишь? — невинно осведомился наёмник, которому не давала покоя мысль о том, кто же такая их новая знакомая на самом деле и откуда она взялась в Городе Призраков.

Алисанда надула губки, что, кстати, не слишком-то ей шло. Отвернувшись и капризным тоном обратилась к Владу:

— Не могли бы вы, сударь, объяснить своему другу, что он в очередной раз меня ни за что обижает.

Однако в наигранную глуповатость девушки не верилось абсолютно. Несмотря на

расхожее представление, что красивым необязательно быть умными, зачастую оба достоинства сходятся в одном человеке. Алисанда являла собой яркий пример такой гармонии. Она виртуозно играла обиженную куртизанку, но для полноты эффекта чего-то не хватало, и становилось ясно, что девушка надевает ту маску, используя которую ей легче добиться своего.

После нескольких минут молчания, когда стало понятно — Алисанда не намерена продолжать рассказ, Лерой вздохнул и сказал:

— Я прошу прощения. Больше не буду затрагивать данный вопрос. — Пауза. — Но это не значит, что я про него забыл.

Благосклонно кивнув, как королева прощённому придворному, Алисанда снова заговорила:

— На Ликан обрушилось проклятие лет триста или четыреста тому назад. Естественно, неизвестно почему. Оборотни ушли оттуда, здания разрушились... Город отпугивал от себя всех — сначала волки пытались вернуться, но для них вход на территорию закрылся навсегда. Люди... ну, судя по тому, что вы и воины церкви прошли без помех, то никаких барьеров не было... наверное, люди просто боялись, потому и не тревожили руины. За все века — едва ли пяток искателей приключений, жаждущих отыскать старинные магические штучки.

— А что с Рубином? — напомнил Влад первоначальную тему. «Конечно, послушать подробности древней истории тоже интересно, но надо же разобраться с этим чёртовым камушком!..»

Брюнетка встряхнула волосами и устроилась поудобнее у костра, поджав под себя ноги. Ей, видимо, не доставляло никаких неудобств пышное платье, не слишком подходящее для ночёвок в лесу, и каблуки, на которых она вполне ловко перемещалась по ухабистой почве.

— Этот артефакт всегда имел огромное значение для Ликана, оберегал от опасностей, предупреждал о врагах, по крайней мере, так утверждают летописи. Не знаю, почему Волчий Рубин не смог защитить город в последний раз, когда город прокляли. Но камню удалось локализовать негативную магическую энергию внутри территории столицы, и это дало возможность жителям уйти, не пострадав. Проклятье... не зацепилось ни за кого из беженцев и разрушило только Ликан. Сейчас же оно проснулось и вскоре двинется завоёвывать новые земли. У нас совсем немного времени... — в голосе явно звучало беспокойство, переходящее в страх.

Настроение рассказчицы оказалось заразительным, и оба слушателя ощутили пробегающий по коже мороз, а перед внутренним взором замелькали картинки городов и селений, захваченных разрушительным действием неведомой магии.

— Жуть какая! — поёжился Комольцев.

— Да, если поверить тебе на слово, то вернуть цацку на место — дело благое. И мы-то даже верим. Как не поверить такой обворожительной женщине... — начал Арман, и стало понятно, что сейчас он, как обычно, найдёт какую-то гадость или нестыковку. — Вот только проблема у нас небольшая. На нас инквизиторы наколдовали «поводок», который не позволит идти против их воли. А они хотят заполучить артефакт себе. Боюсь, что ничего не выйдет, красавица.

Алисанда непонимающе сдвинула бровки, потом вдруг придвинулась очень близко к наёмнику и провела ладонью вдоль его лица, буквально в паре сантиметров. На мужчину повеяло сладковатым ароматом духов, тёмный локон пощекотал руку. Француз онемел,

чувствуя, что мысли опять испаряются, а взгляд не отвести от декольте. Он с трудом расслышал, что сказала брюнетка, а когда смысл дошёл до сознания, Арман недоверчиво нахмурился.

— Нету заклинаний? Как нету? Вот так были — и исчезли? Не бывает в жизни подобного счастья!

Девушка, снова занявшее своё место, на достаточном расстоянии, чтобы не смущать мужские взгляды своими аппетитными прелестями, объяснила:

— Чувствую следы заклинания, но очень слабые. Такое впечатление, что его не сняли и не отменили, а... — она пощёлкала пальцами, подбирая слово. — Стёрли, что ли... Смыли... Не знаю, как объяснить. Но в любом случае действия на тебя оно больше не оказывает.

— А у меня то же самое? — полюбопытствовал Влад. Причиной было не только интерес узнать, стоит ли опасаться негативных последствий колдовства, но и желание, чтобы красавица подвинулась поближе. Он поймал себя на мысли, что едва ли не ревнует очаровательную брюнетку к Лерою. «Глупость, конечно. Я Лионеллу люблю. И вовсе не собираюсь флиртовать с этой странной дамочкой. Но... почему она только к нему так относится? Только ему улыбается? Только его дразнит? Только на него смотрит?» Наверное, в очередной раз сработал инстинкт соперничества. Ни зачем она не нужна, не нужно её внимание, а вот... просто хочется.

Алисанда не отказала и второму мужчине в кратком сеансе просмотра декольте. Лёгкий взмах маленькой ладони и вердикт:

— Да, абсолютно такая же картина. — Она прикусила ярко-красную напомаженную губку. — Я, кажется, даже поняла причину. Волчий Рубин всегда... бурно реагирует, когда его покой нарушают. Скорее всего, магические энергии столкнулись и аннулировали друг друга. Кстати, это объясняет и тот факт, что вор ушёл безнаказанным, хотя артефакт должен был убить его, как и предыдущего желающего.

Потихоньку сгущались сумерки, и в отблесках костра лицо брюнетки стало совсем прозрачно-бледным, будто светящимся изнутри. Как у настоящего привидения, если верить в вопросе их облика самым расхожим представлениям. «Ещё бы одеть её соответственно — в белое...» — подумалось Владу.

— А теперь вы меня извините, но мне надо уединиться, — девушка загадочно улыбнулась, одним грациозным движением поднялась на ноги (и как только у неё каблуки в мягкую почву не проваливаются?), послала два воздушных поцелуя в сторону мужчин и поплыла к лесу. Под длинным подолом ног не было видно, и создавалось впечатление, что женская фигура левитирует над травой.

— Эй! — опешил Арман. — Ты куда?

— Успокойся, Лерой, — похлопал его по плечу Влад, удерживая от преследования Алисанды. — У девушки ведь тоже есть физиологические потребности. Через пару минут вернётся. Или ты хочешь её сопровождать до кустиков?

Однако брюнетка не возвратилась ни через пару минут, ни через десять, ни через полчаса.

— По-моему, даже если у неё расстройство кишечника, то всё равно пора вернуться, — первым выразил общее беспокойство вслух Комольцев. — Не пора ли её искать? Всё-таки лес незнакомый... Вдруг заблудилась или на какую-то опасность наткнулась?

Наёмник, устроившийся на плаще поудобнее и наблюдавший за вспыхивающими между ветвями звёздами, не поддержал идею:

— Если б наткнулась на опасность, то мы бы услышали. К тому же она не выглядит той, которая легко даст себя в обиду. Скорее уж диким зверям придётся пятый угол искать. И это для тебя лес незнакомый, а она «тут живёт», — процитировал он Алисанду. — Ну и последнее, — он приподнялся на локте. — Как ты представляешь себе поиски в такой темноте? Только сами потеряемся, а её следов, по моему глубокому убеждению, мы и при свете дня не найдём. Призраки их не оставляют.

— Да что ты заладил «призрак», «призрак»? Обычная девушка. То, что колдовать умеет, для этого мира ничего удивительного.

— А в руинах жить, в заброшенном храме — это тоже не удивительно? — отпарировал Арман, после чего заявил: — Короче, ты как знаешь, а я её искать не пойду. Она не дура, знала, что делает. До утра точно с места не сдвинусь. Чего и тебе желаю. Не хочешь ли поспать, пока я дежурю?

Влад поколебался ещё минут пять, разрываясь между опасениями за жизнь беззащитной женщины и гласом разума, утверждавшим, что француз абсолютно прав и Алисанда не нуждается в их опеке. Наконец рассудок перевесил, и парень улёгся поближе к огню, намереваясь отдохнуть, пока есть возможность.

Наёмник наоборот поднялся и по привычке принялся прохаживаться по границе освещённого пространства, глядя в темноту, чтобы глаза привыкли.

Эта ночь, в отличие от прошлой, оказалась спокойной. Никаких приносящих галлюцинации туманов не появлялось. За день они успели преодолеть «полосу отчуждения», как метко обозвал Влад участок мёртвого леса. Дубрава жила обычной жизнью: похрустывали веточки, шелестела листва под ветерком, стрекотали сверчки, собирались на стеблях травы светлячки.

Арман продолжал вертеть в мозгах так и сяк всё случившееся. «Что-то я тоже начинаю бегать как марионетка. Не нравится мне это. А разобраться в хитросплетениях всех интриг не получается. Вот девка эта, к примеру. Вижу ведь, что врёт она где-то или как минимум недоговаривает. Однако мы сразу повелись за её идеей, как два кобеля за течной сукой. Стоп. А вот и ответ. Она же просто напросто магию какую-то применяет. Я, конечно, понимаю, красивая, но не до такой же степени, чтобы совсем голову потерять». Верить в то, что во всём виноваты обычные гормоны, он отказывался. «С другой стороны, пока не разберёмся, что же это за камушек, не выясним, какая в нём сила на самом деле, так и будут нас все за нос водить. Сначала инквизитор лапшу на уши вешал, про злых магов, которые будут всех подряд в оборотней обращать. Конрад свёл эффект артефакта к управлению волками. Дамочка про подобное ни словом не обмолвилась, зато оказалось, что Рубин по значимости для мира уступит разве что Святому Граалю. Нет, надо самим до истины докопаться и решить, как использовать цацку себе на пользу. Похоже, здесь артефакт — главный козырь. Владеея им, можно торговаться со всеми и отстаивать свои интересы. — Наёмник подкинул в костёр пару веток. — Хорошо, на том и остановимся. Задача номер раз — забрать Рубин себе. Задача номер два — выяснить его истинное предназначение. Там посмотрим».

Принятое решение сразу принесло в душу спокойствие и умиротворение. Каких жертв будет стоить заполучение артефакта и каким образом можно будет узнать правду о нём, Арман предпочитал пока не задумываться.

От размышлений его отвлек звук шагов. Кто-то приближался, не скрываясь, скорее даже нарочно шумя, чтобы не получить ненароком стрелу при неожиданном появлении. (Оружие нашлось там же в тёмной комнате, так что сейчас Лерой судорожно пытался приноровиться к непривычному луку, вспоминая, что ему показывал Влад). «Может, Алисанда возвращается? Нет, вряд ли, походка тяжёлая для неё, больше на мужскую похожа». Мучиться предположениями пришлось недолго — из-за деревьев вышел Чезаре. Мальчишка держал свой лук далеко на отлёте, в левой руке, показывая, что не намеревается стрелять. «Ну да, конечно, мы белые и пушистые, — усмехнулся Лерой. — И камушек мы красть не хотели, просто бес попутал».

— Я пришёл с миром, — проговорил Чезаре, опустил оружие на землю и отошёл на несколько шагов.

Арман, представляя, насколько глупо он выглядит с непривычным оружием в руках, как коряво его держит и какой ничтожный шанс попасть хоть куда-нибудь, не говоря уже о намеченной цели, тоже опустил лук.

— Ну, раз так, то садись к огню. Ночь прохладная.

Нет, на то, что парнишка, возможно, замёрз, наёмнику было глубоко наплевать. Просто в свете костра его было легче контролировать и не опасаться, что он подаст сигнал тем, кто,

вполне вероятно, пришёл вместе с ним. «Хотя... зачем инквизиторам возвращаться? — подумалось французю. — Всё, что хотели — получили... Ладно, послушаем, чего сопляк врать будет».

— С чего решил вернуться? — спросил Арман, видя, что Чезаре мнётся, не решаясь заговорить.

— Я... Дело в том, что... — связные фразы никак не рождались.

— Ну, — подбодрил Лерой. — Я внимательно тебя слушаю.

Вместо ответа мальчишка отвёл в сторону воротник рубахи, блеснуло в свете костра серебро распятия, висящего на шее. И красноватый ожог под ним, точно повторяющий форму креста.

— Та-а-ак, — задумчиво протянул Арман. «Только оборотня в нашей компании не хватало».

— Это не то, чем кажется!

— А что же? — поднял бровь наёмник. — Серебро обжигает нечисть, то бишь оборотней. Или я не прав?

Чезаре кивнул:

— Правильно. Но я не оборотень!

— Не оборотень? — переспросил француз насмешливо. Мальчишка вновь утвердительно кивнул. — А серебряное распятие тебя жжёт?

— Да. С сегодняшнего вечера.

— По-моему, мальчик, ты сам себе противоречишь. К тому же, вспоминая отметины у тебя на спине, странно, что это раньше не началось.

— Ликантропия передаётся только через укус! Меня не кусали! — с жаром воскликнул Чезаре, вскочив на ноги. На щеках его разгорелся румянец, но во взгляде металось непонимание и ужас. — Зараза проникает только через слюну!

— Тише ты! — шикнул Арман. — Дай человеку поспать.

Однако Влад уже заворочался и приоткрыл глаза.

— Что за чёрт?! — подскочил он.

— Это не чёрт. Это наш старый знакомый. Соколиный Глаз, спёрший артефакт, — церемонно отвечивал француз.

— Да не паясничай ты, Лерой! — сплюнул Комольцев. — Чезаре, ты откуда взялся?

— Оттуда, — махнул юноша рукой в сторону стены деревьев.

Для Влада был повторен сеанс показа ожога. После чего все задумались.

— Чезаре, ты абсолютно уверен, что тебя ни разу не кусали? — в десятый раз переспросил русский.

— Конечно, уверен! Что я, такого бы не запомнил?! — взорвался мальчишка.

— Тихо! Тихо! Без истерик! — поднял ладонь в примирительном жесте Арман. — Давайте рассуждать логически. Иногда это помогает. Налицо противоречие: на серебро — аллергия, но заражение произойти не могло. Скажи, Чезаре, укус — единственный способ передачи ликантропии?

Юноша честно подумал и подтвердил:

— Да, по крайней мере, я другого не знаю.

Все опять уставились на языки пламени, Влад поворошил угли. Арман вслух посетовал на отсутствие и недоступность сигарет.

— Подождите, — Чезаре поднял голову. — Я слышал, что оборотничество —

наследственная болезнь. Правда, не представляю, как эти сведения могут пригодиться нам сейчас.

— То есть, если родители — верволки, то их чадо будет шерстью периодически покрываться? — уточнил наёмник.

— Вроде бы так.

Влад и Арман переглянулись, поняв, что подумали про одно и то же. Говорить это вслух никому первому не хотелось. Но деваться было некуда, и Комольцев сказал:

— Твоего отца мы знаем. Монсеньор Гаэтано — стопроцентный человек. А кем была твоя мать, Чезаре?

— Моя мать не была оборотнем! — разозлился мальчишка. Кулаки сжались, словно он собрался набить морду посмевавшему выдвинуть подобное предложение.

— Я этого и не утверждал, — спокойно отозвался Влад. — Но всё-таки, пролей свет на тайну, если не трудно.

Юноша отвернулся в сторону леса и молчал.

— В твоих интересах сотрудничать с нами, — решил немного надавить Арман. — К инквизиторам тебе дороги нет. Увидят твою реакцию на серебро — и пойдёшь на костёр. За тобой и так уже грешков немало накопилось, а после такого точно не пощадят. Тебе нужна наша помощь, а если хочешь её получить, то будь добр, начни с откровенных ответов на наши вопросы. Так иногда хочется послушать правду. Вносит приятное разнообразие в жизнь.

Чезаре помолчал ещё немного, взглянул на Лероя, потом на Влада, осознал, что не отвертится и заговорил:

— Моя мать... была ведьмой. Её сожгли, когда мне было года три. Я её практически не помню. Она была нераскаявшейся еретичкой, это правда, но человеком, а не оборотнем.

Над поляной застыла тишина. Мужчины буквально онемели от подобного признания.

— А как же... ведь твой отец — инквизитор... — Влад понимал, что лучше смолчать, не тревожить душевную рану мальчишки, но не смог удержаться.

— Да! — с вызовом глянул ему в глаза Чезаре. — Именно так. Он и вёл её дело, он подписал приговор!

— И ты после этого на их стороне?! — такое проняло даже Армана.

— Отец был тысячу раз прав, когда поступил так, как поступил. Он пытался спасти её душу. Он... любил её. — Голос подвёл юношу, и показалось, что он сейчас заплачет, но только губы чуть дрогнули. — Что вы ещё хотите знать?

— Как можно о любви говорить?! Хладнокровно казнить того, кто тебе дорог? Это невозможно! И ты подобное оправдываешь?! — Влад добавил пару крепких словечек.

Мальчишка встал и, не говоря ни слова, направился обратно в лес, туда, откуда пришёл. Лерой закатил глаза и рявкнул:

— Комольцев, заткнись! Чезаре, стой!

Как ни удивительно, оба послушались мгновенно.

— Давайте отложим дискуссии о морали до будущих спокойных времён. Сейчас задача другая — выяснить родословную нашего не совсем оборотня или совсем не оборотня.

— Но ведь... — завёл новую гневную патетическую тираду Влад.

— Заткнись, я сказал! — рыкнул Лерой. Где-то в дальнем углу мозга мелькнуло тенью что-то похожее на воспоминание. Как вот так же приходилось орать, а порой и рукоприкладство применять, успокаивая новичков в отряде. «Стоп. В каком отряде? Ну, в

моём отряде. Проклятье, мысль ушла!» Наёмник потёр виски и обратил взор на спутников. — Сядь на место, юноша, — это уже было сказано усталым тоном.

Чезаре опустился на землю, но немного поодаль от костра, а точнее от Влада. Арман выдержал паузу, которую никто не рискнул нарушить.

— Успокоились? — только дождавшись утвердительных ответов от обоих, продолжил. — А ты знаешь своих более дальних предков?

— Только по отцовской линии.

— Если я что-нибудь в чём-нибудь понимаю, то наследственные болезни могут передаваться и через поколение, например, а то и через два. Не исключено, что кто-то из твоих дедушек-бабушек или даже прадедушек-прабабушек был верволком.

Юноша помотал головой:

— Ты опять не понимаешь. В смешанном браке, если только один из родителей — оборотень, может родиться обычное человеческое дитя, а у него в свою очередь — волк. Но раса ребёнка известна сразу. Обратни перекидываются с детства, и аллергия на серебро у них врождённая. А меня только сегодня крестик жечь начал, и полная луна отродясь на меня никакого действия не оказывала. Так что версия о дурном наследстве несостоятельна.

— Ещё варианты заражения? — не отставал Арман.

— Нет.

— У кого какие идеи?

Влад, не в полной мере отошедший от вспышки праведного возмущения, ничего не ответил. Чезаре тихо сказал:

— Полнолуние будет через три ночи. Тогда, думаю, всё станет ясно. Если, конечно, вы согласитесь, чтобы я остался. Понимаю, не слишком приятно иметь в союзниках такую «тёмную лошадку», но... мне больше некуда деваться. — Мальчишка смотрел в землю, и было видно, что ему очень не по себе.

«Наверное, тяжело вот так терять опору под ногами, — подумал француз. — Всю жизнь чётко знал, кто он, зачем живёт, к чему стремится, что хорошо и что плохо, где враги, а где свои... А теперь мигом вся картина мира перевернулась». Арман вдруг отчётливо понял, что уже смотрит на сидящих рядом не как на случайных попутчиков и временных помощников. А как на свой маленький отряд, которому во что бы то ни стало нужно выжить и добиться победы. Именно в таком порядке. «Хе-хе, забавно, как бы вытянулись лица у этих двоих, если б они узнали мои мысли. Оба-то считают себя самостоятельными донельзя и никому не подчиняющимися. Ладно, не обязательно ставить их в известность относительно моего решения. С приказами и так уже почти не спорят, справлюсь».

Непривычно было оказаться в роли добряка, коим обычно выступал Комольцев, но наёмник первым подбодрил Чезаре:

— Конечно, не прогоним. Что ж мы звери, что ли? Прошу прощения за каламбур. А теперь — спать. Моё дежурство ещё продолжается, а вы отдыхайте. — Металлические приказные нотки не дали возможности оспорить распоряжение, и члены только что родившегося отряда устроились по разные стороны костра на ночлег.

Алисанда вернулась с восходом солнца, когда утренняя прохлада заставляла ёжиться дежурящего Влада, а Арман и Чезаре пытались поплотнее закутаться в плащи, чтобы урвать ещё кусочек сладкого утреннего сна. Девушка появилась в поле зрения неожиданно, так что Комольцев невольно вздрогнул. Улыбнулась приветливо, как ни в чём не бывало. Ни одна капелька росы не испачкала роскошное платье, как будто оно было защищено сказочным

заклинанием. А может, так и было на самом деле? Брюнетка выглядела изрядно посвежевшей, взбодрившейся, словно и не шлялась в негостеприимном лесу всю ночь напролёт. И вернулась к ней та небывалая, фантастическая красота, какая была в первые часы знакомства. Так что Влад, первым порывом которого было — выматериться и высказать всё, что он думает о легкомысленных девках, промолчал и всего лишь восхищённо оглядел Алисанду с ног до головы.

— Доброе утро, — сказал он, когда дар речи вернулся.

— Утро действительно великолепное, — мило защебетала Алисанда и, подсев поближе к мужчине, продолжила описывать лесные красоты.

Арман и Чезаре, поняв, что теперь мешать отсыпаться будет не только сырость росы, но и разговоры, решили более не противиться судьбе и один за другим поднялись, тоже пробормотав что-то про утро. Правда, Влад не был уверен, прозвучал ли эпитет «доброе».

Лерой, увидев Алисанду, не смолчал, а ехидно осведомился:

— Ну, и как в ночном лесу с поклонниками?

Девушка кинула на француза высокомерный взгляд и не ответила.

Чезаре смотрел на брюнетку во все глаза, и Арман уже собрался отпустить какую-то колкость по этому поводу, но мальчишка его перебил, прошептав:

— Она же не человек...

Охота шутить у наёмника разом пропала, потому что заявление лучника в точности совпадало с его собственными подозрениями. Алисанда болтала о чём-то с Владом, демонстративно игнорируя остальных двоих и не обращая внимания на их разговор. Комольцеву, понятное дело, было тоже не до своих товарищей.

— Почему ты так думаешь?

— Я вижу, что не человек.

— Так ты у нас тоже с нестандартными способностями? Видишь истинный облик? — сарказм всё же прорвался.

Чезаре, впрочем, ничуть не оскорбился.

— Понимаешь, я не знаю, от чего это зависит, но некоторые люди отличают нечисть просто по внешнему облику, а другие нет. Играет роль, видно, и какое-то врождённое умение, и обычная наблюдательность, и опыт, то есть, сколько ты нелюдей вообще видел. Нечисть... двигается не так, смотрит по-другому. Я не всегда могу с уверенностью сказать, но сейчас — как будто буквами огненными на ней написано. Откуда она взялась?

Лерой кратко изложил историю их встречи с Алисандой.

— Она не оборотень, — покачал головой Чезаре.

— Хм, а она... живая? — Лерой всё-таки решился высказать предположение вслух.

И нарвался на непонимающе-удивлённый взгляд лучника:

— В каком смысле? Ты же видишь — ходит, говорит, дышит... По-твоему, трупы умеют это делать?

Наёмник понял, что сморозил глупость. Видимо, существование в этом мире оборотней, магии и прочих сверхъестественных штучек вовсе не означало, что обрели плоть все сказки и легенды. Но Арман счёл нужным уточнить:

— Ну, я имею в виду, она не нежить, случайно?

— Издеваешься, да? — буркнул Чезаре. — Как может существовать однажды умершее? Это же противоречит божественным законам устройства мира. — Прорезались нотки читающего лекцию опытного богослова. Наверное, мальчишка долго мечтал встретить вот

такого тёмного и необразованного собеседника, чтобы блеснуть своими познаниями. — То есть бывают случаи, когда неуспокоенная душа продолжает пребывать в мире живых. Появляются привидения. Но, насколько я вижу, — он кивнул в сторону воркующей парочки, где Влад уже положил руку на талию брюнетки, — дама-то вполне материальна. Значит, призраком быть не может.

Лерой свирепо уставился в затылок сопернику, словно намеревался убить того силой мысли.

— Комольцев, тебя теперь на тёмненьких потянуло? А свою блондиночку уже позабыл?

— Зачем отвоёвывать артефакт обратно? — кипятился Чезаре. — В инквизиции его исследуют и уничтожат, если он представляет опасность. Самое главное, что оборотням он не достанется!

— До санкционаторов его для начала надо донести. — проговорил Влад. — А волки наверняка пойдут на перехват. Они же нас сопровождали до Города, значит, и сейчас где-то поблизости охотятся.

— Уже нет, — возразил мальчишка. — Тех оборотней вырезали ещё вчера. С потерями, конечно, но мы справились.

Алисанда, покинувшая своего утреннего фаворита и занявшая нейтрально далёкое от всех мужчин положение, сказала:

— Вы не то обсуждаете. Волчий Рубин нужно вернуть на место, потому что иначе проклятие падёт на всю Италию, а то и дальше распространится. Если же артефакт уничтожат, то и вовсе исчезнет всякая надежда. Только Рубин способен остановить древнее зло. Поэтому нельзя сказать, кто лучше — стая или инквизиция. Кто бы из них не победил, но это будет проигрыш для всех людей. — Она помедлила и добавила. — И нелюдей.

— Давай определимся с терминами, — предложил Арман. — Под нелюдями ты имеешь в виду себя?

Все замолчали и выжидательно уставились на брюнетку. Она в задумчивости перебирала пальчиками прядь волос, и мужчины принялись следить за этими мелкими изящными жестами, словно за маятником гипнотизёра.

— Ты столь часто задаёшь этот вопрос. Тебе так хочется уличить меня в том, что я нечеловек? Для тебя это так важно? Что ж, — Алисанда взглянула вдруг прямо в глаза Лерою, — давай обсудим, чтобы раз и навсегда закрыть данную тему. Подумай, — она придвинулась к французу, обдав ароматом своих духов, — если бы я была нежитью, ты бы мог так желать близости со мной? Или, быть может, я кажусь бесплотным духом, долгие века заключённым в Ликане? Протяни руку, прикоснись ко мне, почувствуй тепло моей живой кожи, услышь стук сердца, ощути моё дыхание. Разве мёртвые выглядят так, как я?

Наёмник, как замороженный, действительно протянул ладонь, провёл по щеке девушки, шею, груди, под кожей которой действительно быстро-быстро колотилось сердце, приблизил лицо почти вплотную к губам Алисанды, поймал её сладкое дыхание...

— Гм, мы вам не мешаем? — ядовито спросил Влад.

Лерой встряхнул головой, как будто только что проснувшись, и как-то по-новому взглянул на сидящую перед ним женщину, однако руку не убрал и не отодвинулся — смутить наёмника вот такими ехидными замечаниями было невозможно.

— Нет, не мешаете, — фыркнул он. — Главное, чтоб помогать не начали.

«А самоуверенности-то у Алисанды — даже у меня столько нету... Думает, поманит пальчиком — и все сразу же за ней побегут и будут делать, что она скажет! Хотя... пока в

общем-то так и происходит». Арман еле заметно усмехнулся, а потом резко притянул девушку к себе и приник к её пухлым губам крепким властным поцелуем. Ощутил, как Алисанда, не ожидавшая такого внезапного напора, дёрнулась в сторону, но вырваться ей удалось не сразу. Точнее, мужчина отпустил сам, сполна распробовав вкус поцелуя.

— Да, действительно как живая, — вынес вердикт наёмник.

И рассмеялся уже в открытую, видя возмущённое выражение лица магички. Брюнетка не осталась в долгу и отвесила Лерою звонкую пощёчину, умудрившись ещё и ногтями ему по щеке проехаться.

— Дамы, господа, тише, — вмешался Влад. — Давайте обойдёмся без рукоприкладства.

— Уже не обошлось. Но я женщин не бью, — ответил наёмник, потирая щёку, на которой выступили мелкие капельки крови в следах от маникюра красавицы. — Можешь не волноваться.

— А ты, Лерой, мог бы быть с Алисандой повежливее! — продолжал читать мораль русский. — Поделом и по морде получил. Нечего руки распускать.

Арман продолжал улыбаться, очень довольный собой.

— Она сама хотела. «Ощути моё дыхание, услышь стук сердца, почувствуй тепло кожи...» Когда мне такое предлагают, я обычно не отказываюсь. Одно могу сказать — поведение точь-в-точь как у настоящей женщины в такой ситуации. Так что согласен снять вопрос о нежити и признать Алисанду человеком. Или мне уже можно называть тебя Сэнди? — насмешливо поинтересовался он.

Брюнетка уже совладала с собой и вновь выглядела королевой, возмущение в глазах сменилось интересом.

— Не торопи события, мой дорогой, — она лукаво улыбнулась. — Всему своё время. Сейчас пора бы в путь, иначе мы не догоним инквизиторов до тех пор, пока не стало слишком поздно.

— Как мы найдём их? Дубрава огромная, можем запросто разминуться, — высказал свои опасения Влад.

— Я чувствую, куда движется Волчий Рубин. И сейчас он довольно быстро от нас удаляется. — Алисанда поднялась, подавая пример остальным. — Пойдёмте уже.

— Но... — начал Чезаре, не желавший смириться с тем, что ему снова придётся пойти против своих.

— Что? — Арман спросил это таким тоном, что возражать сразу расхотелось. — Ты выбрал свой отряд, то бишь нас, так что попрошу более не возникать. Можешь не стрелять в своих возлюбленных инквизиторских гвардейцев, но и нам не мешай.

Гвардейцев они догнали на следующее утро. Битва закончилась совсем недавно, кое-где на траве и оружии ещё поблёскивала не до конца свернувшаяся кровь. Одиннадцать тел разной степени сохранности — от растерзанных буквально на куски до убитых аккуратным точным ударом по горлу. Вещмешки перевероршены, но все пожитки оставлены тут же. Искали что-то конкретное. Нужно было быть идиотом, чтобы не догадаться что.

— Камушек сменил хозяина, не так ли? — Арман вопросительно взглянул на Алисанду.

Она кивнула и, прикрыв глаза, сосредоточилась на пару секунд.

— Волки движутся быстрее людей, нам надо торопиться.

Желания пополнять запасы провизии за счёт раскиданных среди трупов краях хлеба ни у кого не возникло. Чезаре, не проронивший ни слова при виде побоища, быстро собрал все стрелы, в том числе и те, что торчали из трупов нескольких оборотней. Для того, чтобы уместить такой солидный запас, лучнику пришлось позаимствовать и пару колчанов.

— Эй, побыстрее можешь? — брюнетка заметно нервничала. Кожа выглядела уже нездорово бледной, а в глазах застыло выражение усталости.

— А вы собрались против оборотней с голыми руками идти? Или у вас секретное оружие какое-нибудь есть? Лично я предпочитаю старое проверенное серебро.

Но ни от кого не укрылось, что к наконечникам мальчишка прикасаться избегает.

Влад тоже подобрал себе лук и освободил Чезаре от одного из колчанов. Вооружённым он всегда чувствовал себя намного увереннее.

...Где-то через пару часов стало ясно, что с бегущим волком скоростью меряться бесполезно. Они безнадежно отставали.

— Алисанда, это правда, что артефакт увеличивает способности мага, у которого в руках находится?

Девушка подтвердила.

— Тогда желательно, чтобы оборотни не успели донести Рубин до Конрада. Мы с ним не справимся.

Брюнетка нахмурилась и попросила:

— Объясните мне, где находится дом этого... мага.

Влад и Арман беспомощно переглянулись. При их способностях к ориентированию в лесу задание было невыполнимое. Положение спас Чезаре, который тут же палочкой на земле набросал приблизительный план местности и показал расстояние, оставшееся до домика.

— Не успеем, — констатировал наёмник.

Алисанда встряхнула волной чёрных волос, раскинула руки в стороны, ладонями вниз, и приказала:

— Встаньте все за моей спиной, как можно ближе друг к другу.

Мужчины послушно сгрудились сзади неё. Зазвучали слова, произносящиеся нараспев. Даже амулет Влада не справился с переводом. Алисанда говорила всё громче и быстрее, плавно поворачивая кисти рук. Вокруг её волос на мгновение вспыхнул тёмно-красный ореол, превратив брюнетку в огненно-рыжую. От фигуры девушки дохнуло жаром, заставив её спутников зажмуриться. Чезаре, стоявший ближе всех, с трудом удержался от того, чтобы не отшатнуться в сторону. Мир крутнулся вокруг своей оси. К горлу подступила тошнота. А

потом всё внезапно прекратилось.

Магичка покачнулась, опёрлась ладонью на дерево, которого перед этим рядом с нею не было. Дубрава как-то неуловимо изменилась, но ни Влад, ни Арман не могли определить, в чём именно. До них дошло, только когда лучник пробормотал:

— Где мы, чёрт побери?

Влад огляделся и усмотрел между стволами прогалину с темнеющим вдалеке строением — домом Конрада. Наёмника больше занимало самочувствие девушки:

— Алисанда, ты как? С тобой всё нормально?

Он хотел было поддержать её под локоть, но брюнетка отстранилась и тихо сказала:

— Не трогай. Сейчас всё пройдёт. — Вокруг ладони, лежащей на коре, засветилось точно красноватое сияние, как и при предыдущем заклинании, только не такое яркое. На щеках девушки медленно проявлялся румянец. — Одну минуту.

— У нас нет одной минуты, — мрачно ответил Чезаре. — Смотрите!

Серые тени мелькали за деревьями на порядочном расстоянии. Волки заходили к поляне немного с другой стороны, их путь не пересекал позицию людей.

— Рубин! — встрепелась Алисанда.

Они выскочили на открытое пространство несколькими секундами позже оборотней и увидели только хвосты зверей, крупной рысью направляющихся к цели. Волков было всего трое. Передний, скорее всего, нёс артефакт, а другие двое бежали, чуть отстав, как почётный караул.

Чезаре без лишних разговоров натянул тетиву. Один из верволков споткнулся на бегу и покатился по траве со стрелой в загривке. А дальше события замелькали, как узоры в калейдоскопе. Передний оборотень на миг обернулся, в его зубах кровавым бликом полыхнул Рубин, а потом резко прибавил скорость. Второй из «почётного караула» заслонил его своим телом, ощерился и взвыл во всю силу лёгких. На порог сарайчика выскочила светловолосая девушка, вскинула руки ладонями вперёд, навстречу верволку с камнем.

Серо-зелёные глаза мальчишки сощурились. Влад ударил Чезаре под локоть, сбивая прицел, и летящая смерть просвистела мимо Лионеллы, воткнулась в стенку дома.

— Идиот! — заорал лучник. — Она же сейчас до камня доберётся!

Из-за спины, из чащи, раздался многоголосый вой, отвечающий призвавшему их собрату. Алисанда оттолкнула в сторону пытавшегося удержать её Армана и выбежала на поляну. Стрела, миновав её, утихомирила воющего волка, но это действие не принесло особой пользы — тревога в стае уже была объявлена.

Огромный рубин бросал красноватые солнечные зайчики на лицо Лионеллы, которая приняла его из пасти гонца. Две магички стояли друг напротив друга, на расстоянии метров в тридцать. Такие разные внешне, но одинаково жаждущие силы, даруемой артефактом. Правда, у Лионеллы было несомненное преимущество — она-то уже держала Волчий Рубин в руках. Зато Алисанда знала о нём больше. Несколько секунд ничего не происходило, только продолжал приближаться вой да Чезаре пытался отвоевать у Влада свой лук, чтобы прикончить ведьму, а лучше обеих.

— Комольцев, — окликнул наёмник. — Может, она тебя послушает и сама отдаст камушек? Если нет, то лучше и впрямь её пристрелить...

— Только через мой труп!

— Как вариант. Иди-иди, договаривайся со своей пассивностью, пока девушки не кинулись друг дружке глаза выцарапывать. А мы с Чезаре будем с волками воевать. Согласен,

Соколиный Глаз? Отдай лук, Комольцев, он тебе там не понадобится.

— Ты всё равно стрелять толком не умеешь!

— Вот как раз и потренируюсь.

Перепалка закончилась, и Влад шагнул из-под деревьев, позвав во весь голос:

— Лионелла! Это я! Мы пришли с миром, но нам нужен Рубин.

— Чёрт, как можно вдвоём защитить поляну такого диаметра? — почесал в затылке Арман.

— Никак, — с какой-то бесшабашной храбростью отозвался Чезаре. — Ты правда думаешь, что мы сможем задержать стаю хоть на десять минут? Не смей меня, надежда только на Влада. Если ведьма его послушает, она отзовет оборотней.

Тем не менее просто сидеть и ждать смерти не было в правилах ни того, ни другого. Поэтому они разошлись метров на пятнадцать, повернувшись лицом к враждебным зарослям и приготовились выиграть время или хотя бы продать жизни подороже. И вдруг волчьих голоса изменили тональность, кое-где раздавалось рычание и взлаивание, доносились и другие звуки — человеческие крики и даже, кажется, свист оперения.

— Не бывает такого везения... — Чезаре прислушался.

— Если в битву ввязалась инквизиция, то я не знаю, стоит ли это называть удачей.

Над поляной взвихрился серый туманный смерч. Это столкнулись в противостоянии две разные магические силы. Алисанда, которой, как уже заметил Влад, была по душе огненная стихия, опять светилась красным, словно горела в призрачном пламени. Яростные языки пламени сорвались с её пальцев по направлению к блондинке. Лионелла пошатнулась, но тут в её ладонях вспыхнул Рубин, и стена атакующего огня бессильно опала, будто вмиг испарившись, остыв. Именно после этого и появился туман или, быть может, пар. Мутная пелена мешала видеть, а уши заложило, как на большой глубине, поэтому Влад не был уверен, что магички слышат его крики.

— Лионелла! Алисанда! Прекратите!

Идти было трудно, взметнувшийся ветер рвал одежду, так что парень, выругавшись, скинул плащ, путавшийся в ногах. Ещё не дойдя до брюнетки, он понял, что не может передвинуть ногу ни на сантиметр. Оставалось только стоять на месте, заслоняя лицо от порывов ветра, то жаркого, то ледяного. И вновь и вновь пытаться докричаться. Зная, что где-то сзади вот-вот окажутся оборотни, которых, конечно, не задержат два лука.

И тут в противостояние женщин вмешалась третья сила. Словно усиленные громкоговорителем или же звучащие прямо в мозгу, громыхнули слова:

— *Glória Patri, et Fílio, et Spirítui Sancto...*

Поплохело от этого обеим волшебницам. Алисанда качнулась назад, еле устояв на ногах, заслонилась широкими рукавами. Красноватое свечение вокруг неё практически исчезло. Лионелла перенесла удар легче, но лицо исказилось ужасом, и она сделала шаг к крыльцу дома, потом ещё один.

Во внезапно установившейся тишине звонко отозвался её голос, отчаянный и умоляющий:

— Конрад! Конрад! Проснись!

Волосы девушки заслоняли её лицо, руки дрожали, едва ли не роняя артефакт, но Волчий Рубин сиял ярко и самодовольно. Алисанда тем временем обрела равновесие, опустила руки и снова запела на незнакомом наречии. Она выглядела в эту минуту почти прозрачной. Владу показалось, что ещё чуть-чуть — и он увидит просвечивающий сквозь неё

окружающий пейзаж.

Лоренцо сощурился, не веря собственным глазам. На поляне присутствовало новое действующее лицо, незапланированный противник. Брюнетка, окружённая пылающим ореолом, походила на иллюстрацию к житиям святых, только нимб немного нестандартного цвета. Но то, что видел санктификатор, повергло его в шок: женщина была не человеком, а чем-то непонятным. Не живым, но и не мёртвым, противным природе и невозможным для существования.

— Господь всемогущий... — прошептал священник, крестясь. — Что же это?

Смутно припоминались времена его ученичества, когда наставник объяснял юному Лоренцо, что порой встречаются на земле неуспокоенные умертвия, не принятые Богом на тот свет или сами отказавшиеся от перехода в иной мир, застывшие в странном не-существовании. Но увидеть такое воочию... Радовало одно — на нечто молитвы действовали, причём, очень ощутимо, даже сильнее, чем на беловолосую ведунью. Санктификатор чувствовал, что чуть поднажать — и морок рассыплется и потеряет силы. Не устоит перед священной магией. «Если бы не надо было на эту принцессу оборотней отвлекаться!..»

— Конрад! Пожалуйста! Помоги мне!

— Он же не услышит тебя! — Влад понял, что сейчас, когда шумовые помехи исчезли, а плотная стена магии не сомкнулась опять над поляной, есть шанс договориться с магичкой. Правда, судя по всему, инквизиторы где-то неподалёку, и закончить дело мирным путём не получится — слишком много заинтересованных в камушке сторон.

— *Credo in Deum, Patrem omnipotentem, Creatorem caeli et terrae. Et in Iesum Christum Filium eius unicum, Dominum nostrum...* — Теперь парень рассмотрел говорящего санктификатора, отца Лоренцо. Тот появился на противоположном краю поляны. «Не может он идти без охраны! Он же не дурак! Значит, там их полно. Проклятье!»

— Алисанда! Лионелла! Если мы будем продолжать драться друг против друга, то победит инквизиция. Давайте разберёмся с ними, а потом решим, что делать дальше! — Влад, которого больше не удерживали на месте порывы магического ветра, почти побежал вперёд, к колдуньям, всё ещё надеясь успеть, прекратить их поединок, пока ловушка не захлопнулась окончательно.

И опять сознание не успевало реагировать на происходящее. Одновременно грянуло продолжение молитвы из уст священника, Алисанда начала новое заклинание, а... из дома вышел Конрад, вполне бодрый и незаспанный, только лицо немного ошалевшее. Маг встал рядом с Лионеллой, накрыв ладонью Рубин, лежащий у неё на ладони. Драгоценный камень вспыхнул нестерпимым огнём, тугая волна отшвырнула Влада прочь. Падая, он заметил, что и Алисанда вновь отступила. Её чёрные глаза метнулись теперь в сторону инквизитора, чья молитва действовала на неё крайне негативно. И следующая атака была в него.

У Влада начала кружиться голова от мельтешения магических зарядов, да и боль в затылке напомнила о себе, как всегда при таких схватках на энергетическом уровне. Парень с трудом понимал, кто против кого сражается. Похоже было, что все против всех, но самое выгодное положение было у Конрада с Лионеллой, потому что только у них в руках сиял древний артефакт, а сами маги словно слились воедино, прижавшись спинами друг к другу и вытянув сомкнутые вокруг Рубина руки вперёд. От них сейчас веяло такой силой, что даже на таком расстоянии, на каком находился Влад, было крайне неудобно.

— Что будем делать? — Чезаре откровенно растерялся.

Волки на них так и не выбежали, схлестнувшись где-то в отдалении с войсками инквизиции. Это давало отсрочку, но с другой стороны, означало, что их взяли в кольцо. И хорошо бы удалось выйти из него живыми, не говоря уже о роскоши вернуть Рубин. Арман огляделся, осмотрел поляну, на которой разворачивалось главное действие, прикинул варианты и выдал:

— Надо снять этих двоих с артефактом.

Мальчишка кивнул, прицелился, выстрелил. Но стрела, закрученная вихревыми потоками, не долетела до Лионеллы с Конрадом, сломалась ещё в воздухе.

— Отсюда не достать! Надо подойти поближе, — лучник, не дожидаясь одобрения напарника, бросился вперёд, сначала пригнувшись, а потом и вовсе перекатами.

— Сорви-голова, — пробормотал Лерой почти восхищённо. И чувствуя, что скоро заработает себе косоглазие, пытался уследить одновременно за происходящим на поляне и за тылами, откуда по-прежнему неслись звуки боя. Неприятно было оказаться самым бесполезным, но лучше не лезть там, где от тебя действительно мало проку. Лучше не стрелять никак, чем попасть в своих.

— ...qui conceptus de Spiritu Sancto, natus ex Maria Virgine, passus sub Pontio Pilato crucifixus, mortuus et sepultus...

Гладкие камешки скользят в пальцах.

Внутри поднимается ледяная волна мощи.

В кожу впиваются миллионы невидимых иголочек. Но это даже приятно.

Лоренцо, с тех пор, как понял, что для колдовства ему не нужны ни чётки, ни слова молитвы, несколько раз экспериментировал и не использовал эти подручные средства. Получалось не хуже и не лучше, но сосредоточиться было труднее в силу непривычности. Поэтому сейчас он предпочёл не выпендриваться, а делать по старинке.

— *Sanctorum communionem, remissionem peccatorum, carnis resurrectionem, vitam aeternam. Amen.* Изыди, нежить...

На санктификатора вдруг накатила страшная усталость, так что трудно стало просто прямо стоять, чётки потяжелели, казалось, на пару килограммов, и едва не выпали из ослабевших рук. Он не упал только из упрямства. В глазах потемнело, и Лоренцо в первое мгновение не увидел, какого результата добился.

— Не-е-е-ет!!!! — истошный женский крик перекрыл все другие звуки. Опали крылья ветра, и на прогалине установился полный штиль.

Алисанда медленно осела в траву, вокруг брызнули осколками последние отсветы её красного ореола. Владу почудилось, что перед падением сквозь знакомые черты лица магички проступили очертания черепа. Сейчас за высокими стеблями тела брюнетки не видно, и нельзя убедиться в том, что глаза обманули. Парень, почувствовав неприятный холодок в груди, осознал, что следующей жертвой магии может стать и он. И нет времени разбираться, кто из колдующих смог справиться с Алисандой — предводители оборотней или инквизитор, надо прекращать это противостояние во что бы то ни стало, хоть на время.

— Конрад! — позвал Влад, отдавая себе отчёт, кто главный в паре магов. Пытаться вести переговоры с Лионеллой теперь поздно. — Послушай меня! Давай всё спокойно обсудим. Артефакт уже у тебя, чего тебе волноваться? Отзови волков.

Неожиданным завершением миротворческой речи стала стрела, отброшенная в сторону, как будто отрикошетившая от стены воздуха в полуметре от Конрада.

Лионелла и Конрад, потерявшие противника, выискивали глазами новую цель. А таких было несколько на выбор: санктификатор, но с ним можно было и подождать, он выдохся и не сможет напасть сразу, изрядно надоевший мальчишка-лучник, снова ввязавшийся в бой против ненавистных ему еретиков-нелюдей, и Влад, безоружный, пытающийся вести переговоры.

Смешно... О чём он мог торговаться, если ему нечего предложить? Маг усмехнулся. Дело сделано. Волчий Рубин, вот он, тёплый, как живой, отзывается на малейшую мысль, на лёгкое движение пальцев. И сила, которую он вливает в мозг, пьянит почище любого креплёного вина. Конрад ощущал в себе способность прихлопнуть всех врагов едва ли не силой мысли, без хлопот, без потерь, почти без напряжения. Но отдавал себе отчёт, что это только самообман, побочное действие слишком сильного магического артефакта, который, конечно, увеличивает силы колдуна многократно, но не делает его всемогущим.

Если бы Арман был поближе к Алисанде и видел бы то, что заметил Влад, то наверняка не бросился бы на помощь упавшей девушке. Или по крайней мере задержался, чтобы обдумать ситуацию. Но он стоял далеко и в глаза бросилось лишь то, как брюнетка рухнула на землю, сражённая невидимым ударом.

Наёмник, про себя отговорившись, что делает это исключительно из корыстных побуждений, спасая жизнь самому осведомлённому о Рубине человеку, короткими перебежками направился к Алисанде.

Чезаре припал на колени. Стрелял он в Конрада, чувствуя, как волна ненависти к этому человеку заслоняет зрение и лишает осторожности. Разум вопил, что нельзя вот так подставляться, посреди поляны, где негде укрыться и некуда отступить. Зато позиция уж больно хорошая: прямой наводкой, и ветер этот проклятый наконец прекратился, ничто стрелу не собьёт.

«Священника оставим на потом. Влад безопасен, пусть себе кричит. Лучник...» — Конрад сощурился, моментально прикидывая, каким образом с дерзким мальчишкой расправиться будет лучше. Рубин, трепещущий под ладонью, словно почуявшая добычу охотничья собака, показывал всё в новом свете. Маг в этот момент чувствовал всех своих волков, всю стаю, мог видеть их глазами, слышать их ушами, ловить запахи их ноздрями. Мир расширился, стал ярче и... стало заметно нечто, до сей поры недоступное даже магическому взору.

«Разве не ирония судьбы, сопляк? Что ж, узнай, каково это — стать тем, кого ты так презираешь, боишься и ненавидишь».

Он не успел выстрелить. Дыхание вдруг перехватило, перед глазами заскакали разноцветные пятна. Кости скрутило болью, как будто они обратились в гипс и их мяли руки небрежного скульптора. Лук выскользнул из рук, стремительно меняющих форму. Крестик, показалось, прожжёт плоть насквозь, и Чезаре смахнул его, не заметив, как порвал шнурок.

«Нет!!!!!» — проскользнуло в мозгу. А из губ вместо крика вырвался заунывный волчий вой.

Француз не успел добраться до Алисанды. Перекатившись в очередной раз, он огляделся и увидел Чезаре, метрах в двадцати от себя. Мальчишка не был ранен, но вдруг склонился к земле, роняя оружие и словно бы задыхаясь. Через секунду его плоть смялась, как тающий на

огне воск, преображаясь в нечто, нисколько не походящее на человека.

«Так и знал! — в ярости подумал Арман. — Обманул он нас. Или кусали его, или через царапины эта гадость тоже передаётся. Ладно, не всё потеряно. Комольцев утверждал, что оборотни не теряют разум даже в звериной форме».

Ощущение разрывающихся мышц и ломающегося скелета исчезло. Чезаре стоял на четырёх ногах... нет, лапах... В голове шумело. Все чувства обострились. Реальность обрела ещё одно измерение: теперь вокруг вилось множество разнообразных запахов, создавая картину едва ли не более подробную, чем зрение или слух. Не слишком удобно, правда, смотреть так низко над землёй.

«О чём это я думаю? Неудобно? Боже, да я же... Нет!!! Не надо! Это неправда! Проснись же, проснись! Не хочу! Это не со мной!»

Разрывающий лёгкие вой. Скулёж потерявшегося волчонка. Потерявшегося в самом себе.

Влад оглянулся, поражённый. Неужели волки уже прорвались сюда, на поляну, пока он ушами хлопал? Это значит, что Чезаре и Лерой мертвы. Почему-то от этой мысли стало пусто и страшно. Но то, что открылось взору, было ещё более жутким. Мальчишка перекидывался, причём перекидывался больно, с хрустом суставов, меняющих форму против воли. Совсем не так оборачивались те волки, за которыми Владу доводилось наблюдать раньше: быстро, без усилий, словно рубашку передевали.

Когда Чезаре (трудно было уместить в голове, что это по-прежнему он) взвыл, а потом заскулил, до Комольцева дошло.

— Это же ты с ним делаешь?! — развернулся он вновь в сторону Конрада. — Прекрати сейчас же!

«Глупо... Очень глупо... Что же я делаю?..»

Влад побежал к магам, зная, что не успеет — расстояние большое. А если и достигнет цели живым, то что потом? Как заставит Конрада отменить заклинание?

Маг скривил губы. Как же просто управлять этими людишками. Даже скучно становится. И они всегда из всех возможных вариантов действия выбирают глупейший. Где-то в глубине души Конрада зародилось какое-то подобие жалости и сочувствия к этому русоволосому воину из другого мира. И совсем уж прозрачная и почти незаметная тень раскаяния, что он так поступает с человеком, с которым вместе шли через опасности всего считанные дни назад. Поэтому колдун помедлил с атакой, совсем капельку.

Новообращённый волк тем временем потихоньку выбирался из хаоса истерики, привыкая к своему облику. Его мысли не были тайной для Конрада, они читались как каллиграфическое письмо на новом пергаменте. Маг усмехнулся: теперь, после того, как инквизиторский сынок один раз почувствовал на себе силу Рубина, он не вырвется из подчинения никогда. Никогда. Хорошее слово. Очень верное. Правильное. Оно нравилось Конраду.

Однако волчонок задумал проявить неповиновение, не желая, как видно, смириться со своим окончательным проигрышем. Решил напасть на своего повелителя, своего создателя и единственного господина. Зубки оскалил. Прервав отчаянный скулёж, зарычал. Прямо как взрослый волк. Интересно было бы посмотреть, как он справится со своим новым непривычным телом. Любопытно, но нету времени развлекаться. Точнее, развлекаться можно и по-другому. Конрад улыбнулся одним углом рта и отдал мысленный приказ.

В мозгу прозвучал голос, которому невозможно было не повиноваться. Чезаре замер на

месте, помотал мохнатой башкой, стремясь вытряхнуть чужие слова из-под черепной коробки. В этот раз боли от ментальной магии не было, но и противостоять не получалось.

«Убей его», — голос ненавистного мага звучал почти ласково.

Ноги уже сами несли мальчишку в сторону Влада, мышцы подобрались, готовясь к прыжку, который для безоружного человека станет смертельным.

«Нет!!!» — Чезаре остановился, опять завыл, хватанул лапой по земле, а потом вцепился в неё своими же клыками. Солёный вкус крови и боль на миг заглушили приказ.

Сумятица мыслей и чувств разрывала сознание на части. Страх, ненависть к нечисти, Конраду и к самому себе, тоже ставшему оборотнем, непонимание, нежелание драться против людей, но бессилие это изменить. Чезаре чувствовал, что просто тонет в этой какофонии и не может справиться. И снова строгий, не терпящий возражений голос:

«Убей!»

Так легко подчиниться и никогда больше не путаться в противоречивых желаниях и сомнениях. Не думать самому, а следовать этим чётким указаниям. Так просто. Никогда больше не чувствовать боли и ответственности.

«Да, повелитель».

Терзания исчезли. Осталась только цель, на которую будет направлено нападение. Противник, коего должно уничтожить. Чезаре помнил, кто перед ним и вроде бы даже не хотел атаковать, но знал, что должен. Другого выхода нет. Враг повелителя должен умереть.

Лерой сдёрнул лук с плеча. На выстрел у него оставалось всего несколько мгновений, да и те подарены судьбой, потому что волк путается в собственных ногах с непривычки. Отчётливо вспомнились все наставления Влада и немногочисленные тренировки, проведённые во время путешествия в Город Призраков.

Древко стрелы выпрыгивает из пальцев. Нет времени поднимать, дёрнуть новую из колчана быстрее.

Вжик!

Стремительный бег прервался неожиданно. В левом плече вспыхнул костёр боли, лапа подогнулась, и волчонок упал, обиженно завыв. К жжению от серебряного наконечника стрелы добавились малоприятные ощущения перемены облика. Через полминуты Чезаре уже в человеческой ипостаси стонал сквозь зубы, слёзы застилали глаза, левую руку он не чувствовал, не мог ей пошевелить, рубашка быстро намокала кровью.

Юноша потянулся к древку и попытался вытащить стрелу, но чуть не потерял сознание. По сравнению с обычным ранением, которые у него случались раньше, это было гораздо хуже, и со временем боль нарастала, по мере того, как серебро выжигало плоть всё сильнее.

«Попал... Бывает же...» — поразился Арман, а увидев, что мальчишка шевелится, возблагодарил госпожу Удачу, что не засадил стрелой случайно в какой-нибудь жизненно важный орган.

Алисанда лежала неподвижно, с закрытыми глазами, кожа туго обтянула лицевые кости, да и всё тело выглядело теперь более худым и хрупким. Куда только девались пышные формы брюнетки? Волосы, разметавшиеся по траве, тоже как-то потускнели, лишились смоляного блеска.

— Скоты! Во что девушку своей магией превратили! — выругался наёмник себе под нос, проверяя её пульс. Сердце билось редко и аритмично, но магичка была жива. Арман ухватил её поперёк туловища и поволок в сторону спасительных дубов, прочь с простреливаемой прогалины. Алисанда оказалась на удивление лёгкой, и французу не

составило труда дотащить тело до ближайших зарослей.

Конрад потерял связь с волчонком, когда в того попало освящённое серебро. Откатом — болью раненого оборотня — полоснуло по мозгам, и маг застонал, стиснув зубы. Потом он перестал слышать мысли и чувства мальчишки, даже артефакт был не способен пробиться сквозь действие жгучего металла.

— Не трогай Влада, — шепнула Лионелла, и Конрад почувствовал, что её ладонь, на которой лежал Рубин, дрожит.

— Молчи! — приказал маг. — Концентрацию теряешь.

Но девушка не послушалась и продолжила:

— Он безоружный, он неопасен, а нам надо победить инквизиторов в первую очередь. Поговори с ним, вы же были заодно... сначала.

Рубин мигнул, по коже Конрада прокатилась волна неприятной, колючей дрожи. Захотелось убрать руку от артефакта.

— Лионелла...

— Ты же не теряешь ничего, просто поговорив с ним.

Дышала девушка неглубоко и редко, так что, не приглядевшись как следует, можно было не заметить движения грудной клетки. Арман аккуратно подложил ей под голову плащ и задумался над способом приведения в чувство. Чтобы определиться с первой помощью, нужно знать, от чего лечить, а тут... магия, демон её раздери. На всякий случай француз ещё раз нашёл пульс на сонной артерии. Точнее, попытался найти, но не смог. Сердце не билось. Да и дыхания не было. Но кожа оставалась тёплой и мягкой, живой. Значит, не всё потеряно. Теперь Лерой знал, что делать, реанимировать людей ему было не впервой, по крайней мере, так казалось.

Сделать искусственное дыхание умирающей он не успел. Стоило наклониться к девушке, как она распахнула непроглядно-чёрные глазницы без белков, улыбнулась бескровными губами и прижала ладонь к щеке Армана. Пальцы, в отличие от остального тела, были прямо-таки ледяными, так что наёмник вздрогнул не только от неожиданности, но и от холода.

— Что ты... — начал он, но не договорил. Перед глазами поплыли тёмные круги, и наёмник повалился на землю, не удержав равновесие. Холод от места, где прикоснулась магичка, полз дальше, захватывая всё большее пространство тела. Одновременно приходило онемение мышц, Лерой не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, был не в силах оттолкнуть маленькую, почти прозрачную ладонь прочь. Сквозь кружащиеся фиолетово-чёрные пятна он с трудом различал, как Алисанда присела, не отрывая руки от своей жертвы, встряхнула головой. Она явно набиралась сил и вновь хорошела, кожа приобрела нормальный цвет, грудь округлилась, лицо стало прежним — красивым и цветущим. Когда наёмник понял, что паралич подбирается к сердцу, брюнетка наконец отпустила. Наклонилась близко-близко, глаза опять стали обычными, человеческими, и прошептала:

— Извини...

Провела кончиками пальцев по шее мужчины. Правда, тот не смог даже толком ощутить нежного прикосновения. Коснулась лёгким поцелуем бесчувственных губ и упорхнула неведомо куда. Повернуть голову, чтобы посмотреть, Арман не смог.

Лоренцо сидел на выступающем из земли толстом корне и мелкими глотками отхлёбывал из фляжки что-то крепкое. Наверное, это был знаменитый спотыкач брата Джованни, которым тот дезинфицировал раны. Но градусов почти не чувствовалось,

санктификатор смаковал пойло, как прохладную воду после длительного перехода по жаркой дороге, перекачивал по языку и только затем отправлял в желудок. Чувства возвращались постепенно: первым прорезался слух, принеся жалобный волчий вой с неожиданной стороны, с поляны, где, насколько помнил инквизитор, ни одного оборотня не было, следующим прояснилось зрение, в серо-белый мир вернулись цвета, потом стало неудобно сидеть, пришло осознание того, что под спиной — весьма корявый древесный ствол, упирающийся сучком прямо в позвоночник, и только потом наконец-то Лоренцо распробовал, что за гадость пьёт, чуть ли не причмокивая от удовольствия. Он с проклятием ткнул флягу в руки оказавшегося рядом предупредительного санатора («О, да это сам брат Джованни! Поражённо заглядывает в глаза и интересуется, не дать ли запить...»)

— Почему никто не атакует колдунов? — спросил Лоренцо, поднимаясь с корня. Поинтересовался спокойно, без криков и угроз, но почему-то всем, к кому был обращён вопрос, захотелось тут же виновато опустить глаза или вообще оказаться где-нибудь подальше.

— Меня ждёте? А если бы я два часа вот так сидел, то вы бы, сложив ручки, наблюдали? Я что, единственный санктификатор в Святой Палате?

В висках продолжала стучать кровь, и Лоренцо не был уверен, что сможет колдовать прямо сейчас. Слишком много сил вытянуло изгнание странной не-мёртвой и не-живой противницы.

Со стороны прогалины донеслось пение, красивый женский голос выводил тягучие переливчатые фразы на незнакомом языке, всё громче и громче, с повелительными интонациями. «Что за чёрт?! Я же только что её упокоил! Не может быть!» — Лоренцо, выглянув между ветвями, наблюдал картину, достойную быть описанной в заметках какого-нибудь путешественника на край света или в волшебной сказке, которую шепчет старушка над колыбелью внука.

Пара магов с Волчьим Рубином в руках оставалась на том же месте, но артефакт почему-то не блистал так, как раньше, а только изредка подмаргивал кровавым бликом. Посреди открытого пространства в развевающемся тёмно-вишнёвом платье парила нежить, которой полагалось валяться без сил и энергии. Именно парила, между высокими каблучками её туфель и вершинами травинок оставалось порядочное расстояние. Именно она пела, протянутые вперёд ладони горели красной аурой, точь-в-точь того же оттенка, что и Рубин. А между двух огней застыл пришелец из другого мира, Влад. Он, сжав руками голову, раскачивался из стороны в сторону, очевидно, попал под «ударную волну» заклинания.

Лоренцо обернулся к подчинённым.

— Сейчас. Все вместе. Нужно уничтожить равновесие её колдовства. — Только секундой позже инквизитор осознал, что не занимавшимся теорией магии не понять спецтерминов. Махнул рукой и объяснил проще. — Ты, ты и ты — всю энергию на девуку, отвлеките её, не дайте довести заклинание до конца. Остальные вместе со мной — прицел на парочку. Нужно отцепить их друг от друга либо сбить настройку на артефакт. — Почувствовав, что опять уходит в дебри, прервал речь.

Удар вышел не слишком слаженным: трое санктификаторов, ведомые Лоренцо, начали первыми, предводителя стаи отвлечь было непросто, а вот светловолосая ведьмочка сразу покачнулась, ладонь дрогнула, разрывая связку. Атака на нежить запоздала буквально на мгновения. И оказалась напрасной. Словно в фантастическом сне, инквизиторы наблюдали,

как Рубин, сверкнув всеми цветами радуги, вырвался из рук магов и очутился прямо у брюнетки. Та, недолго думая, сжала артефакт пальцами, выкрикнула пару слов, махнула широким рукавом и за её спиной замерцало нечто, напоминающее дверь, ограниченную алыми силовыми линиями. Нежить сделала шаг назад, даже не удосужившись обернуться, и исчезла. В не успевший схлопнуться портал полетело заклинание-молитва санктификаторов, но было уже поздно, «дверь» исчезла, только в последний миг оттуда раздался стон, словно священные слова всё-таки настигли магичку.

Лёгкий ветерок шевелил траву на том месте, где брюнетка стояла секундой раньше.

— Монсеньор! Монсеньор! Волки прибывают, мы потеряли больше половины солдат!

— Уходим! — бросил Лоренцо, кинув последний взгляд на поляну. Делать здесь больше было нечего. Рубин не достался никому из противоборствующих сторон, а обычных сил не хватит для победы. Нужно отступать, пока Конрад не опомнился и не сорвал злость своего поражения на людях. И выяснить, что же это было за создание в облике соблазнительной красавицы.

Армана трясло от холода, словно он был не в летнем лесу, а где-нибудь в продуваемых всеми ветрами горах, и лежал на снегу, а не на нагретых солнцем сухих листьях. Дрожь всё усиливалась, и вместе с ней возвращалась возможность шевелиться. Француз кое-как перевалился на бок, чтобы посмотреть в сторону поля битвы, но из-за густой травы ничего было не разглядеть, а голова весила килограммов двадцать и поднять её выше представлялось непосильной задачей. Щёку в том месте, где коснулась Алисанда, как будто пометили клеймом. Лерой притронулся к ней ладонью и почувствовал, что лицо на ощупь похоже на замороженный кусок мяса.

Злости на магичку, как ни странно, не было, скорее наёмник корил себя за поспешные действия и за недоверие к словам Цезаре и собственной интуиции. Вспомнив про мальчишку, Арман бессильно выругался. Спонтанно образовавшийся отряд и так состоял не из тех людей, которых он подобрал бы, будь его воля, а теперь... один — оборотень, не контролирующий свои действия, а второй неизвестно жив ли ещё.

«Дьявол раздери, когда же силы вернутся?» — Лерой вновь попытался хотя бы присесть. На то, чтобы встать на ноги и куда-то пойти в ближайшие минут десять минимум, не было даже надежды. Чувствуя себя столетним паралитиком, француз прислонился к дереву, переводя дыхание. Перед глазами опять плясали кляксы, затмевающие зрение.

— Конрад! Не смей!

Впервые в жизни, в той, что она считала настоящей жизнью, Лионелла повысила голос на своего спутника. Впервые высказала мнение, не совпадающее с приказом Конрада.

Рубина, скрепляющего их в единый организм, слаженную машину, больше не было. Маги стояли близко, но не касаясь друг друга. Девушка была немного ниже ростом, но в этот миг смотрела на Конрада словно свысока, непокорно вздёрнув подбородок. Прозрачно-серые глаза потемнели от гнева.

— Не забывайся, девочка, — ответил маг.

Он всё ещё не верил, что она не послушается. В то, что сторонний человек, пришелец неизвестно откуда станет ближе и дороже, чем тот, с кем она делит саму жизнь напополам. Конрад отвернулся, уверенный в своих силах, в сторону Влада, который только-только приходил в себя после скользящего магического удара.

— Нет!

Это было последнее слово Лионеллы. Когда девушка увидела, что оно не оказало влияния, то начала действовать. Бледные щёчки вспыхнули яростным румянцем, она потянулась к стае, источнику своей силы. Обратни радостно отозвались, они всегда любили её и с радостью делились своей звериной свободой, чтобы Лионелла могла колдовать эффективней. Иногда ей приходила мысль, что волки относятся к ней лучше, чем к Конраду, считают её более своей, близкой и понятной. Может быть потому, что она всегда просила разрешения на пользование силой, а маг-повелитель просто брал то, что принадлежало ему по праву рождения.

Вот и сейчас стая воспрянула, протягивая к девушке сотни потоков мыслей, наполняя голову бесшабашным весельем и ощущением собственной непобедимости.

— Конрад, это твоё окончательное решение? — она спросила негромко, ласково, а на кончиках пальцев уже плясала готовая сорваться в бой магия.

Маг не ответил и не оглянулся. Чересчур самоуверенный... И такой уязвимый сейчас, при свете солнца... Он уже сощурил глаза, призывая волков на поляну, но с удивлением натолкнулся на стену, блокирующую его призыв. Звери не слышали его или не хотели обращать внимания, хотя последнее было бы слишком невероятным. Понимание пришло поздно, Конрад повернул голову к девушке, а она, улыбающаяся, сильная, плоть от плоти этой природы, этого леса, взмахнула ладонью, как будто отвешивая хлёсткую пощёчину мужчине. Рука ударила по воздуху, но маг пошатнулся, из носа у него брызнула кровь. Темноволосый, до сих пор не веря происходящему, провёл по верхней губе, посмотрел на покрывшиеся красным пальцы, потом снова на Лионеллу. И ударил. Ментальный импульс был силён, девушка задохнулась от острой боли в лёгких, куда перестал поступать кислород, когда маг приказал организму перестать дышать. Она ухватилась за косяк двери, понимая, что противопоставить нечего, но далёкий вой послышался в мозгу, на грани слышимости. Свежий воздух, напоённый ароматами листьев и влажной земли, повеял в лицо, и магичка устояла. Только теперь отчётливо поняла, что выбрала и не сможет остановиться.

«Он же говорил, что мы не можем жить друг без друга. Если умрёт он, то умру и я. И наоборот».

Наверное, это было истиной. Боль, которая пульсировала в её теле, отражалась и на

лице Конрада. Словно он бил сам по себе.

Лионелла чувствовала у себя за спиной присутствие всей стаи и внутренне поражалась, как такое получилось. Предводителем оборотней всегда был Конрад, за ним оставалось последнее слово. Всегда. Во всём.

Но сейчас был день.

Девушка улыбнулась и бросила всю доступную силу против своего спасителя, друга, господина, против своего всего, против себя самой, потому что не отделяла свою сущность от этого черноволосого нелюдя.

— Лионелла! — испуганно закричал Влад, потому что первое, что он увидел, когда головная боль отпустила, была девушка, медленно оседающая на ступеньки крыльца. Конрад уже лежал на траве прямо перед входом в дом. И парню вспомнились рассуждения об одной жизни на двоих. «Если он мёртв, то...»

Комольцев оказался рядом почти мгновенно. Подхватил Лионеллу под плечи, похлопал по щекам, поцеловал в губы, будто ожидая, что от этого она очнётся, как спящая красавица.

— Любимая, не умирай...

Не понимая глупости таких просьб, обращённых непонятно к кому, парень продолжал тормозить тело магички.

— Не трясись ты её так! — Арман был как всегда вреден и недипломатичен. Француз отодвинул Влада в сторону, приложил пальцы к шее Лионеллы и вынес вердикт:

— Она всего лишь в обмороке. Нечего стенать. Нашатыря нету? — последний вопрос был, надо полагать, шуткой, потому что наёмник хитро подмигнул и вернул магичку на руки любовнику.

Только сейчас Влад обратил внимание, что на Армане прямо-таки лица не было, руки дрожали, да и ноги, судя по всему, держали плохо — француз уселся на крыльцо и тяжело опёрся о нагретую солнцем стену дома.

— Что с тобой, Лерой?

— Потом. Долго рассказывать. Живой, значит, ещё повоюем.

Магичка глубоко вздохнула и открыла глаза. Встретившись взглядом с Владом, улыбнулась и прижалась щекой к его ладони.

— Получилось, — прошептала она. — Теперь тебе надо уходить. Конрад скоро тоже очнётся, а второй раз... я не смогу его остановить... он будет готов...

— Ты пойдёшь со мной, я тебя с этим выродком не оставлю!

— Не говори о нём так. Он... хороший. Конрад для меня — всё.

— Девочка моя, да что ты говоришь?! — Влад опешил. — Он же...

— Влад, послушай меня, — Лионелла приподнялась, присаживаясь поудобнее, — мне хорошо с тобой... было... А с Конрадом я всегда буду... тебе, наверное, не понять, но... я уже сейчас почти жалею, что так поступила с ним. Он меня спас, он дал мне жизнь, силу, этот лес и этих волков, мою магию и всю меня. Он отдал мне всё, что было у него, вплоть до своего дня. Извини, но дорожке Конрада мне никто и никогда не будет. Вот так.

Влад отстранился, почувствовав, что его как будто огрели по затылку чем-то тяжёлым.

— Но... зачем тогда ты сейчас пошла против него? Я-то думал, что ты ради меня.

— Я не хочу твоей смерти, но нам больше не по дороге. Помни о хорошем. — Девушка потянулась поцеловать его, но парень не наклонился её навстречу, удержал рукой. Пытливо заглянул в глаза и осознал, что она говорит серьёзно.

— Иди, дорогой.

Магичка спокойно отнеслась к тому, что её прощальную ласку отвергли.

— Уходи скорее.

Влад горько усмехнулся и кивнул Арману:

— Пошли отсюда, Лерой... Кстати, а где Чезаре? — спросил он уже на ходу.

— Кто ж тебе скажет, — пожал плечами наёмник. — Я не видел, куда он смылся. Как-то не до того было. — И поведал историю с Алисандой.

Чезаре вернулся ночью. Просто вышел из леса, не обращая внимания на вскинувшиеся луки и удивлённые лица. Взгляд у него был опустошённый, неживой, как будто внутри всё выжгло жестоким пламенем и не осталось ни души, ни мыслей, ни желания жить. Не глаза, а кусочки серо-зелёного тусклого стекла. Одежда на левом плече почернела от запёкшейся крови, но стрелы в ране не было. Юноша буквально рухнул на землю, ноги его не держали, и с близкого расстояния стало видно, что кровотечение до сих пор продолжается, не сильное, конечно, но этого хватит, чтобы свести в могилу, если не предпринять меры.

Арман поинтересовался:

— Комольцев, а ты у нас с медициной вообще не дружишь? Опять мне горбатиться?

Влад возразил:

— Ну, почему же... Рану зашить любой дурак сможет.

— Только чтоб зашить, нужны как минимум иголка и нитки. А ещё желательно что-нибудь дезинфицирующее и обезболивающее. — Наёмник задумчиво осмотрел мальчишку. — Может, гуманнее добить?

На самом деле он не собирался этого делать, даже радовался, что мальчишка жив и вернулся, просто хотелось посмотреть на реакцию раненого. Судя по выражению его лица, тому было всё равно, что с ним происходит, может, он хотел умереть. Но его возвращение к бывшим спутникам говорило о продолжавшем упорствовать инстинкте самосохранения. Сам Чезаре не мог обработать свою рану, вот и пришёл к тем, кто в состоянии это сделать. Если б желал подохнуть, то с тем же успехом можно это сделать в одиночестве, от потери крови.

Услышав «доброе» предложение Армана, мальчишка словно очнулся и ответил осмысленно, хотя и немного не в тему:

— Наконечник я удалил. Чуть с ума не сошёл от боли, но с ним было ещё хуже. А перевязать не смог, рука совсем не действует. И кровь плохо сворачивается почему-то. Уже в голове шумит. Понял, что скоро сознание потеряю, если ничего не сделать. — Помолчал и добавил. — Я... не хотел нападать, Влад. Не смог сопротивляться приказу...

Лерой повернул другим бочком к огню кусок птицы, которую им посчастливилось подстрелить на ужин, потом плюнул, сунул прутик с едой Владу и сказал:

— Ладно, давай посмотри, что у тебя с рукой. А то наш костоправ Комольцев только суровыми нитками шить умеет, которых у нас, к твоему счастью, нет.

Серебро наконечника выжгло порядочную дыру, и плечо выглядело далеко не лучшим образом. С другой стороны, освящённый металл запаял многие крупные сосуды, и кровопотеря оказалась гораздо меньшей, чем в случае обычного ранения. Пока Арман с проклятьями промывал рану водой (оставалось только молиться, чтобы заражения в ней не было), заталкивал в неё тампон, сооружённый из обрывков рукава рубашки Чезаре, перематывал всё это тугой повязкой, на которую пошёл второй рукав, мальчишка только морщился, не издавая ни звука.

— Спасибо, — произнёс он по окончании экзекуции. — А попить не найдётся?

— Держи, — наёмник сунул ему флягу с остатками воды. — Родник там. Как допьёшь,

наполни снова.

— Спасибо, — повторил Чезаре, — за то, что не насмерть...

Арман, сначала не понявший, о чём речь, через пару секунд рассмеялся:

— Меня можешь не благодарить. Это госпожа Удача рассудила. Я же из этого раритета стрелять почти не умею.

Влад протянул лучнику кусок дичи, уже пожаренный, и осведомился:

— Так значит ты продолжаешь утверждать, что тебя оборотни не кусали? Извиняюсь, что снова поднимаю этот вопрос, но факты говорят об обратном.

Глаза мальчишки сразу же опять потускнели, он уставился в землю, вяло пережёвывая откушенный кусочек жаркого.

— Я честно не знаю, что произошло. В том, что не кусали, я уверен абсолютно. По моим ощущениям это была магия какая-то, сначала трансформация, — он содрогнулся от воспоминания, — а потом приказ тебя атаковать. Всё как будто исчезло, только голос его... невозможно не подчиниться... в тот момент он богом для меня был, создателем...

Чезаре помотал головой, отгоняя наваждение.

— Не знаю...

Арман потянулся с хрустом костей и проворчал:

— Дай парню отдохнуть, Комольцев! Утро вечера мудренее. И вообще интуиция мне подсказывает, что все ответы мы найдём в Городе Призраков.

И Влад, и Чезаре непонимающе уставились на наёмника.

— Э-э-э-э... А мы туда пойдём? — спросил русский.

— Конечно, — фыркнул Арман. — А куда нам ещё идти? Чует моё сердце, вся загвоздка там. Начало всего. Оборотни, люди, война эта странная... И к тому же очень хочется бабе счёт предъявить за свою головную боль. — Действительно, лёгкая дурнота, оставшаяся после прикосновения Алисанды, не желала проходить до сих пор, хотя миновал почти целый день. — Спице, я подежурю.

...Его спутники спали, время перевалило за полночь, а Лерой не спешил будить Влада, чтобы передать дежурство. Покусывая травинку, наблюдал за беспокойно ворочающимся Чезаре. Мальчишка метался по траве, то откатываясь в сторону, то чуть ли не переползая в костёр, Арман пару раз сам отодвигал его, чтоб не спалил волосы или одежду. Лицо было покрыто мелкими капельками пота. Черты сильнее заострились, может, от усталости, может, от недоедания, может, просто в неверном освещении так казалось.

А на небе красовался диск луны, которому не хватало совсем маленького кусочка до того, чтобы завершить круг.

Арман предпочитал не спать, чем не проснуться.

Обратная дорога до Города Призраков обошлась без приключений. Оборотни не беспокоили, что поначалу настораживало, пока Влад не выдвинул предположение:

— Артефакт они так и не получили и достать без нас не могут, как и раньше. А мы идём по следам Рубина, если выразиться фигурально. Так что Конраду — сплошная выгода. Небось, строит планы, как у нас камушек отобрать, когда возвращаться будем.

Чезаре сюрпризов больше не преподносил, зверем не обращался, на спутников не кидался и вообще больше помалкивал, думая о чём-то своём. Усталая морщинка пролегла у него между бровями, сразу сделав лицо старше лет на пять. Тему ликантропии, способов заражения, наследования и прочего, связанного с этим, юноша отказывался обсуждать наотрез. Первые разы просто не отвечал, а к вечеру первого дня пути психанул и сорвался

куда-то в лес, Арман его чуть ли не за шкурку обратно приволок, и по негласному договору сторон подобные вопросы больше не поднимались.

Вся троица общалась мало, все устали от неопределённости, вымотались от непрерывных пеших переходов и ожидания опасностей. Один Лерой был более менее свеженьким, по сравнению с Владом и Чезаре, ему всё же меньше пришлось перенести стрессов. Но наёмник обдумывал что-то про себя, прикидывал, а делиться мыслями не спешил.

Ощущение дежа-вю не покидало Армана в это утро. Заброшенная дорога, почти скрытая под травой, древние улицы, унылые руины... Только теперь они шли без сопровождения призрачного стража. Яркое светило солнце, припекая головы, и магия, привидения и прочие невероятные факты этого мира начинали казаться французу муторным сновидением.

Храм, возносящийся вверх, подобно готическим соборам родной страны, тоже ничуть не изменился. Одна створка, распахнутая его же руками несколько дней назад, словно приглашала пришельцев войти под прохладные сумрачные своды, спрятаться от жаркого дневного светила.

Они остановились, немного не доходя до дверей. Никому не хотелось приближаться, а тем более нырять в негостеприимную тьму. Арман гадал, там ли Алисанда, а если там, то как противостоять её чарам. Не слишком-то хотелось опять чувствовать себя идиотом, у которого гормонов больше, чем ума. Да и последнее столкновение, которое он с трудом пережил, тоже оставило малоприятный осадок.

— Может, Рубин и не там вовсе... — нерешительно произнёс Влад. — Откуда мы знаем, что Алисанда сюда вернулась? Никто ж не видел, куда она портал открыла. Может, мы вообще зря шли...

Никто не ответил. Лерой думал о том же, но в отличие от русского ему казалось, что магичка не зря говорила про необходимость возвращения артефакта именно на прежнее место, вряд ли врал. Насколько представлял наёмник, вспоминая все легенды и сказки, связанные с призраками, неуспокоенные почти всегда каким-то образом связаны с местностью. Обитают преимущественно там, где встретили свою смерть. И раз уж девица повстречалась им именно в Городе Призраков и именно в храме, то можно зуб поставить — с поля боя она бежала в родные стены.

Пока они стояли в нерешительности, вокруг словно скапливалась тишина. То есть тихо было и до этого, но тогда хотя бы слышался звук их собственных шагов, а сейчас — чем дальше стояли, тем больше казались сами себе тоже частью призрачного древнего мегаполиса.

И в этой глухой, липкой, душной тишине, которую уже почему-то было страшно нарушать, раздался тихий смех. Хихиканье, будто кто-то невидимый сдерживается, зажимая рот ладошкой, но всё равно не в силах усмирить подступившее к горлу веселье. Мужчины, не сговариваясь, вздрогнули и заозирались в поисках источника звука. Однако площадь и окрестные улицы, насколько хватало взгляда, были пусты.

— Алисанда... — тихо сказал Арман.

— С чего ты взял? — удивился Влад.

— Я её голос теперь даже во сне узнаю, — поёжился наёмник от неприятных воспоминаний. Нежное «извини», последнее слово брюнетки, звучало в ушах до сих пор.

Сторону, откуда доносилось хихиканье, они с горем пополам определили. Это, естественно, оказался храм. Смех звучал где-то в глубине, отражался между стенами и

потолком, искажаясь и усиливаясь. Непонятно, как такой тихий звук мог разноситься настолько далеко. Казалось, что женщина должна стоять на пороге, но первое помещение собора просматривалось полностью, и там никого не было.

— Единственное, что остаётся, это идти внутрь, — резюмировал Влад. — Стоя здесь, мы ничего не добьёмся.

— Давай посмотрим, может есть другой вход в здание, — решил Арман. — Зайти здесь всегда успеем. — И двинулся по часовой стрелке вокруг храма.

Комольцев шагнул следом, Чезаре задержался. Дойдя до угла, Влад оглянулся, потому что так и не услышал шагов мальчишки.

— Эй, стой!!!

Лучник стоял на самом пороге, замороженно уставившись внутрь. Француз, успевший завернуть за угол, вмиг вернулся и, не тратя время на крики и предостережения, рванул к Чезаре с явным намерением двинуть по голове неужемному юнцу, лезущему в пасть хищника, не спросив совета старших.

Было поздно. Арман не успел. Мальчишка сделал шаг внутрь храма, а тяжёлые створки сами собой закрылись, громко лязгнув друг об друга окованными краями. Влад и Лерой добежали, бесплодно подёргали двери — те не сдвинулись ни на миллиметр, как будто приросли к косяку.

— Кретин малолетний! Вот что ему там понадобилось?! — наёмник в сердцах врезал кулаком по створке и, зашипев от боли, потёр ушибленную кисть.

Комольцев тоже добавил парочку нелестных эпитетов в адрес Чезаре, но ругань не помогла решить проблему. Двери по-прежнему не открывались.

— Пойдём всё-таки поищем запасное крыльцо. Уж лучше, чем тут сидеть и ждать, пока впустят.

Обойдя строение по периметру, они убедились, что других входов, а также окон, по крайней мере видимых, не было. Вернувшись к исходной точке, Арман присел на ступеньку и философски рассудил:

— Ну, стало быть, ждём-с...

— Чего? А если эти двери сотню лет теперь не откроются?

Француз усмехнулся и загадочно ответил:

— Откроются. Обязательно откроются.

— Почему это ты так решил?

— Красивая женщина. Одна сотни лет. Конечно, откроет, да ещё и пригласит войти. Не думаешь же ты, что она удовлетворится обществом какого-то мальчишки? Смешно!

Влад не стал спорить, хотя уверенность в своей неотразимости и обаянии, присущая Арману, всегда его раздражала. Примостившись рядом, он стал разглядывать руины зданий вокруг площади, прикидывая, как они могли смотреться в период расцвета. В воображении складывалась достаточно величественная картинка. Судя по количеству битого камня, дома были многоэтажные, а некоторые обломки были покрыты сложным геометрическим орнаментом. На взгляд Влада только какого-нибудь монумента в центре площади не хватало, пустоовато несколько.

Сзади, из-за закрытых дверей донеслись звуки: два голоса, мужской и женский, но отдельные слова невозможно было разобрать. Чезаре и Алисанда, больше там быть некому. Лерой и Влад вскочили, повернувшись к входу в храм, оба проклинали собственное бессилие — не ворваться в замкнутое магией помещение, не помочь ничем мальчишке. Одна надежда

на то, что, если до сих пор не погиб, значит есть шанс на победу. Или как минимум на то, что Чезаре выберется из вражеского логова целым.

Двери с треском распахнулись, ударившись о стены по бокам проёма, откуда-то сверху, с кровли собора, посыпались мелкие камешки и пыль. На улицу вышел Чезаре, с такой силой сжимающий в ладонях Волчий Рубин, что пальцы побелели. Кажется, держи он что-то более мягкое, то смял бы. Артефакт сверкал ещё ярче, чем тогда, когда занимал место в руках Конрада и Лионеллы. Красные отблески создавали впечатление, что из драгоценного камня сочится кровь, выдавленная жестокими руками многочисленных претендентов на владение им. Мальчишка вышел на свет, слегка пошатываясь, его взор был устремлён внутрь Рубина, под ноги он не смотрел и, конечно же, пропустил ступеньку и споткнулся. Время тянулось тягучей струйкой, Чезаре потерял равновесие, но никак не мог ни упасть, ни выправиться. Влад шагнул к нему, чтобы поддержать (родилась почему-то дикая мысль, что если артефакт ударится о землю, то непременно разобьётся, будто это не камень, а чешское стекло), но волна воздуха, прянувшая навстречу, не пустила. Как в тот раз, когда он пытался подойти к Лионеле во время последнего боя. Комольцев не успел сопоставить эти два факта, потому что вслед за лучником появилась Алисанда. Лицо брюнетки пылало гневом, и она опять выглядела не лучшим образом. Правда, не настолько напоминала привидение, как после молитвы санктификатора, но и на наполненную жизнью женщину мало походила. Скорее, злая колдунья с иллюстрации к детской сказке. Красива и страшна одновременно.

— Чезаре, осторожно, сзади! — Это уже Арман закричал, пытаясь привлечь внимание юноши к опасности, угрожающей со спины.

Следующий миг запомнился всем присутствующим надолго. Реальность подёрнулась мелкой рябью, словно весь город и лес был миражом над пустыней, на несколько секунд зрение почти отказало. Картинка в поле зрения напоминала быструю перемотку видеоплёнки, серо-чёрные штрихи перечёркивали руины, камни, деревья, небо... К горлу подкатила тошнота.

Влад закрыл глаза, справляясь с головокружением, а когда открыл, то обомлел. «Я схожу с ума. Точнее, уже сошёл», — больше ни одной мысли по поводу не возникало. Потому что для рождения мыслей требуется логическое мышление, а логике увиденное не поддавалось в принципе.

Город Призраков... вернее, Ликан... стоял, красуясь всеми своими зданиями, лепниной, статуями, орнаментами. Мостовая нетронута, исчезли все кустики, пробивавшиеся всего пару минут назад между плитами. Руины пропали. Город ожил. Думалось, что ещё чуть-чуть — и загомонят жители, пойдут по тротуарам, по бульжникам, пригнанным один к другому с такой точностью, что лезвие не воткнёшь в землю между ними. Даже воздух стал словно иным: исчезла атмосфера запустения, заброшенности и разрухи. Свежий ветерок нёс запахи листвы и лесных цветов.

«Мерещится... Наверное, предсмертная галлюцинация...»

Покосившись на Армана, Влад спросил:

— Лерой, ты тоже это видишь?

Наёмник, стоявший с разинутым ртом и прилипшими ко лбу бровями, медленно покивал.

— Чезаре, а ты?

Комольцев перевёл взгляд на мальчишку. Тот стоял в той же позе, артефакт теперь светил чуть тусклее, но ровно и приятно глазу, можно сказать, уютно и ласково.

— Алисанда?.. — в голосе Армана звучало удивление.

И было от чего. Магичка-призрак обошла мальчишку по широкой дуге, не подходя ближе, чем на три метра, встала прямо перед ним, посмотрела в течение нескольких мгновений, а потом прошептала:

— Не может быть... Древняя Кровь... Это невозможно...

Чезаре наконец-то оторвал глаза от Волчьего Рубина и встретился взглядом с Алисандой. Она не стала играть в гляделки, сдалась сразу. Более того, медленно опустилась на колени, на жёсткие камни, не забыв изящно подобрать подол.

— Действительно, Древняя Кровь. Простите, господин...

*Но — во дворце заговор! Этого ждали!
Им пропитались портьеры и стены ...*

Йовин

Восставший из небытия Ликан действительно поражал великолепием архитектуры. Влад, конечно, ещё раньше, присматриваясь к развалинам, предполагал, что в прошлые времена здесь было очень красиво, но даже не представлял насколько. Дома с цветными фасадами, блистающие своим уникальным стилем, словно над каждым проектом трудился индивидуальный дизайнер. Прямые, как стрела, улицы, на каменных плитах которых, как выяснилось, тоже был какой-то узор, ранее стёртый временем. Небольшие круглые клумбы, словно ухоженные заботливым садовником, радовали глаз необычными цветами, поразительно крупными, с причудливыми лепестками.

— По-моему, это здесь, — Арман ткнул пальцем в сторону двухэтажного здания, выделявшегося среди других построек своим строгим видом. Стены из простых тёмно-серых, грубо обработанных блоков, узкие стрельчатые окна, узорчатые решётки на которых являлись единственным украшением главного архива Ликана.

Трое мужчин остановились перед крыльцом, не понимая, почему не хочется переступить порог. То ли от суеверного страха потревожить древние проклятия, то ли из-за существующего подозрения, что и внутри они не отыщут ответов на десятки накопившихся вопросов.

Алисанда, которая первая оправилась от потрясения, вызванного внезапным возрождением столицы оборотней, ничего не пожелала объяснить ни про Древнюю Кровь, ни про артефакт, ни про историю заклания, поразившего Ликан. Девушка вообще бы ушла, не сказав ничего, если бы Чезаре не произнёс:

— Что это такое? — Мальчишка вряд ли обращался к кому-то конкретно, скорее, говорил сам с собой, не отрывая взгляда от красных бликов в Рубине.

И магичка, не успевшая скрыться внутри храма, застыла, оглянувшись на юношу, перед которым пару мгновений назад пала на колени по неизвестным причинам, и словно против воли сказала:

— Идите в городской архив. Там вы найдёте все сведения, — и рассказала, как пройти туда.

Ступая по улицам, они постоянно ожидали увидеть хоть кого-нибудь, но жители, видимо, не собирались подниматься из праха вслед за домами. От этой пустоты и тишины становилось жутко, словно все трое очутились в кошмарном сне, где лишь цветные витражи окон провожают людей неживыми взглядами, где единственным звуком остаётся стук собственных шагов по камням, даже птичьи голоса доносились слабо и неуверенно.

— Вроде бы похоже, — не очень уверенно сказал Чезаре. — В архивах обычно именно такие маленькие окошки, чтоб от света бумага документов не портилась.

Это были первые слова, произнесённые юношей после того, как Влад вынул у него из рук Волчий Рубин и спрятал подальше в вещмешок, благодаря все высшие силы, что Алисанда по неизвестной причине передумала претендовать на владение артефактом. Мальчишка словно только сейчас очнулся и принялся оглядываться по сторонам с непередаваемым удивлением, написанным на лице.

— А... что... случилось? — он потряс головой, как будто вытряхивая воду из ушей после купания.

— Ты не помнишь? — Арман повернул Чезаре лицом к солнцу, оттянул веко юноши,

присвистнул, увидев, что зрачок заполнил всю радужку. Руки у мальчишки заметно подрагивали, а лицо горело каким-то нездоровым румянцем. — Как будто галлюциногенов принял... — удивлённо сказал француз, проверяя пульс лучника.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовался Влад, тоже видевший, что с Чезаре что-то не то, но не сумевший определить симптомы.

— Да был один парень у меня в отряде, который любил этим делом побаловаться, — машинально произнёс наёмник.

— Лерой!

— Что? О, чёрт! Это же... — француз мигом забыл о мальчишке и принялся яростно чесать макушку. — Я ведь помнил только что! — в голосе звучала почти детская обида. — И имя помнил, и лицо, и всё, что связано с этим человеком. И вдруг исчезло... как только задумался...

Начавший говорить лучник снова привлёк себе внимание:

— Голос был... И лицо... — Чезаре, услышав произнесённые Лероем слова, словно ухватился за их знакомое звучание. — Видел где-то раньше.

— Какой голос? Какое лицо? — скептически поинтересовался Арман. — Подробно можешь описать? — И, обернувшись к Владу, тихо добавил: — Говорю же, как под кайфом.

Чезаре прикрыл глаза, наморщил лоб, потом потёр виски и ответил:

— Помню, как внутрь храма зашёл...

— Стоп, — перебил его Влад. — Зачем ты туда полез?

— Ну... Надо же было Рубин забрать.

— Логика непробиваемая... Ладно, зашёл. И?

— Темно, неудобно там как-то было... Я молитву прочитал, вроде легче стало. Пошёл к алтарю, где мы в первый раз артефакт нашли. Взял его и вышел.

— И всё? Вот просто так взял и вышел? — недоверчиво переспросил Арман.

Дальнейшее выяснение истины было прервано скрипом дверной петли. Тягучий противный звук заставил всех троих вздрогнуть от неожиданности. Обернувшись, мужчины увидели, что створка двери в архиве приоткрылась буквально на сантиметр. Наверное, от сквозняка. И тут Чезаре огорошил Влада и Лероя неожиданным вопросом:

— А почему дома опять целые?

Наёмник не выдержал и фыркнул от смеха:

— Ты б ещё спросил, откуда дети берутся! Это всё, — он обвёл широким жестом восстановившийся из руин город, — ты сделал, юноша. В твоих руках камушек заработал. Так что это нам у тебя впору спрашивать, почему дома целые. Так что ты там говорил про голос и лицо?

Юноша наморщил лоб, пытаясь сосредоточиться.

— Когда ты голос услышал? — подсказал, с чего начать, Влад. — Как только в храм вошёл?

Чезаре отрицательно помотал головой:

— Не сразу. Нет. Сначала я молиться начал. Потом... Алисанду увидел. Она далеко от меня была, на другой стороне зала. И зал светлый в этот раз оказался, я легко прошёл. Она... хотела мне помешать как-то, но не смогла приблизиться. Как только я первые слова молитвы произнёс, так у ведьмы лицо перекосилось, и она отступила. — В голосе мальчишки прорезалась нескрываемая гордость собой. Вот, дескать, как я силой веры нечисть поганую спугнул. — Добрался я до святилища, Волчий Рубин на прежнем месте лежал, где и в первый

раз. И вот когда я его в руки взял, то аж передёрнуло всего...

Он замолк, обхватив себя за плечи руками и чуть подрагивая, как в ознобе.

— А в прошлый раз такое было? — спросил Арман.

— Нет. Точнее... не так сильно. Тогда я подумал, что это от страха... Ну, боялся, что тоже магией жажнет какой-нибудь, когда к артефакту прикоснусь. А теперь припоминаю... ощущение, словно от камня в меня иголки втыкаться начали, в ладони прямо... Чёрт, не могу объяснить!

— Ладно, не суть важно, — махнул рукой Влад. — Дальше что было?

— А потом на то, что я вижу, наложилась ещё одна картинка. Словно вокруг не только зал с алтарём, но и одновременно лес. Мёртвый какой-то, чёрный, как будто после пожара. Сучья во все стороны обгорелые торчат. И темно, словно тучей пепла солнце закрыло... И голос... — На этом месте Чезаре вновь завис, замолчав.

Француз закатил глаза:

— Давайте хоть присядем, что ли? — Подавая пример, опустился на нагретое солнцем каменное крыльцо архива. — А то, чуёт моё сердце, рассказ у нас долгий предстоит. Так что тебе сказал голос?

Влад и Чезаре тоже устроились рядом с Арманом. Юноша упёрся остановившимся взглядом куда-то в трещинки на плитах мостовой и не произносил ни слова.

— Эй! — окликнул его Лерой. — Слушай, Комольцев, двинь ему в морду, а то мне тянуться далеко.

Влад не стал следовать распоряжению точно и всего лишь потряс Чезаре за плечо, возвращая в реальный мир.

— Мужчина. Говорил сначала непонятное что-то. Не знаю такого языка. Потом перешёл на итальянский. Акцент довольно сильный. Молодой голос. И очень властный, как будто привык, что ему подчиняются.

— Так что он сказал-то? — не вытерпел Влад перечисления подробностей.

— А затем в том лесу... ну, в том, который я видел как сквозь окружающий интерьер... возникла фигура человеческая. Но видно было расплывчато так... непонятно... я никак лица не мог разглядеть. Показалось, что я когда-то его уже видел...

Арман и Влад переглянулись. Наёмник страдальчески произнёс:

— Я сейчас ему точно в челюсть двину, если он не будет изъясняться последовательно!

— погоди! — остановил его Комольцев и повернулся к мальчишке. — Чезаре! Чезаре, посмотри на меня! — Развернул юношу к себе. Взгляд у того был пустым, ничего не выражающим, словно он продолжал смотреть куда-то на невидимое остальным пожарище. Влад помахал у мальчишки ладонью перед глазами. Ноль эффекта. — По-моему, он нас не слышит. И не видит.

Чезаре продолжил говорить, отрывочно и невнятно, но и из этого можно было почерпнуть немного информации:

— Голос позвал меня... Не по имени, но я понял, что он обращается ко мне. Этот голос принадлежал тому мужчине, что так расплывчато был виден. Высокий... Царственная такая осанка... Не смог разобрать, что он сказал сначала... Незнакомый язык...

— Да, это мы уже слышали, — сварливо прервал Арман. — Где, интересно, мальчишка за десять минут внутри храма умудрился найти такую хорошую траву?

— Потом, увидев, что я не понимаю его, перешёл на итальянский. Только очень архаичный... Так в старых летописях пишут, но уже давно не разговаривают... — снова

молчание.

— Что. Он. Сказал? — раздельно и отчётливо, как у глухого или слабоумного, спросил Влад, терпение которого тоже дало трещину от бесконечных повторов.

— Что-то вроде: «Я предчувствовал, что ты придёшь» или «Я знал, что ты доберёшься»... И затем, после небольшой паузы: «Освободи меня!» Причём, это он произнёс таким тоном, что у меня и мысли не возникло поинтересоваться, каким образом и откуда его надо освободить. Я просто опешил от всего это, не знал, что делать, и не мерещится ли мне вообще этот человек... — Речь Чезаре постепенно становилась более менее связной. — Или не-человек. Я промолчал, естественно. Тогда он вдруг потянулся к ножнам и достал меч. Лезвие сверкнуло, как будто солнечным бликом, хотя, как я уже говорил, там, на этом пепелище, было пасмурно и темно. И загорелись рубины на рукояти. Точь-в-точь как сам Волчий Рубин, но маленькие. — Внезапно на лице Чезаре проступило удивление и радость. — Боже, я вспомнил! Вспомнил, где видел раньше! В битве, когда твоя ведьма, Влад, призраков призвала! Он был их предводителем. Точно! Высокий, широкоплечий, черноволосый. И меч, украшенный рубинами. В левой руке. Он — левша.

Влад нахмурился, припоминая тот бой. «Ну да, это после которого я в плен к инквизиции угодил. Лионелла действительно каких-то фантомов создала. То есть я тогда думал, что всё это — мастерски наведённая иллюзия. А вот, оказывается, как дело повернулось. Значит, на самом деле существуют... или существовали эти воины...» Он кивнул, подтверждая, что не забыл упомянутое столкновение стаи с «крестonosцами».

— Он сказал: «Вспомни про свою Кровь!» Я сразу плохо расслышал, только слово «Кровь» в ушах отдавалось. А тут ещё и меч. Короче говоря, создалось у меня впечатление, что он задумал меня атаковать. И хотя и выглядело это всё как галлюцинация, но проверять на своей шкуре почему-то не хотелось. И я рванул из святилища на всех парах. Видение горелого леса как-то смазалось, но не исчезло совсем, хотя голос я слышать перестал. А может, призрак замолчал. Алисанда пыталась меня задержать. Весь зал, тот, который раньше тёмным был, огнём оказался залит. Только успел подумать, что попал между молотом и наковальней, как, кинув случайно взгляд на артефакт, увидел, что он засиял красным цветом, словно кровью налился, нагрелся, задрожал у меня в руках, и пламя начало расступаться. Так я и пробрался там — впереди на расстоянии вытянутой руки стена огня, и в спину жар пышет, потому как сразу за мной заклинание восстанавливало свою силу. Только одно действие чуть не стоило мне жизни: я оторвал взгляд от Рубина, чтобы понять, здесь ли ещё этот твердящий об освобождении мираж. И тут же жарко стало... как в Преисподней, наверное. И сразу же снова пожарище то мёртвое перед глазами. Я в Рубин уставился — прошло всё. Дальше так и шёл, глядя в камушек, как будто в нём содержатся все тайны мироздания. И на самом пороге услышал во второй раз: «Вспомни про свою Кровь!» Только гораздо громче это прозвучало... и как-то более требовательно, что ли... И эхом отдалось под сводами храма. А дальше... — мальчишка замаялся и замолк.

Лерой аж подпрыгнул от любопытства:

— Ну?

— Я увидел мир как бы его глазами, — не слишком уверенно произнёс Чезаре. — Ну, сначала пепелище это, меч в руке почувствовал, хотя видел, что Рубин держу в ладонях. И вдруг картинка сменилась. Появился великолепный город, большой, богатый, красивый... А в себя когда пришёл, выяснилось, что в этих иллюзиях мне виделся именно Ликан.

— Веще видение, — хмыкнул Влад.

— Ага, значит, призрак тут не один. Кроме Алисанды ещё где-то пребывает некий левша с рубиновым мечом.

— Не рубиновым, на рукояти только камни, — поправил юноша.

— Я это и имею в виду, — улыбнулся Арман. — Просто «рубиновый меч» звучит короче и красивей, чем «меч, украшенный рубинами». Так вот, надо бы и про него как-то справки навести. Наверняка не простой смертный, раз вот так запросто разговаривает через расстояния. И зуб даю, что ведома ему и тайна твоего происхождения, Чезаре. Недаром про Кровь тебе столько раз повторял. Значит, только ты или твои кровные родственники... со стороны матери, я полагаю... могут помочь этому... — Француз остановился не в силах подобрать корректное определение.

— Правителю, — подсказал мальчишка.

— Почему ты так решил? — удивился наёмник.

Чезаре пожал плечами:

— Сам не знаю. Но он производил такое впечатление. И в первый раз, когда во время боя впереди своих воинов шёл, и там, в храме. Уж очень интонации у него повелительные.

— Ладно, — Арман встал, с хрустом потянулся, разминая затёкшую спину, — предлагаю всё же войти в архив, тем более двери вон сами приглашающее открываются. — Он кивком указал на приоткрытую створку, о которой за время рассказа все позабыли.

— Кто-нибудь сталкивался в своей жизни с архивным делом? — спросил Влад, оглядывая бесконечные ряды стеллажей, заставленные толстыми книгами и растрёпанными папками.

Хранилище начиналось чуть ли не от самого порога, предваряясь только небольшого размера прихожей с узкой винтовой лестницей на второй этаж. Прямо у подножия крутых ступенек примостилась стойка с огромной конторской книгой на ней — как единодушно решили пришельцы, это было место дежурного работника, обязанного встречать посетителей и помогать ему в дальнейшем поиске информации. Двери слева и справа вели в помещения, размеры которых было трудно определить, потому что они представляли собой настоящие лабиринты шкафов с документацией.

— Не помню, — честно признался Арман. — Но по-моему нет. По крайней мере никаких практических навыков не ощущаю.

— Чезаре, ты у нас на все руки, даже замки вскрываешь, как домушник бывалый. Может, и здесь что-нибудь подскажешь?

— Да не знаю я! — ни с того ни с сего вспыхнул мальчишка.

— Спокойно, разберёмся, — наёмник, как всегда, блистал самоуверенностью. — Насколько подсказывает логика, записи в историческом архиве должны располагаться в хронологическом порядке. Ну, чтобы легко было найти информацию о событиях определённого года. Если нам надо узнать о том, что произошло перед гибелью города, то необходимо найти самые поздние документы.

Влад прошёлся вдоль полок, отыскивал какие-то таблички-указатели, но, присмотревшись, лишь пожал плечами:

— Не поймёшь ничего... Мне кажется, летосчисление другое...

Чезаре, тем временем вновь остывший и уже не полыхающий возмущённым взглядом, с нескрываемой неприязнью произнёс:

— Здесь же язычники жили. Естественно, они не могли пользоваться счётом от Рождества Господа Нашего.

— А какое было до этого? — почесал в затылке Влад. — Слушай, ну ты же получал местное образование, не могли же там совсем не упоминать о прежних временах.

Юноша тоже подошёл к табличке с надписью, пригляделся, сверил несколько соседних. Арман и Комольцев с надеждой следили за его действиями. Но в итоге тот пожал плечами:

— Мне незнакома такая система. Тут даже цифры вон не арабские, а непонятно какие...

Лерой разочарованно махнул рукой и направился вдоль главного, самого широкого прохода между стеллажами.

— Эй, ты куда? — окликнул Влад.

— Сейчас вернусь.

Действительно француз, дойдя на конца помещения и заглянув в несколько ближайших ответвлений, повернул обратно. Пройдя мимо продолжающих стоять на месте Чезаре и Влада, углубился в противоположное крыло. Комольцев проводил его удивлённым взглядом, но не стал больше ничего спрашивать. А Чезаре, похоже, было и вовсе наплевать, он опёрся о ближайший шкаф и тяжело дышал.

— С тобой всё нормально? — счёл нужным побеспокоиться Влад.

— Не знаю... По-моему, нет.

Над головой раздался резкий звук, как будто на пол верхнего этажа уронили что-то тяжёлое и округлое, которое ударило по камню и прокатилось в сторону.

— Лерой уже на второй этаж залез, что ли? — удивился русский.

Но почти одновременно с риторическим вопросом Арман снова появился в поле зрения и сказал:

— Пойдёмте наверх.

— Ты понял принцип расположения? — спросил Чезаре.

— Пока нет, но кое-какие идеи появились.

— У меня ощущение, что мы здесь не одни, — заявил Влад. — Слышал стук?

Арман кивнул:

— Я почти сразу как-то неуютно себя почувствовал, но списал на нервы. Надо быть поосторожнее. Чёрт, лестница узкая, придётся друг за другом идти... — Он почесал в затылке. — Так, я иду первым. Вы дождётесь, пока я не поднимусь и не крикну, что всё чисто. Потом Чезаре с луком. Ты как, в состоянии уже в цель стрелять в случае чего?

Юноша слегка замешкался с ответом, и француз, с досадой покачав головой, попросил:

— Руку правую вперёд вытяни.

Ладонь Чезаре явственно дрожала, хотя он изо всех сил старался это скрыть.

— Поня-я-ятно, — протянул наёмник. — Тогда план меняется. Вторым с луком идёт Комольцев. А ты последним, после того, как мы ещё раз подтвердим безопасность.

— Кто-нибудь сталкивался в своей жизни с архивным делом? — спросил Влад, оглядывая бесконечные ряды стеллажей, заставленные толстыми книгами и растрёпанными папками.

Хранилище начиналось чуть ли не от самого порога, предваряясь только небольшого размера прихожей с узкой винтовой лестницей на второй этаж. Прямо у подножия крутых ступенек примостилась стойка с огромной конторской книгой на ней — как единодушно решили пришельцы, это было место дежурного работника, обязанного встречать посетителей и помогать ему в дальнейшем поиске информации. Двери слева и справа вели в помещения, размеры которых было трудно определить, потому что они представляли собой настоящие лабиринты шкафов с документацией.

— Не помню, — честно признался Арман. — Но по-моему нет. По крайней мере никаких практических навыков не ощущаю.

— Чезаре, ты у нас на все руки, даже замки вскрываешь, как домушник бывалый. Может, и здесь что-нибудь подскажешь?

— Да не знаю я! — ни с того ни с сего вспыхнул мальчишка.

— Спокойно, разберёмся, — наёмник, как всегда, блистал самоуверенностью. — Насколько подсказывает логика, записи в историческом архиве должны располагаться в хронологическом порядке. Ну, чтобы легко было найти информацию о событиях определённого года. Если нам надо узнать о том, что произошло перед гибелью города, то необходимо найти самые поздние документы.

Влад прошёлся вдоль полок, отыскивал какие-то таблички-указатели, но, присмотревшись, лишь пожал плечами:

— Не поймёшь ничего... Мне кажется, летосчисление другое...

Чезаре, тем временем вновь остывший и уже не полыхающий возмущённым взглядом, с нескрываемой неприязнью произнёс:

— Здесь же язычники жили. Естественно, они не могли пользоваться счётом от Рождества Господа Нашего.

— А какое было до этого? — почесал в затылке Влад. — Слушай, ну ты же получал местное образование, не могли же там совсем не упоминать о прежних временах.

Юноша тоже подошёл к табличке с надписью, пригляделся, сверил несколько соседних. Арман и Комольцев с надеждой следили за его действиями. Но в итоге тот пожал плечами:

— Мне незнакома такая система. Тут даже цифры вон не арабские, а непонятно какие...

Лерой разочарованно махнул рукой и направился вдоль главного, самого широкого прохода между стеллажами.

— Эй, ты куда? — окликнул Влад.

— Сейчас вернусь.

Действительно француз, дойдя на конца помещения и заглянув в несколько ближайших ответвлений, повернул обратно. Пройдя мимо продолжающих стоять на месте Чезаре и Влада, углубился в противоположное крыло. Комольцев проводил его удивлённым взглядом, но не стал больше ничего спрашивать. А Чезаре, похоже, было и вовсе наплевать, он опёрся о ближайший шкаф и тяжело дышал.

— С тобой всё нормально? — счёл нужным побеспокоиться Влад.

— Не знаю... По-моему, нет.

Над головой раздался резкий звук, как будто на пол верхнего этажа уронили что-то тяжёлое и округлое, которое ударило по камню и прокатилось в сторону.

— Лерой уже на второй этаж залез, что ли? — удивился русский.

Но почти одновременно с риторическим вопросом Арман снова появился в поле зрения и сказал:

— Пойдёмте наверх.

— Ты понял принцип расположения? — спросил Чезаре.

— Пока нет, но кое-какие идеи появились.

— У меня ощущение, что мы здесь не одни, — заявил Влад. — Слышал стук?

Арман кивнул:

— Я почти сразу как-то неуютно себя почувствовал, но списал на нервы. Надо быть поосторожнее. Чёрт, лестница узкая, придётся друг за другом идти... — Он почесал в затылке. — Так, я иду первым. Вы дождётесь, пока я не поднимусь и не крикну, что всё чисто. Потом Чезаре с луком. Ты как, в состоянии уже в цель стрелять в случае чего?

Юноша слегка замешкался с ответом, и француз, с досадой покачав головой, попросил:

— Руку правую вперёд вытяни.

Ладонь Чезаре явственно дрожала, хотя он изо всех сил старался это скрыть.

— Поня-я-ятно, — протянул наёмник. — Тогда план меняется. Вторым с луком идёт Комольцев. А ты последним, после того, как мы ещё раз подтвердим безопасность.

Второй этаж отличался от первого только тем, что здесь помещение было единым и из-за этого ещё более запутанным. Хаотичное переплетение проходов между шкафами начиналось буквально в нескольких метрах от верхней ступени лестницы. Полумрак собрался ещё более плотный, свет из узких окон не доставал до всех закоулков. Никаких признаков чьего-то присутствия не наблюдалось. На полу, на корешках книг и папок с бумагами лежал толстый слой пыли. Троица некоторое время стояла неподвижно и молча, словно боясь сделать первый шаг в неизвестность и спугнуть многовековую тишину.

— Так что у тебя за идея? — спросил Влад у наёмника.

Тот шагнул к ближайшему стеллажу, стёр пыль с одной из папок, вынул её с полки и раскрыл, обнаружив кипу пожелтевших, обтрёпанных по краям бумаг.

— То, что на первом этаже, на вид — гораздо старше. Поэтому я думаю, что последние записи должны быть где-то здесь.

— Где-то... — хмыкнул Чезаре. — Предлагаешь просматривать каждый шкаф, пытаешься на взгляд определить возраст документов? Там, кстати, на каком языке хоть написано?

— А чёрт его знает! — пожал плечами Арман. — Не французский, не английский и не итальянский, а другим я не обучен. На, сам посмотри, если интересно...

Мальчишка принял стопку документов, переложил несколько листиков и отрицательно помотал головой:

— Не латынь и не греческий...

— Какие вы все полиглоты, — буркнул Влад, но всё же заглянул через плечо Чезаре, чтобы удостовериться, что надписи там сделаны не на русском. Практически невероятно, но чем чёрт не шутит. Однако чуда не свершилось.

— Ну и какой смысл тогда искать самые новые документы, если всё равно не поймём, что в них написано? — задал Чезаре вертящийся у всех на языке вопрос.

Откуда-то из правого конца помещения послышался шелест, как будто сквозняк играл

страницами огромной книги, а затем снова стук чего-то тяжёлого, упавшего на пол. Все вздрогнули. Влад поёжился от неприятного ощущения пробежавших по спине мурашек с колючими лапками.

— Что же за фигня? — Арман напряжённо вслушивался в опять наступившую тишину. — Сдаётся мне, что Алисанда — не единственная обитательница города. А вспоминая некоторые её... хм... особенности... — Француз потёр щёку в том месте, где магичка-нежить прикоснулась своей ледяной ладонью. Конечно, чувствительность кожи давно вернулась, но неприятные воспоминания никуда не исчезли. — А защиты от магии у нас с вами никакой нету.

К удивлению спутников первым идти и искать того, кто поднимает шум, предложил Чезаре.

— Может, так даже проще будет. Если местный житель, то он нам и эту писанину переведёт. Сил уже нету терпеть эти загадки.

Они петляли между шкапами в полутёмных проходах, перед глазами кружились потревоженные их шагами пылинки. Густой воздух, наполненный запахом старой бумаги и рассохшегося дерева, с неохотой расступался перед людьми, потревожившими его многолетний покой. Троица направлялась приблизительно в ту сторону, откуда перед этим раздавались стуки и шелест. Время от времени останавливались и прислушивались, но тишину больше ничто не нарушало. Арман иногда проверял, следуя своей идее, степень ветхости документов.

— Мне кажется, что мы на верном пути, — шепнул он.

Наёмник ощущал себя то ли в роли охотника на неведомую дичь, то ли, наоборот, мишенью, которой надо незаметно прокрасться мимо стрелка. Поэтому неосознанно говорил почти беззвучно. Продемонстрировал почти белую страницу. Бумага была чуть лощёной, поблёскивала золотым обрезами. Вокруг текста шла тонкая рамка — геометрический орнамент одновременно служил украшением и нижней строчкой, на которую опирались витиеватые росчерки подписей. Француз уже вознамерился вернуть папку на место, когда Чезаре перехватил его руку.

— Подожди!

Мальчишку привлёк не этот лист, а следующий, оставшийся верхним в стопе документов. По виду почти такой же, те же подписи внизу, та же замысловатая картинка в углу, похоже, печать.

— Это же латынь, правда, архаичная какая-то... — Чезаре аккуратно вытащил бумагу, присмотрелся, шевеля губами.

* * *

В год 9839-й от Первого Воя Волка, во второй день зимы.
Его высочество принц Вилренг, глава верволокв Ликана,
его высокопреосвященство кардинал Амедео, полномочный представитель
людей,
в присутствии двух свидетелей от каждой из сторон
(верховный бегущий с волками Крауш, главнокомандующий его высочество
принц Карренг — со стороны верволокв; его преосвященство епископ Карло, посол

от совета Гильдий Рима Джорджо ди Николо — со стороны людей),
заключили этот
ДОГОВОР.

1. Люди Италии и верволки Ликана отныне и навсегда прекращают любые междоусобные стычки и войны.

2. Неприкосновенным владением верволоков признаётся вся Среднеиталийская дубрава.

3. Граница между владениями верволоков и людей проходит по опушке леса.

4. Пересечение границы людьми без предварительной договорённости повлечёт за собой смерть нарушителей.

5. Для обсуждения торговли и прочих вопросов взаимодействия народов ежемесячно будет собираться комиссия, состоящая из равного количества послов от обеих договаривающихся сторон — по пять представителей.

6. Верволки обязуются не обращаться к людям без их личного согласия и даже при наличии такового не более трёх человек в год.

7. Люди обязуются прекратить любые преследования верволоков и бегущих с волками, которые с мирными целями и не скрывая собственной сущности будут посещать города и поселения людей.

8. Если же верволк либо бегущий с волками будет скрывать свою природу и проникнет на территорию людей, притворяясь человеком, то это повлечёт за собой смерть нарушителей.

9. Бегущие с волками отказываются от любой, прямой или косвенной, пропаганды культа Древнего Волка среди людей.

10. В случае нападения на одну из договаривающихся сторон противника вторая будет оказывать всяческую поддержку воинами, боеприпасами и продовольствием.

11. Обе стороны обязуются не заключать союзов и не вступать в коалиции с кем бы то ни было без предварительного обсуждения этого вопроса со второй стороной.

12. В случае нарушения любого пункта договор аннулируется полностью.

Подписями представителей договаривающихся сторон заверено.

* * *

— Не может быть, — поражённо сказал Цезаре, когда закончил переводить. — Церковь никогда бы не пошла на союз с нечистью. Тем более на таких невыгодных условиях...

— Почему же невыгодных? — ответил Влад. — Мир на веки вечные, запрет вражеской пропаганды, ограничение на превращение людей в оборотней, союз на случай войны. На мой взгляд, люди многое выигрывают.

Но юноша с фанатичным блеском в глазах тут же принялся отстаивать свою точку зрения:

— Зато ты обрати внимание — люди не имеют право появляться на территории стаи под страхом немедленной смерти, а нечисть — свободно расхаживает, где

заблагорассудится! И вообще с нелюдями нельзя заключать союзы ни на каких условиях!

Арман хмыкнул:

— А сам-то кто? Вспоминая ожоги от серебра, способность возрождать из руин проклятые города и таинственную Древнюю Кровь, которую упоминала Алисанда...

Чезаре вспыхнул, осёкся на полуслове и не нашёлся с ответом. Возразить действительно было нечего. Но наёмнику, как видно, порядком надоели вот такие вспышки фанатичного упрямства, поэтому он не остановился и нанёс самый болезненный удар:

— Не говоря уже о том, что и волчью шкуру ты уже успел примерить. Так что вот не надо о поганных нелюдах распинаться! А то, если уж с оборотнями воевать непримиримо, то начать борьбу следует с тебя.

— Осади, Лерой, — вступился Влад, видя, что мальчишка из пунцового стал наоборот смертельно бледным, и заметив, какая боль перекосила его лицо.

Француз, отмахнувшись, продолжал разговор с Чезаре:

— Я хочу донести до твоего разума одну простую истину: нельзя судить однозначно ни о чём, особенно пока не изучишь проблему с разных сторон. Мы не знаем, кто ты, и почему это всё с тобой произошло, но интуиция подсказывает, что без предков-нелюдей явно не обошлось. Не зря же упоминалась Кровь... Так что не спеши с обвинениями в адрес оборотней. Глядишь, они для тебя ближайшими родственниками окажутся, более понимающими, чем родной отец, который тебя к смерти приговорил.

Чезаре стоял, опустив голову, и молчал.

— Лерой, ну зачем ты так? — опять встрял Комольцев. — Ему и без того тяжело.

— Зато сразу в себя пришёл, — цинично ответил наёмник, сплюнув на пол. — А то как обкурившийся был. Теперь хоть окружающий мир воспринимает адекватно.

Он вернул документы на полку и резюмировал:

— Ну что ж, нежданно-негаданно наткнулись на полезную информацию. Значит, война-то между людьми и оборотнями не всегда была, а прерывалась. Даже союзниками они были. Правда, неизвестно, долго ли просуществовал этот договор. Судя по сегодняшней ситуации, его всё-таки нарушили. Неизвестно только, кто из сторон и когда. И связано ли это с проклятием, павшим на город...

Юноша пробормотал:

— И неясно, почему глава волков — принц.

— А что? Почему это у оборотней не может быть монархического устройства? — удивился Влад.

— Почему принц, а не король? Если б король погиб или умер, то принц стал бы на его место, соответственно перестав быть принцем.

— По моему личному мнению это такие мелочи по сравнению с возрождённым городом, — высказался Арман. — У меня до сих пор в голове не укладывается. Были развалины, лесом заросшие, а через минуту — всё цело и новёхонько! Но чтобы узнать, как это могло случиться, надо выяснить, каково действие Волчьего Рубина, что такое Древняя Кровь, и узнать обстоятельства уничтожения города.

— Всего ничего, — горько улыбнулся Чезаре. — Мне тоже очень сильно хотелось бы найти ответ на вопрос: кто я такой и обратимо ли... всё это... — решимости назвать себя вслух оборотнем мальчишке не хватило. — Только... откуда начинать поиски? — он окинул тоскливым взором лабиринт стеллажей. — Сведения о той же Древней Крови могут быть где угодно, не обязательно в самых новых документах. К тому же вряд ли всё будет написано

последовательно и обстоятельно, как в энциклопедии, гораздо вероятнее, что для того, чтобы вникнуть в суть проблемы, надо будет перерыть не одну полку. Здесь без архивариуса ничего не отыскать.

При последних словах по комнате прошёл уже знакомый бумажный шелест, но на этот раз листы невидимой книги шуршали словно со всех сторон, а вслед за звуком прилетел сквознячок, непонятно откуда взявшийся в закрытом помещении. И сквозь шорох страниц донёлся тихий смешок, сухой, как будто не настоящий, а всего лишь привидение смеха, звучавшего здесь много сотен лет назад.

— Что за... — начал Влад.

Он материализовался внезапно, как будто шагнул из-за ближайшего стеллажа, одновременно превращаясь из белесоватого клуба тумана в чёткую человеческую фигуру. Пожилой, невысокий, с густой проседью в тёмных волосах, собранных в хвостик. Хламида тёплого коричневого цвета делала архивариуса очень уютным, но пристальный взгляд не блистал гостеприимством и радостью встречи. От него не исходило явной угрозы, но наученные горьким опытом исследователи мгновенно оцетинились всем имеющимся оружием. Две стрелы и нож, поднятый для броска.

Призрак смотрел на неожиданных посетителей со смесью любопытства и раздражения, как будто его отвлекли от очень важной работы какими-то глупостями. Пауза затягивалась, архивариус молчал, а никто из троицы не мог сообразить, как же среагировать на столь необычное появление.

Наконец «работнику» надоело ждать, и он слегка склонил голову, обращаясь к Чезаре:

— Повелитель желает посмотреть архивные записи?

Только начавший приходить в себя от удивления, мальчишка вновь завис, услышав подобное обращение. Чувство реальности ему вернул лёгкий подзатыльник, отвешенный Арманом:

— Чего молчишь, «повелитель»? Делай запрос, пока предлагают так любезно.

— Я... э-э-э... Что значит повелитель? — ошарашенно спросил Чезаре.

Глаза архивариуса сощурились, словно он пытался понять, не обознался ли. Он, не обращая ни малейшего внимания на наконечники нацеленных в него стрел, приблизился почти вплотную. Взгляд стал совсем пронизывающим, и мальчишка, не выдержав, отвернулся.

Архивариус усмехнулся, отступая на шаг:

— Нет, Алисанда ошиблась, — произнёс он негромко, будто сам себе.

И фигура подёрнулась дымкой, смазываясь и бледнея.

— Стой! — Откуда только у Чезаре взялись такие властные интонации. В этот миг он вдруг очень напомнил своего отца — кардинала Гаэтано. Опустив лук, мальчишка повторил: — Стой! Расскажи нам, что за проклятие обрушилось на город?

Призрак вновь принял облик человека, так что показалось, что предыдущие метаморфозы были обманом зрения. На лице отразилось удивление.

— Не понимаю... — Архивариус продолжал разговор с самим собой. — Не потомок короля, но умеет приказывать...

Влад выругался и повторил «запрос» Чезаре:

— Отвечай, чёрт побери, что тут произошло? От чего всё в развалины превратилось?

Тонкие губы архивариуса тронула усмешка.

— Я не буду рассказывать. Это не входит в мои должностные обязанности. Могу

показать, где лежат документы, если вы скажете, *что именно* вас интересует. А уж читайте сами.

— Но мы языка не знаем, на котором тут большинство бумаг написано! — возмутился Арман.

— Что, даже повелитель не помнит своего родного наречия? — на этот раз учтивое обращение прозвучало с откровенной иронией.

Щёки Чезаре вспыхнули румянцем, но он нашёлся, что ответить. Проиgnорировав саркастический вопрос, он сунул под нос архивариусу копию мирного договора.

— Когда был заключён этот союз?

— Написано же: «В год 9839-й от Первого Воя Волка», — неохотно проговорил призрак. Всё-таки от комментирования документов он, видимо, не мог отказаться.

— А если считать от Рождества Христова? По летосчислению людей?

Архивариус без запинки назвал дату.

— Почти триста лет назад... — вздохнул Чезаре. — Тогда ещё не была создана Святая Палата. Это даёт хоть слабое объяснение, как мог быть подписан подобный договор.

— Я вам ещё нужен? — призрак не проявлял нетерпения, но по каким-то незаметным признакам рождалось ощущение, что ему хочется уйти.

— Покажи, где хранятся самые новые документы, — перебил Лерой открывшего рот для нового вопроса Чезаре.

В этом углу хранилища оставалось ещё порядочно пустых стеллажей, которые так и не дождались своих папок. И стояли сейчас, упершись в высокий потолок безмолвным свидетельством того, что история Ликана прервалась на полуслове. Оказалось, что искатели истины не добрались до них всего ничего, на текст договора наткнулись буквально в соседнем проходе. Архивариус сделал скупой жест рукой в сторону шкафа, в котором были заполнены всего три верхние полки:

— Здесь документы последнего года. Точнее полугода. Заканчиваются третьим днём лета 9841-го года от Первого Воя Волка.

Влад запрокинул голову кверху, до нужных папок добрался бы без подручных средств разве что великан. Призрак хихикнул, совсем как злорадный ребёнок, но потом сжалился:

— Лесенка там, через три прохода влево. И к тому же здесь все записи дублируются латинскими копиями. — В подтексте фразы так и слышалось: «Специально для таких убогих и безграмотных, как вы».

И неживой работник мёртвого архива испарился миражом.

Прикатив лестницу, сделанную в форме пирамидки, Арман кивнул Чезаре:

— Лезь.

— А почему я? — возмутился тот.

— Потому что ты самый молодой, — ехидно сказал француз. — Шучу. Просто мы с Комольцевым по латыни не шпрехаем, всё равно не разберёмся.

Чезаре, вздохнув, вскарабкался наверх, вытащил самую последнюю папку и принялся рыться в бумагах в поисках понятного языка.

* * *

В год 9841-й от Первого Воя Волка, в завершающий день зимы.

Решением Совета бегущих с волками принято ПОСТАНОВЛЕНИЕ

По вопросу замещения должности верховного жреца.

Голосованием жречества из списка кандидатов избрана бегущая с волками Алисанда: 13 голосов «за», 3 голоса «против», 1 — воздержался.

Одобрено. Принц Вилренг.

* * *

— Хм, значит, наша знакомая — важная шишка была. Триста лет назад. — Почесал в затылке Влад. — Не зря, значит, в храме обретается...

Арман, уже удобно устроившись на полу, скрестив по-турецки ноги и опираясь на ближайший стеллаж, добавил:

— Не зря я сразу в ней что-то не то заподозрил. Говорил ведь, что не может обычная баба жить в заброшенном проклятом городе посреди леса! Надо же... это ж ей сколько лет... а как сохранилась...

Через полчаса бесплодных копаний в бухгалтерских отчётах, сообщениях о рождениях и смертях граждан, протоколах заседаний всевозможных организаций Чезаре вновь наткнулся на знакомое имя.

— О, а Алисанда с этим принцем Карренгом, который главнокомандующий, оказывается, женаты были...

* * *

Сегодня был необычный день. В воздухе чувствовалась странная прохлада. Не привычная весенняя промозглость, вполне допустимая в середине марта, а какая-то зябкая, неприятная атмосфера, будто солнце отказывалось греть землю, а только напоказ сияло, не разгоняя холодный туман.

Вилренг ходил из угла в угол и нервно покусывал ноготь. Кабинет, всегда казавшийся родным и уютным, теперь давил стенами со всех сторон. Птичий щебет за окном мешал сосредоточиться на мыслях, и принц пожалел, что он умеет перекидываться в волка, а не в кота. Очень уж хотелось полакомиться надоедливymi созданиями.

Дверь открылась практически бесшумно, но Вилренг знал, кто шагнёт через порог, ещё до того, как посетитель появился в проёме. Младший брат правителя застыл, не войдя внутрь, взглядом словно спрашивая разрешения.

— Чего уж стоять. Проходи. — В голосе Вилренга звучало мало радости, но разговор нельзя было откладывать дальше.

Карренг ступал мягко и бесшумно, как будто ожидая встретить замаскированную под ковром волчью яму. Он опустился в кресло, последовав кивку-приказу и начал беседу первым:

— Свадьба через неделю. Уже почти всё готово.

— Значит, ты всё же решил идти против традиций?

— Вилренг, положение о неразбавлении Древней Крови давно устарело. Ещё чуть-чуть, пара поколений, — и мы начнём вырождаться, если будем продолжать запрещать смешанные браки. К тому же я — не глава верволок, мне не обязательно столь строго придерживаться всех предписаний, потому что мои дети не будут наследниками.

Старший брат, нахмурившись, смотрел в окно. Он уже перестал обгрызать ногти, чтобы не показать свою нервозность собеседнику. Вилренг тоже был ещё молод, пост правителя «нашёл» его недавно, четыре месяца назад, после того, как отца обоих принцев крови официально объявили умершим после годичного отсутствия. Целый год возвращения короля Ланга ждал весь город, не веря в его смерть, потому что никто не был свидетелем его ухода в мир иной. Более того, Волчий Рубин не угасал, указывая на тот факт, что в его главном повелителе ещё не остыла кровь. По местным законам по прошествии года верволок признавали погибшим даже при отсутствии прямых доказательств смерти. Поэтому титул перешёл к его наследнику совсем недавно, хотя фактически Вилренгу пришлось принять всю ответственность и тяжесть королевских обязанностей сразу после исчезновения отца.

Решение, которое ему сейчас приходилось принимать, было крайне неприятным, какой вариант ни выбери. Если одобрить брак, то нарушаются многовековые традиции, которые, верилось его величеству, были придуманы не просто так. Если запретить (в принципе он может это сделать), то в отношениях с младшим навсегда пройдёт трещина, которую

ничем не залаатаешь. Карренг очень любит свою избранницу и не согласится признать свой проигрыш. Правитель колебался.

— К тому же союз между жречеством и Древней Кровью укрепит государство. В нашей семье окажутся все нити власти, — продолжал приводить доводы младший принц.

Как ни крути, но это Карренгу нужно было быть королём, а Вилренгу — главнокомандующим. Боги подшутили, поменяв местами даты их рождения. Из-за того, что темноволосый оборотень-воитель с грубоватыми чертами лица появился на свет годом раньше, талантливый политик с точёным профилем, который в пору на монетах чеканить, оказался не у дел. Вилренг многое отдал бы за то, чтобы управлять войсками и планировать военные действия, вместо этих бесконечных законов, наводнённых двусмысленностями и ловушками, в которых запутывался любой несведущий в юридических тонкостях, и переговоров, где каждый участник стремился облапошить другого так же, как обвешивают покупателя торгоши на рынке. И сейчас он понимал, что не переспорит брата.

Но всё-таки счёл нужным побурчать, высказывая свои последние аргументы:

— Мне кажется, что скорее все рычаги управления Ликаном после свадьбы будут в ручках твоей пассивности. Эта своего не упустит.

Карренгу в лицо бросилась краска:

— Да ты... — начал он, вскакивая, но не закончил и вновь опустился в кресло, наткнувшись на пронзительный взгляд брата. — Считаешь, что я похож на подкаблучника? — спросил он дрожащим от ярости голосом.

— Нет, не похож. — Правитель сделал паузу, подбирая нужные слова. — Просто тебе закрывают глаза чувства, и ты не видишь, насколько Алисанда властолюбива. Не верь ей столь слепо. Послушай меня, оставь свои намерения.

— Я же не ребёнок! — вздёрнул подбородок брат. — Это не я слепой, а ты видишь то, чего нет. Если б Сэнди хотела управлять Ликаном, то она с самого начала строила бы глазки тебе. Ведь я никогда не был наследником престола! — Последнее утверждение, наверное, должно было звучать с горечью и обидой, однако ноток досады в нём не было. Всего лишь факт, который не изменить.

Правитель испытующе взглянул на главнокомандующего, но тот не отвёл глаза.

— Хорошо, — наконец уронил Вилренг. — Я не буду накладывать запрет на это бракосочетание. Но прошу тебя, брат, подумай ещё раз.

Порыв зябкого ветра взметнул занавески на окне. Эта необычно холодная весна грозила городу большими переменами.

— Я вот чего никак не пойму, — размышлял вслух Арман. — Почему она осталась... ну, употребить выражение «в живых», конечно, некорректно... но так сказать, осталась существовать? Все жители умерли или ушли отсюда, а она — как ни в чём не бывало триста лет сидит в храме...

Влад возразил:

— Ещё архивариус этот не ушёл. Только выглядит, пожалуй, ещё менее человеком, чем Алисанда.

Чезаре продолжал ворошить старые пожелтевшие бумаги, но более ничего достойного внимания не попадалось. Влад и Арман, устроившись на полу около стеллажа, обсуждали, почему из всего населения Ликана остались именно эти двое. Единственное предположение, которое пришло им в головы практически одновременно, — то, что и магичка-жрица, и

хозяин документохранилища каким-то образом причастны к тому, что город превратился в призрак.

— Страшная сказка какая-то получается... — хмыкнул наёмник. — Проклятые души, обречённые за свои прегрешения влачить вечное безрадостное существование в мёртвом городе...

— Лерой, да ты у нас романтик! — хохотнул Влад.

Француз ничуть не обиделся на такое определение и развил мысль:

— Нет, вот ты сам подумай. Какие легендарные персонажи обычно оказываются в подобном положении? Чаще всего злобные злыдни, навлёкшие беду на себя и других и наказанные высшими силами. Как-то так мне представляется, хотя я не спец по фольклору.

— Ага, а может, наоборот, отважные герои, которых околдовали гадкие злыдни? — поддержал дискуссию Комольцев.

Арман поморщился:

— Не производит на меня эта баба впечатления невинной героической жертвы.

— Эй, сказочники, — окликнул их с верхотуры Чезаре. — Я тут кое-что нашёл, но не могу перевести. По оформлению — точь-в-точь как договор Церкви с оборотнями, но копии на латыни нету. Только на этом волчьем языке и ещё на каком-то... похоже на английский, но я не уверен...

— Дай сюда, — сразу оживился Лерой.

Наши дни

Предварительное обсуждение проекта проходило там же, где и первая судьбоносная встреча Доктора и Генерала — в кабинете главнокомандующего. К этому времени учёный внимательно изучил все оставшиеся после закрытия Эксперимента материалы и был готов приступить к работе.

— Чтобы связующий портал мог держаться долгое время и был способен пропустить большой объём материи, надо открывать его с двух сторон. То есть не только отсюда пробивать, но и из Мира-И. Начинать одновременно, ну или с минимальным разбросом времени. — Молодой человек теребил в пальцах карандаш, который нагло утащил из генеральского письменного прибора.

— Но это невозможно осуществить, — парировал генерал. — Как мы откроем с той стороны? Даже если удастся отправить нашего человека через маленький и ненадёжный проход, то там же не будет нужного оборудования. Нет, думайте, как усовершенствовать технологию здесь, на месте.

Учёный взлохматил волосы и огорошил командующего заявлением:

— С той стороны есть необходимая аппаратура. По крайней мере была. Я раскопал старые архивы, про которые все давным-давно забыли.

Генерал недоверчиво хмыкнул:

— Такой факт вряд ли бы запомнили.

— Дело в том, что архив не военный, а исторический... — Врач немного смутился. — Я ещё в институте интересовался историей, наткнулся случайно на кое-какие сведения, стал дальше собирать материал. Так вот, около трёхсот лет назад существовала устойчивая и регулярная связь между мирами. Через большой стабильный портал, который открывали

ежемесячно.

— Вы издеваетесь, что ли? — возмущился военный. — Если б такое существовало, то официальная наука знала бы!

— Не будьте наивным, мой генерал. В анналах истории едва ли не больше похороненных навсегда тайн, чем в военных хранилищах документов. Уверен, что и в военном ведомстве есть письменные свидетельства, только спрятаны ещё глубже и надёжнее. А вполне возможно, что наоборот уничтожены, как слишком секретные и опасные. Я бы мог, конечно, опубликовать найденные мной материалы, защитить докторскую диссертацию, совершить переворот одновременно в истории и в физике... Но зачем? Во-первых, в первую очередь я медик, и не собираюсь лезть в непрофильные, мягко говоря, дисциплины. А во-вторых, не горю желанием просидеть всю оставшуюся жизнь в закрытой камере, очень благоустроенной, светлой и почти уютной, работая над секретными проектами. Так что обойдусь пока без учёной степени.

— Медик... — Генерал пыхнул сигарой. — Тогда чего это вы так ухватились за моё предложение? Тут-то как раз чистая физика, а врачебной практики — ноль.

— Так я же говорю, что нужен резидент, который бы сумел найти и активировать портал с другой стороны. У вас есть много добровольцев на эту роль? Может, десятки крепких здоровых молодых мужчин жаждут отправиться в неизвестность, грозящую опасностями, с очень эфемерной надеждой вернуться целым и невредимым в родной мир? Я думаю, вряд ли. Тем более, что подобные исследования запрещены на международном уровне.

Доктор замолчал и сделал глоток кофе. Кофе Генералу подавали отменный — крепкий, ароматный, густой. Молодой человек не предполагал, что не пройдёт и пары месяцев, как он возненавидит этот напиток от всей души, потому что придётся постоянно перебивать наваливающийся сон.

— Думается мне, что у вас есть вариант выхода из положения, — Генерал говорил утвердительно, но по дрожанию кончиков пальцев, удерживающих сигару, было видно, что он волнуется. Этот нагловатый учёный был его главным козырем, единственным человеком, который мог разобраться в теории связи измерений.

— Это способ непроверенный... — протянул Доктор. — Моё изобретение. Оно, скажем так, не слишком гуманно, потому скорее всего не найдёт поддержки официальной науки. Армия, конечно, заинтересовалась бы новым видом психотронного оружия, позволяющим управлять сознанием человека, но идти в кабалу к Министерству обороны не хочется, как я уже говорил. А вот сотрудничая с вами, мой генерал, я вполне могу опробовать, как действует психоматрица, а заодно и вам помогу с созданием портала. Кстати, а зачем он вам так нужен?

— Меньше знаешь — крепче спишь, мой юный друг, — усмехнулся военный. — Делайте своё дело.

** * **

В документе, один из экземпляров которого действительно был написан на английском, оказался не ожидаемый всеми очередной договор о сотрудничестве, а всего лишь дополнительное соглашение, носящее название «Об обмене техническими достижениями».

Стороны обещали друг другу собрать своеобразную конференцию, посвящённую данному вопросу, в начале лета и в дальнейшем ввести подобные встречи по обмену опытом в традицию.

«Собеседником» правителя Вилренга на сей раз выступал некто генерал Винарис, руководитель проекта «Связь». Генерал, резиденция которого располагалась по ту сторону Портала, в другом мире, как прямо было написано в документе.

Чезаре, Влад и Арман пребывали в лёгком шоке. Первый — из-за того, что детская байка про иные миры оказалась на поверку правдивой, а второй и третий — просто от неожиданности, уж очень удивительно было обнаружить в средневеково-магическом мире доказательства существования высоких технологий.

— Постоянно действующий Портал? — почесал в затылке Влад. — И у нас про это забыли? Нет, я понимаю, конечно, триста лет — большой срок, но ведь должны быть какие-то хроники исторические... Здесь же вон остались документы.

Арман, который вполне бегло читал на английском, лишь иногда запинаясь на устаревших оборотах речи, ворошил стопку дальше.

— Здесь ещё полно всяких записей. Описи товаров, договоры о сделках, протоколы переговоров... Оживлённо тут у них было, рядом с Порталом...

Ещё через полчаса Чезаре с нецензурным воплем хватил кулаком по стенке стеллажа:

— Дьявол! Так можно ковыряться до старости, но ничего не понять! Никакой системы! Так дело не пойдёт!

Он чуть ли не кубарем скатился вниз с пирамидки-лестницы, подхватил вещмешок Влада и по хозяйски запустил в него руку. Не успел законный владелец выразить своё удивление и возмущение, как мальчишка выудил Волчий Рубин и отбросил ставший ему ненужным рюкзак в сторону.

— Зачем ты достал артефакт? — поинтересовался Арман.

Мальчишка не ответил, бледные пальцы обхватили камень, и тот вспыхнул живым тёплым светом. По архиву вновь пронёсся непонятный шелест. Мужчины заозирались, ожидая появления очередного призрака, но никто не собирался материализовываться в пыльном полумраке.

— Выходи! Хватит прятаться! — Чезаре огляделся по сторонам и добавил всё крепнущим голосом, словно входил в роль правителя, распекающего подданных: — Иди сюда и отвечай, когда я спрашиваю!

Со стороны казалось, что юноша слегка двинулся рассудком под влиянием стрессовых событий последних дней. Арман и Влад переглянулись. Француз встал, намереваясь изъять у Чезаре артефакт и привести в чувство самым эффективным способом, ударив в челюсть. Но в это время шелест оборвался и вместо него прозвучал знакомый тихий смешок, только на этот раз в нём чувствовалась не издёвка, а горечь. Архивариус шагнул из-за стеллажа уже в человеческой форме. Бросил высокомерный взгляд на Лероя и Комольцева, потом обратил взор к Чезаре. Мальчишка, только что громогласно приказывающий, немного растерялся, даже вроде бы хотел отступить назад, но преодолел внезапно накатившее волнение и произнёс:

— Я хочу знать, что здесь произошло. Что за проклятие обрушилось на город? И почему он сейчас поднялся из развалин?

Призрак усмехнулся уголком рта, прислонился плечом к полкам и выдал:

— Мальчик всё-таки решил показать, что он повелитель? Смешно...

Чезаре не отвёл взгляда, между бровями пролегла упрямая складка. Он гордо вздёрнул голову, серо-зелёные глаза метали молнии. Юный лучник принял вызов и не собирался отступить, несмотря на необычность ситуации и недостаток сведений. Играть вслепую трудно, тем более против того, кто старше и соответственно опытнее на несколько веков. Но сдаваться Чезаре не умел. Не успел научиться.

— Если я — такое ничтожество, то почему же ты пришёл по первому моему зову? И не видно, что тебе так уж смешно. Ты почему-то вопреки своим словам не смеёшься, а боишься?

— Я боюсь? — архивариусу впервые изменила его холодная самоуверенность. — Не хочешь ли сказать, что тебя, щенок?

Рубин вспыхнул просто ослепительно, по залу прошёл вихрь-сквозняк, разметавший неубранные документы по углам.

— Подумай, прежде чем снова меня оскорблять, — тихо сказал Чезаре, видя, что архивариус отшатнулся, закрывая лицо рукавом.

Юноша не мог понять, откуда в нём появилась такая уверенность в собственных силах. Слова, которые он произносил, рождались помимо воли. Словно их подсказывал кто-то невидимый. Рубин приятно грел ладони. В мозгу появилась неожиданная мысль: «А ведь ты сейчас призываешь древнюю магию. Проклятую Церковью и людьми... Как же это произошло? Когда это началось? В какой момент ты шагнул через последнюю запретную черту?»

На миг возникло дикое желание отбросить дьявольский артефакт прочь. Но тогда бы все попытки заставить призрака говорить пошли бы прахом. И его собственная судьба оказалась бы навсегда сломана, ведь до тех пор, пока Чезаре не выяснил стопроцентно, что изменения в его организме необратимы, оставалась надежда на сохранение или, правильней будет сказать, возвращение человеческой сущности. Единственной надеждой юноши остался именно эта дьявольская игрушка — артефакт, красивый какой-то злой красотой, пламенеющий кровью сотен принесённых ему жертв. Не зря же лежал на алтаре, снабжённом кровостоком.

Однако, судя по всему, только камень мог развязать нежити язык. И мальчишка не выпустил Рубин из рук.

Праздновать победу, однако, было рановато. Призрак, опомнившись, сверкнул глазами и проскрипел фразу на неприятном для слуха резком языке. Вокруг его фигуры поплыли тёмные ленты, как будто дымные следы, а в архиве отчётливо запахло палёным. Влад, до сего момента стоявший на месте, застыв от удивления, сделал попытку напасть на вредного хранителя, но его удержал Лерой:

— Не лезь, Комольцев. Наш отрок без тебя лучше справится.

И действительно — в ответ на враждебную магию архивариуса Волчий Рубин вновь замерцал, словно живое сердце, а Чезаре улыбнулся, глядя прямо в глаза призраку, не отрываясь и не моргая:

— Не смей сопротивляться Древней Крови!

Видение мира изменилось внезапно. Чезаре не смог различить границы: только что он видел всё, как обычно, а через секунду реальность подёрнулась красноватым туманом. Архивариус помолодел, исчезли с лица морщины, кожа рук и шеи разгладилась, волосы оказались более насыщенного каштанового цвета без следа седины. Вместо невразумительной коричневой хламиды возник элегантный щегольской камзол тёмно-красного бархата, с золотым шитьём по обшлагам рукавов и воротнику. Сейчас хранитель выглядел вряд ли намного старше Чезаре.

Призрак что-то сказал... и к своему удивлению юноша понял, точнее, кто-то как будто ласково прошептал на ухо перевод:

— Демоны, меняющие личины, услышьте меня и дайте силы!

Вокруг архивариуса затанцевали какие-то клубящиеся, меняющие очертания тени, в которых виделись то человеческие фигуры, то волчьи, то вообще какие-то чудовищные, вооружённые огромными клыками и рогами. Чезаре на миг стало трудно дышать, а единственным реальным ощущением были гладкие грани Рубина под ладонями. Ледяные. Только почувствовав, что пальцы занули от холода, он понял, что артефакт изменил своё «отношение» к происходящему. И куда только подевалось приятное живительное тепло?..

Удерживать эту ледышку становилось всё труднее, а что делать, как использовать заключённую в камне магическую силу, мальчишка не знал.

Паника на несколько мгновений захватила всё его существо. Чёрные тени-демоны потянулись своими руками, лапами, когтями и пастями к нему. И, казалось, сейчас, когда они коснутся хотя бы края одежды противника, Чезаре умрёт или, что ещё хуже, навсегда потеряет душу, слившись с миллионами вот таких же призраков.

— Держись... — шёпот донёсся из-за плеча.

Юноша хотел обернуться, но холод Рубина захватил уже всё тело, оно занемело и не слушалось.

— Не отвергай силу Рубина. Этот человек, — слово прозвучало слегка презрительно, — не соперник тебе. Почувствуй Рубин, позволь ему слиться с тобой. Он всё сделает сам, только разреши ему использовать мощь твоей Крови. — Чем больше говорил неведомый помощник, тем большая уверенность наполняла душу Чезаре. И только при последних словах он узнал говорившего — это снова был тот правитель, который ранее, в храме, просил о помощи и освобождении.

«Слиться со мной? Как?! И вообще, я не хочу!» — внутри поднялась волна паники. Юноша боялся даже пытаться сознательно использовать нежданно-негаданно свалившуюся в руки силу.

— Или ты, или он, — снова шепнул голос-подсказчик, но на этот раз более жёстко и настойчиво. — Не позволяй этому ничтожеству, предавшему твоих предков, одержать верх!

— Моих предков? — поражённо шевельнул губами Чезаре.

— Действуй же! — и словно подтолкнула вперёд чья-то рука.

А юноша уже и сам ощутил прилив ярости по отношению к архивариусу. «Ты давно мёртв! Тебя нет, а ты продолжаешь мешать живым! Ты знаешь всё, что мне нужно, но молчишь. Да будь ты проклят, нечисть!!! Я сильнее тебя! И ты меня боишься!» Нельзя сказать, что Чезаре был абсолютно уверен в правильности своих мыслей, но старался думать, что прав. Иначе не победить.

И мальчишка, чувствуя бесшабашную храбрость, которая обычно всегда охватывала его в горячке боя или в других случаях, когда приходилось проходить по самой грани между жизнью и смертью, гордо вскинул подбородок и улыбнулся. Открытой и дерзкой улыбкой, какая всегда очень раздражала всех его противников. Особенно Марко, помнится, бесился в своё время. Рубин начал постепенно теплеть.

— Не смей сопротивляться Древней Крови! — повторил он как мог повелительно. Встретился взглядом с помолодевшим призраком. Артефакт полыхнул огнём, обжигая кожу, причиняя боль, но одновременно наполняя энергией. Словно живой огонь пробежал по всем сосудам, закипела кровь и налились силой мышцы, стали лучше видеть глаза... Красноватая пелена постепенно рассеивалась, мелкие её остатки продолжали клубиться только около призрака. Дымные чудовищные фигуры исчезали, противно подвывая.

Архивариус вздрогнул, сделал несколько судорожных жестов руками, будто пытаясь удержать тающих союзников, а потом чуть склонил голову. Слова выкатывались из его губ медленно и словно против воли:

— Простите... повелитель... Я... забылся...

— Я ж тебе говорил, Комольцев, что парень сам справится. Глядишь, он и нас через пару деньков вот так же строить начнёт. Повелитель... — Арман говорил тихо, чтобы Чезаре не услышал и не оскорбился от иронии, звучавшей в словах наёмника.

Но слух, который, как и все прочие чувства, обострённый действием артефакта, не подвёл мальчишку.

— Я не выбирал эту участь, — с горечью сказал он. — И мне было бы проще без всех этих наследственных способностей.

Чезаре ляпнул о наследственности скорее наугад, вспомнив слова призрачного древнего правителя о предках, но фраза возымела неожиданное действие на архивариуса. Он взглянул на мальчишку уже уважительней, ни следа бывшего презрения и иронии не осталось, и, улыбнувшись уголком рта, произнёс:

— Да, это не Алисанда слепа, а я. В тебе действительно течёт кровь Вилренга. Ты даже говоришь так же, как он. И так же не хочешь власти, но вынужден её принять.

— Так-так-так, — протянул Арман. — Уважаемый... э-э-э... призрак, не имею чести знать вашего имени, не соизволите ли начать сначала и подробно?

Архивариус перевёл взгляд на француза. Только сейчас Лерою и Владу бросилось в глаза, что нежить выглядит немного по-другому, чем прежде. Как будто моложе и более материально. Словно сходства с человеком добавилось. Призрак сделал шаг от стеллажа, на который опирался, выходя на середину прохода. С каждым движением его внешность неуловимо менялась — и вот в двух метрах от схватившихся за оружие мужчин стоит молодой человек с густыми каштановыми волосами, облачённый в красный элегантный камзол с отделкой из золотого шнура, извивы которого складывались в причудливый орнамент. Тонкие бледные пальцы поправили воротник.

— Благодарю, повелитель, за то, что отдали мне частичку вашей силы, — архивариус улыбнулся уголком рта. — Предупреждая ваш вопрос, скажу, что это Рубин позволил мне принять свой истинный вид... точнее, тот, который был истинным тогда, триста лет назад. Так вы... — он обвёл рукой троицу, — вы все... хотите отыскать причины нынешнего положения вещей? Понимаю, почему Алисанда сама не стала откровенничать. Что ж, мне, в отличие от Верховной, нечего скрывать. Но здесь нам будет неудобно разговаривать, пойдёмте ко мне. В мой... кабинет.

Молодой человек вопросительно приподнял бровь, будто испрашивая разрешения у Чезаре, но направился мимо, к очередному повороту между стеллажами, не дождавшись утвердительного кивка потомка верволковых королей.

Переглянувшись, искатели истины последовали за призраком. «Кабинет» располагался в углу зала, отгороженный резными деревянными стенками, достигающими по высоте плеча. Архивариус замер на пороге импровизированной комнаты, загораживая собой интерьер. Из его груди вырвался тяжёлый вздох:

— Давно я здесь не был...

— А где же ты был? — удивлённо спросил Влад, пытаясь угадать, чем занимался архивариус все прошедшие три сотни лет.

В ответ донёсся уже привычный сухой смешок, призрак покосился на живых через плечо хитрым издевающимся глазом:

— Вы же хотели по порядку. Не надо тогда задавать вопросы из середины. — И шагнул внутрь своей «резиденции».

Так называемый кабинет на самом деле представлял из себя укромный тесненький уголок, в котором едва умещались бюро, заваленное бумагами и книгами, и узенькая скамеечка, тоже погребённая под пыльной макулатурой. Вся обстановка никак не соответствовала внешнему облику архивариуса. Казалось весьма странным, что молодой (в

те годы) человек посвятил свою жизнь собиранию и классификации старых документов, заключил себя в этих невесёлых стенах, среди полутёмных закоулков между стеллажами. Слишком... жизнерадостным выглядел хранитель архива сейчас, как ни парадоксально это звучит.

Хозяин «кабинета» небрежно смахнул папки со скамьи, освобождая место для гостей. А сам облокотился на бюро, машинально, будто думая совсем о другом, перевернул несколько страниц большой книги, которая лежала сверху всего остального нагромождения бумаг. Он не спешил начинать разговор.

«Такое впечатление, что, несмотря на все его предыдущие слова, ему тоже не хочется раскрывать какие-то свои тайны, связанные с историей Ликана», — подумал Влад, пытаясь пристроиться на жёстком деревянном сиденье поудобнее, что оказалось практически невыполнимой задачей.

Чезаре после своего эксперимента с кристаллом впервые с утра выглядел почти здоровым и вменяемым, только лёгкий бешеный блеск в глазах никуда не делся. Радужки горели зеленоватым огнём, особенно заметным в полутьме помещения. Артефакт по-прежнему был у него в руках, но больше никак не проявлял свою магию. Всего лишь очень большой драгоценный камень. Юноша тоже присел на скамейку. Видно было, что он с трудом сдерживается, чтобы не начать снова спрашивать и требовать немедленного разъяснения всех загадок.

Арман опёрся на стенку, скрестив руки на груди, и приготовился терпеливо ждать, пока призрак начнёт колотиться. «Торопить бесполезно. Он только веселится от нашего бурно проявляемого любопытства. Всё равно никуда не денется теперь. Похоже, что магия Рубина его здорово прижала и не даст сопротивляться».

— Что ж, — призрак наконец-то соизволил заговорить, задумчиво поглаживая лист раскрытой книги, — думаю, что логично будет сначала представиться. Меня зовут Дэреш. Я занимал должность хранителя архива и летописца триста лет назад, во время правления Ланга, а затем его наследника Вилренга. Так как никто, кроме короля, не может уволить меня с этого места, то я и до сих пор — главный архивариус.

— А куда короля-то дели? — поинтересовался Арман, ковыряясь в зубах щепочкой, когда призрак сделал многозначительную паузу.

— Его величество Ланг пропал...

* * *

Хмурое утро не спешило радовать глаз лучами солнца, пряча диск за плотными ватными тучами. Злым ветром била по лицам поздняя осень. Король с утра был не в духе, и сейчас свита шла, отстав на пару шагов, дабы не попасться под горячую руку.

Сегодня должны были состояться очередные переговоры с иномирцами. В этот раз на их территории. Именно это больше всего беспокоило Ланга.

До сего момента он был за Порталом всего однажды, полгода назад, при первоначальном заключении союза и обсуждении условий. Тогда ему там даже понравилось: необычные, но уютные интерьеры, вежливые предупредительные Хранители Портала (там их называли как-то по-другому, но король не счёл необходимым запоминать) ... Однако личность человека, с которым он договаривался, не производила положительного

впечатления — так и казалось Лангу, что тот, кто сидел перед ним и представился как генерал Винарис, ведёт какую-то свою одному ему понятную игру.

После того раза монарх предпочёл, чтобы все встречи с союзниками шли на его земле. За истекшее время сложилась традиция регулярных ярмарок, миры вовсю обменивались товарами, произведениями искусства, был даже один случай заключения брака между верволком и женщиной из иного мира. Но хотя официальный дружественный договор заключили практически без задержек, вопрос о военном сотрудничестве и обмене научно-техническими достижениями повис в воздухе.

И сейчас его величество король верволоков Ланг отправлялся на обсуждение именно данного аспекта отношений сторон.

«Не верю я им, — в который раз подумал он, неторопливым шагом приближаясь к главному городскому архиву, во внутреннем дворе которого возвышалась арка серебристого металла с затейливой вязью, покрывающей опоры, даже на вид — холодная, словно создана не из обычного материала, а из серовато-серебристого льда. — Но выбирать не приходится. Грядёт новый всплеск войны с Римом, этого только глупец может не заметить. Выстоять своими силами, конечно, не составит труда, но как надоело это бесконечное противостояние... Надо заканчивать с этим раз и навсегда! То, что обещает генерал Винарис, должно помочь нам превратить Рим в руины, а его жителей — в не смеющих сказать слово без разрешения слуг! Ох, только бы удалось сделать так, как я задумываю...»

— Мой генерал, запрос на открытие Портала, — произнёс из динамика скучающий голос дежурного, привыкшего повторять по сто раз за день одно и то же.

— Отклонить, поставить на ожидание, — отрезал Винарис.

Повертев карандаш в пальцах, генерал усмехнулся, представив, как вытянулись лица «союзничков», когда они увидели, что им отказано в доступе. Выждав минут пятнадцать, Винарис нажал кнопку соединения с постом около Портала:

— Сообщите: проблемы с оборудованием, можем принять только одного человека, во избежание нарушения стабильности прохода.

Винарис играл ва-банк. Верволоковый монарх мог что-то заподозрить или просто напросто побояться воспользоваться ненадёжной связью. Но это был единственный способ заполучить его в свои руки без обширной свиты, советников и охраны.

— Ваше величество, это неосмотрительно. Вам нельзя идти туда одному.

— Ты, кажется, что-то мне запрещаешь? — поднял бровь Ланг, через плечо взглянув на своего верного помощника, правую руку и «серого кардинала», как его шутя называли остальные придворные. Не дожидаясь ответа, король шагнул к арке и поместил Волчий Рубин в нишу у основания одной из опор. Драгоценный камень тут же засиял тёмно-красным светом, показывая, что энергия для открытия двери в другой мир есть. Его величество кивнул Дэрешу.

Хранитель, стоявший под специальным навесом, склонил голову и с некоторым усилием передвинул рычаг на пирамидообразном возвышении. «Пульт», как называл его архивариус, был изготовлен из того же ледяного металла, что и сам Портал, а кроме главного переключателя на нём выстроился целый ряд менее внушительных. Под аркой замерцали розовато-красные витые ленты, повеяло предгрозовым, наполненным озоном воздухом. Рубин вспыхнул, на мгновение ослепив всех присутствующих, но результата всё не было — проход в иномирье оставался закрытым. Дэреш, пытаясь проморгаться от пляшущих на

радужке глаза «зайчиков», поиграл рычажками, как музыкант, настраивающий свой инструмент. Очертания комнаты, находящейся на том конце прохода, наконец проявились, но не чётко, как это бывало обычно, а плавали в мутном мареве, текли и дрожали, как странный морок.

— Они говорили о неисправности, — осторожно начал Хранитель, — но, ваше величество, это больше похоже на то, что они не дают полную мощность на Портал, словно специально оставляют лишь маленькую щёлочку, лазейку для одного человека. Мне это не нравится.

Молодой человек говорил уверенно, но тихо. Всё-таки спорить с его величеством, славившимся непростым характером, да ещё в момент, когда он явно не в духе, — поступок, требующий большой смелости.

Ланг лишь сердито-надменно хмыкнул, ничего не ответив.

«Как знаете, величество, — подумал Дэриш. — Конечно, мы же гораздо умнее, чем какой-то человек. Древняя Кровь не может ошибаться... Магия предков нам поможет...» Он старательно спрятал усмешку, склонив голову во внешне почтительном поклоне.

В тот момент Хранитель Портала и по совместительству главный архивариус Ликана не подозревал, насколько он был прав в своих предостережениях.

— Король не вернулся. Безбожники утверждали, что к ним он тоже не попал, исчез где-то в междумирье. Из-за неполадок и неустойчивости прохода. Абсолютно абсурдное заявление: ведь тогда считалось, что никакого пространства между нашей и их реальностью не существует. Но, как ни странно, — вздохнул Дэреш, — этому объяснению поверили.

Арман, по своей привычке (которая, к слову сказать крайне раздражала Влада) что-то вертевший в пальцах, на этот раз утащенное со стола призрака перо, остановил пляску предмета в пальцах и недоумённо сказал:

— Но очевидно же, что это была ложь! По крайней мере первый вариант развития событий, который приходит мне в голову, — правитель был убит либо взят в заложники. Неужели об этом никто не подумал?

Архивариус улыбнулся почти снисходительно.

— Конечно, подумали. Но в тот момент нам был нужен этот союз. Точнее, не нужна была война на два фронта. Рим здорово прижал верволок, а безбожники посулили оружие, продовольствие и даже немного своих войск.

— А ты предпочёл промолчать о своих подозрениях насчёт того, что Портал специально был открыт неправильно? — подал голос Чезаре. Интонация его была не совсем понятна: он то ли обвинял призрака в предательстве короля, то ли всего лишь выяснял подробности произошедшего.

Дэреш покачал головой:

— Меня в общем-то не особо и спрашивали. Кому интересно мнение обычного служащего, привратника, можно сказать... Я ведь и был по сути привратником, только открывал не двери особняка, а Портал в другой мир. В принципе разница невелика. — Эти слова отдавали отчётливой горечью и иронией. — Но вы правы, повелитель, я скрыл этот факт. Хотя, скажи я всё начистоту, это ничего бы не изменило. А междумирье, как выяснилось, всё-таки не миф. Оно действительно существует. Если его величество Ланг попал туда, как говорили безбожники, то остаётся ему только посочувствовать.

— Всё равно удивительно... — протянул Влад. — Словно заговор какой-то... Все думают, что правителя убили или захватили в плен, но упорно молчат об этом и продолжают мирно общаться с теми, кто нарушил гарантии безопасности переговоров. Уж слишком нереально.

Из губ архивариуса вырвался знакомый сухой шелестящий смешок:

— Нет, не все молчали.

* * *

— Если бы отец погиб при прохождении Портала, то Рубин бы погас, а потом перенастроился на меня полностью.

Вилренг расхаживал из угла в угол, нервно теребя обшлага рукавов. Верховный бегущий с волками наблюдал за принцем с сочувствием. Молодой наследник оказался перед необходимостью принять в свои руки власть слишком неожиданно, да ещё и эти скорбные обстоятельства. «А с другой стороны, преемственность монархической власти всегда

происходит в траурных обстановке. Пока не умер король, принцу не занять его место. Стоп. Пока не умер король...» Крауш перевёл взгляд на главный артефакт, принадлежащий правящей фамилии — Волчий Рубин кроваво поблёскивал, покоясь в объятиях подставки на гнутых ножках. И не думал не то что угасать, но даже бледнеть. А ведь всегда при смерти основного хозяина магический камень «впадал в уныние» на несколько дней и только после этого так называемого «траура» признавал над собой власть преемника.

«Мальчишка-то прав, — размышлял Верховный, всегда мысленно называвший наследного принца так пренебрежительно, не только из-за разницы в возрасте, но ещё и потому, что отлично видел несостоятельность преемника Ланга как политика и интригана (а ведь искусство интриги для монарха едва ли не самое главное, иначе свои же придворные перехитрят и будут использовать в своих целях). — Король скорее всего ещё не встретился с Древним Волком. Или смерть в другом пространстве Рубин не „услышал“, не „почувствовал“. Если верно второе, то артефакту потребуется не один месяц, чтобы длительное отсутствие хозяина было приравнено к его гибели. Но, как бы там ни было, а правителя в Ликане сейчас нет. — Крауш едва заметно усмехнулся в усы. — И официально не будет ещё год. Если не появятся неоспоримые доказательства смерти его величества, то я и не подумаю устраивать обряд передачи власти раньше, хоть Рубин трижды настроится на Вилренга. А неоспоримым доказательством будет только тело короля. Почему-то мне кажется, что мы его не увидим. — Жрецу становилось всё труднее прятать торжествующее выражение лица, но к его счастью принцу было в данный момент совсем не до того, чтобы взглядываться в собеседника. — Надо что-то отвечать, пауза затягивается».

— Ваше высочество, — подчёркнуто вежливо начал Крауш, обычно он обращался к принцу по имени, — у нас нет свидетельств смерти вашего отца, но тем не менее его отсутствие длится уже столько, что мы... — он сделал эффектную театральную паузу после этого слова, делая акцент на то, что он действует заодно с Вилренгом и что решение они принимают как бы вместе, — мы не можем допустить анархии в государстве. Конечно, короновать вас я не имею права, по закону нужно год, вы это знаете. Однако принять на себя тяжкую ношу управления государством вы должны... ну, в качестве исполняющего обязанности монарха, так сказать...

* * *

— Крауш... — в голосе архивариуса не звучало ни единой положительной эмоции, — он так жаждал заполучить как можно больше власти, что готов был считать короля пропавшим без вести сколь угодно долго. Вилренг — слишком прямолинейный для политика, и Верховный намеревался этим воспользоваться. В принципе это было бы не так уж плохо. Крауш, заботясь о себе, не забывал думать и о благополучии Ликана. Бывает, что «серый кардинал» очень полезен для монарха. Иногда я думаю, что если бы наследник был не столь резок в своих действиях и оставил бегущего на должности, то многого не случилось бы... многого непоправимого...

Призрак говорил всё тише, пока наконец не замолчал совсем, уставившись неподвижным взглядом в столешницу. И стал казаться ещё человечнее, ещё моложе, возможно, за счёт того, что на людей сейчас не взирали глаза, в которых плескалась пустота,

тьма и безумие трёх веков одиночества.

Около минуты никто не нарушал воцарившееся безмолвие. Троица ожидала, когда Дэреш продолжит своё повествование. Наконец Влад нарочито громко откашлялся, привлекая внимание Хранителя к тому, что он не один в кабинете. Тот резко вскинул взгляд, внимательно и как-то вроде бы удивлённо посмотрел на посетителей. Словно увидел их впервые и поражён тем, что кто-то нарушил его уединение.

— О, простите меня, — слегка улыбнулся через пару секунд архивариус. — Воспоминания... они возвращают меня в прошлое... почти буквально... Вы не напомните, на чём я остановился?

— Крауша сместили с должности, — ответил Лерой. Наёмнику уже надоело вертеть перо в руках и он теперь общипывал с него пушинки, роняя их на пол и наблюдая за плавным полётом.

— Ну да, — Дэреш криво усмехнулся, — сместили... точнее, обвинили в антиправительственном заговоре и повесили. Именно тогда пробил счастливый час для Алисанды. Она, до той поры рядовая жрица, смогла разглядеть в Верховном подлого интригана, замышляющего козни против законного правителя.

Чезаре, смотревший на призрака глазами ребёнка, которому рассказывают страшную сказку, прервал неожиданно попавшей в точку репликой:

— Но ведь это была ложь? На самом деле Крауш не задумывал ничего против Вилренга?

— Ты-то откуда знаешь? — поднял бровь Влад.

— Дык он же у нас маг и оборотень, — фыркнул Арман. — Почему б ещё и прорицателем не заделаться?

Мальчишка обернулся к наёмнику, сжимая кулаки и начиная приподниматься со скамейки:

— Да пошёл ты!!!

Влад одёрнул Чезаре за рукав, внутренне в который раз проклиная необходимость выступать в роли миротворца.

— Хватит уже! — рявкнул он своим фирменным сержантским тоном, в ответ на который наёмник только ухмыльнулся, а лучник вообще не прореагировал, продолжая упорно стремиться в драку.

Как ни удивительно, но разгоревшуюся на пустом месте ссору умудрился остановить архивариус. Его нечеловеческий смех, шуршащий прошлогодними сухими листьями, заполнил комнату, заставив людей неуютно поёжиться и отвлечься от собственных разборок. Все трое оглянулись на Дэреша. Он посмеивался, кривя тонкие губы, а неживые хитрюще-насмешливые глаза наблюдали за троицей с крайне ироничным выражением.

— Люди... — он остановился, выделяя интонацией это слово, — как вы собираетесь отыскать истину и достичь своей цели, если не можете договориться между собой? Смеш-ш-шно...

В первую секунду никто не нашёлся, что возразить, потому как призрак действительно указал на самое слабое место отряда. Но Чезаре тут же уцепился за другое слово, если уж не мог оспорить основной смысл фразы:

— Ты так говоришь о людях, словно сам никогда не был человеком!

Смех нежити резко оборвался, Дэреш отвернулся в сторону, начал перебирать пальцами странички книги, лежащей на бюро, не глядя в неё.

— Я был единственным *человеком* в Ликане. — Сделал ударение на слове «человек». —

— Не могу поверить... — молодой монарх действительно пребывал в шоке. Не каждый день узнаёшь, что тот, кому ты безоговорочно доверял, тот, с кем ты всегда советовался, тот, чьё мнение было для тебя самым важным, что он... — Нет! — Вилренг помотал головой, стремясь сбросить наваждение и осознать, что всё случившееся — всего лишь один из предутренних дурных снов, которые изредка посещали принца.

Он ещё раз внимательно перечитал бумаги, раскинувшиеся веером на столе. Свидетельства против Верховного жреца были неоспоримыми, а обвинения — очень тяжёлыми. Тут и взяточничество, и использование служебного положения в личных целях, и незаконные жертвоприношения, и нарушение запрета на пропаганду культа среди людей, который был одним из условий заключённого совсем недавно союза с Римом, и даже намёки на заговор против жизни самого Вилренга.

— Не должно этого быть... Как он мог? — его высочество отошёл к окну, присел на подоконник и в задумчивости отпил глоток из бокала с вином. Краем уха он услышал, что по коридору кто-то идёт, а через мгновение определил по звуку шагов брата.

Карренг вошёл без стука. И с возмущённым лицом, как обычно. Это было уже традицией: младший всегда приходил к старшему, чтобы выразить своё несогласие, недовольство и высказать оппозиционные мысли. Так уж повелось с самого детства: братья были лучшими друзьями, готовы были друг за друга идти и в огонь, и в воду, но вот мнения по поводу политики, религии и всяческих государственных дел всегда были едва ли не противоположными. Они могли с пеной у рта спорить в течение не одного часа, а потом рассмеяться и, так и не сойдясь мыслями, примириться. Пока они были детьми, такие диспуты шли только на пользу: оба учились всегда иметь собственную точку зрения по любой проблеме и отстаивать её, подбирая убедительные аргументы. Однако с тех пор, как Вилренг принял на себя обязанности правителя Ликана, словесные баталии двух облечённых властью вервольков перестали быть полушуточными. Теперь за этими дискуссиями следовали решения, от которых зависело благополучие сотен жителей. Или одна конкретная жизнь, как на сей раз.

Младший принц, не дожидаясь приглашения, опустился в кресло, сумев совершить это простейшее действие с таким изяществом и величием, что даже при незнании его происхождения, невозможно было спутать с простолюдином. Бросил на хозяина кабинета пламенеющий гневом взгляд, но всё это проделал абсолютно молча, не произнеся и слова приветствия.

— Чем на сей раз недоволен мой любимый братишка? — ласково осведомился Вилренг, заранее готовясь отражать град нападок, который должен был исторгнуть младший.

Тот только сильнее нахмурился и произнёс в не свойственной ему манере, очень коротко и чётко, как отрезал, сразу живо напомнив наследнику отца:

— Обвинения против Крауша — липа и подтасовка фактов.

Правитель, не ожидавший такого заявления, несколько опешил:

— Знаешь ли, тут, — ткнул пальцем в сторону заваленного бумагами стола, — всё очень подробно изложено. Доказательства неоспоримы!

— Ты же лучше меня знаешь, что не бывает неоспоримого, — упрямо сдвинул брови Карренг. — Всегда есть шанс на ошибку.

Вилренг медленно выдохнул воздух сквозь зубы, чувствуя, что начинает закипать. Ему редко удавалось сохранить полное спокойствие во время таких споров, потому что брат обычно легко переигрывал его в логических построениях.

— И что же, веря в этот призрачный шанс, я обязан миловать всех государственных преступников? — внешне старший принц пока ничем не проявил зарождающийся гнев.

— Ты сам веришь, в то, что Крауш совершил все те гнусности, перечисленные в доносе?

— Не донос, а... — Вилренг не сразу нашёл кажущееся ему верным слово, — сообщение. Главнокомандующий не стал дальше развивать тему, только ехидно улыбнулся. Дескать, знаем мы такие «сообщения»... Правитель, помолчав, всё же ответил на заданный вопрос:

— Я хотел бы думать, что это неправда. Но... обвинения действительно великолепно доказаны. А я не могу руководствоваться в государственных делах интуицией. Будь я хоть тысячу раз уверен, что Верховный невиновен, но я обязан рассматривать факты, а не собственные предположения, основанные на личных симпатиях. — Интонации Вилренга с каждой фразой становились всё жёстче и холоднее. И к концу монолога он, казалось, убедил в правильности решения даже самого себя.

Но не настырного младшего брата.

— Слушай, Ренг, — собеседник назвал правителя привычным уменьшительным именем, которое могло быть применимо и к одному, и ко второму принцу. — Подобные словеса наплевости можно про кого угодно. Если покопаться, скажем, в моём столе, то, я практически уверен, найдутся и порочащие меня дневниковые записи, и двусмысленные всякие зарисовки-заметки... да и разговоры я порой веду вполне свободолобивые и во многом критикующие существующего правителя. Вот сейчас я этим занимаюсь, к примеру — сомневаюсь в решении своего короля и оспариваю его. Так в доносе есть что-то действительно весомое?

После этих слов Вилренг всё-таки вскипел. Шваркнув книгой, которую он до этого машинально перелистывал, об стол, он склонился к брату и звенящим от негодования голосом произнёс:

— Что ж ты из меня совсем идиота делаешь? Я по-твоему не могу отличить, где выдуманные байки, а где правда?! — Он аж задохнулся от возмущения.

Карренг относительно спокойно перенёс вспышку гнева брата, хотя голову в плечи слегка втянул.

— Конечно, можешь, брат. Но не всегда это делаешь. — Младший сказал это нарочито тихо, чтобы создать контраст с грозным тоном брата.

— Если ты перестанешь давить на эмоции и жалость, то я готов выслушать твои опровержения, — как и бывало чаще всего, выплеснув эмоции, Вилренг вернулся к обычным интонациям и даже как будто чуть виновато глянул, пожалев о своей несдержанности. — Только пусть это будут нормальные логичные аргументы, в которых тебе кстати нет равных, а не пространные рассуждения о том, что кто угодно может быть виновен или невиновен. — Он выжидательно посмотрел на собеседника.

Постукивая пальцами по подлокотнику кресла, Карренг пытался собраться с мыслями. В памяти проносилась в тысячный раз картина вчерашнего утреннего разговора с

Алисандой.

...-Дорогая, куда ты?

— Отчёт отнести.

— Ты же его обычно в начале недели предоставляешь...

— Карр, ну не забивай ты себе голову моими жреческими делами... — брюнетка присела на край ложа и нежно прикоснулась губами к щеке принца. — Это такие мелочи, право слово. Просто внеочередная бумажка. Ты же знаешь, какая у нас бюрократия, почище, чем у тебя в армии. — Она засмеялась хриловатым звучным смехом, который всегда сводил Карренга с ума.

На этом разговор был закончен.

...Сейчас молодой главнокомандующий старался поймать за хвост причину своего беспокойства и никак не мог этого сделать. Взгляд почему-то раз за разом цеплялся за конверт из желтовато-коричневой бумаги, в котором был доставлен донос на Крауша. Такой же, как тот, какой держала в руках Сэнди, уходя вчера утром из спальни. «Глупости! Стандартная упаковка всего-навсего!» Но к этой мелочи добавлялись и другие: неурочный «отчёт» и то, что любимая отказалась о нём говорить, искусно уводя разговор совсем в другую сторону. Да и ни для кого не секрет, что доброжелательных отношений между Верховным бегущим с волками Краушем и подающей надежды молодой, но сильной жрицей Алисандой никогда не было.

— Подожди до завтра, брат, прошу тебя. Один день ничего не решает.

— Хорошо, — кивнул Вилренг. — Утром я жду твоих опровержений, а если их не будет, то я подпишу приговор.

Дэреш опять зашелестел смехом, хотя в этой части его рассказа сложновато было найти повод для веселья.

— С этой жизни, на мой взгляд, и началось проклятие. Эта казнь была первой горстью земли, брошенной в могилу некогда величайшего города. Зимой 9841 года от Первого Воя Волка никто не обратил внимания на то, что терпение богов истощается, что конец близок. Тогда судьбу ещё было возможно повернуть вспять, исправить...

Он замолчал, уйдя в ставшую уже неудивительной для слушателей паузу.

— Значит, Крауш действительно не был заговорщиком? — осведомился Чезаре, повторяя свой последний вопрос.

— Нет, не был, — покачал головой архивариус. — Его подставили. Красиво. Изящно. Так, что подкопаться было практически невозможно. Младший принц мог бы добраться до истины... если б не побоялся этой самой истины...

* * *

Лицо правителя не выражало ничего. Пожалуй, только близкие могли разгадать, какие страсти кипят под этой маской.

«А ведь на его месте мог быть я...» — в который раз подумал Карренг, почти чувствуя себя счастливым от того, что избежал груза ответственности, навалившегося на наследника престола.

Зал собраний, в этот пасмурный день давший приют судебному заседанию, был полон горожанами всех возрастов и различного социального положения. Всем не хватило места, многие толпились в проходах и около дверей, молча толкаясь, стараясь занять более удобное место. В Ликане давненько не происходило ничего подобного. Хоть разного рода разбирательства и даже казни не были редкостью: среди свободолюбивых и импульсивных по своей природе верволков то и дело появлялись личности, стремящиеся сломать установившийся порядок правления. Однако впервые за всю историю города в заговоре на жизнь короля обвинялся не оборотень, а бегущий с волками, да ещё и не какой-то простолудин, а сам Верховный жрец.

* * *

— Неужели жрецы никогда не были в оппозиции? — удивлённо вскинул бровь Арман. — Мне кажется, что наоборот они должны были...

— Нет! — перебил Дэреш, как будто рассердившись. — Алисанда была уникальна в своём роде... — В голосе проскользнула не вполне понятная интонация: странная смесь нежности, злости и обречённости. — Позвольте мне продолжить.

— Объясни сначала, — это уже Чезаре.

— Думаете, что с высоты вашего положения, — призрак чуть слышно хмыкнул, — видно, в каком порядке нужно излагать ту страшную историю? Если вы настаиваете, то я

прервусь и буду отвечать. — Лёгкое пожатие плеч. — Однако уверены ли вы, повелитель, что знаете нужные вопросы?

— Ой, да хватит набивать себе цену... — зевнул Арман. — Уже, честно говоря, хочется спать и жрать. Рассказывай, как считаешь нужным. Я надеюсь, Чезаре, ты не будешь возражать? Ведь по любому быстрее получится.

* * *

Вилренг поднял руку ладонью вперёд, призывая к тишине, и разговоры в зале постепенно затихли до смутных шепотков, а затем и вовсе сошли на нет. Сотни лиц взирали сейчас на молодого верволка. Любопытство, страх, удивление, злорадство, сочувствие... Создавалось впечатление, что не отыскать взглядом двоих из толпы, у которых было бы одинаковое душевное состояние.

Младший остро чувствовал неуверенность брата и поражался, как её не замечают остальные. «Или замечают? Нет, вряд ли. — Мысли вернулись к любимой жрице. В очередной раз. — Сказала ли она всю правду или нет? И верное ли решение я принял?» После позавчерашнего разговора с Вилренгом он решил разузнать о тех бумагах, которые видел у Алисанды. Конечно, Карренг старался не думать о том, что его невеста способна на столь грязные методы борьбы с конкурентом, но и отбросить эту версию, не проверив, не мог.

— ...И что ты ищешь в моём столе, дорогой? — осведомилась Алисанда наигранно грозным тоном. И тут же расхохоталась, наблюдая за виновато-ошарашенным видом любовника.

Карренг присел на край столешницы и, ни секунды не раздумывая, решил сыграть ва-банк:

— Те документы, которые были у тебя утром.

— Посмотрите, какой сердитый... — девушка приблизилась и легко, едва касаясь, провела ладонью по груди верволка. Тот, как всегда, блаженно сощурил глаза от этого прикосновения, он не мог сдержать эту реакцию даже когда злился или был обижен. Алисанда прекрасно это знала. И пользовалась время от времени. — А зачем тебе эти бумажки?

Жрица приблизила лицо, почти коснувшись губами губ Карренга.

Принц мотнул головой, отбрасывая волосы с лица, и приобнял девушку за талию. Кольцо его рук было как никогда жёстким, и объятия не приближали, а словно наоборот — удерживали на расстоянии, не давали любовнице разрушить последний барьер, за которым верволк не сможет устоять перед её чарами.

— Сэнди, — ласковое обращение прозвучало в этот раз довольно холодно, — ответь, что было в тех отчётах? Разве я многого прошу? — Прищур превратился из блаженного в хитро-жестокий. Да, его высочество был очень молод и во многом неопытен, но характером пошёл в отца — если что задумал, то сбить с пути его не представлялось возможным.

Чёрные радужки глаз Алисанды полыхнули колдовским пламенем, как будто в них на миг отразились огоньки свечей от стоящего на каминной полке канделябра. Ладонь жрицы резко потеплела, обжигая кожу Карренга.

— Ты меня подозреваешь? Думаешь, что это я донесла на Крауша? — Подбородок

вздёрнулся, губы скривились в гневно-презрительной гримасе. — Невелика цена любви, ваше высочество, которая не подкреплена доверием!

Следующим её порывом было выскользнуть из объятий и, видимо, гордо удалиться, бросив недостойного в одиночестве. Но не тут-то было. Карренг и не подумал отпускать девушку. Он с демонстративным удивлением скосил глаза на маленькую ручку Алисанды, такую изящную, но готовую вот-вот стать смертельно опасной. Из всех бегущих с волками именно эта роковая красавица-брюнетка являлась одной из сильнейших магичек, и лучше всего ей удавалось призывать огонь, управлять самой разрушительной стихией. Если бы она решила напасть, то даже скорость и ловкость верволка истинной Древней Крови могли не уберечь принца от тяжких увечий, а то и смерти.

— Сейчас мы говорим не о наших чувствах. Не надо пытаться превратить серьёзный разговор в семейную сцену. Что в документах? — последний вопрос завершился рычащей ноткой, сразу напоминающей, что Карренг — не-человек.

— Хочешь правды? — Алисанда внезапно легко сдалась. — Будет тебе правда... — Девушка присела на колени к любовнику, прижавшись почти вплотную, но голос её был холоднее родниковой воды. — Да, это действительно я собрала факты обвинения и сообщила о готовящемся заговоре королю.

Карренг сощурил тёмные глаза, в которых сейчас замелькали зеленоватые искорки, свидетельствовавшие о том, что верволк может начать менять ипостась в любое мгновение. И сказал очень спокойно, как и подобает во время допроса:

— Заговор против жизни правителя — ложь. Крауш не задумывал покушения на моего брата. Ты не собрала факты, а искусно их подтасовала и сочинила донос, чтобы самой очутиться на посту Верховной. — Конечно, младший принц не мог поручиться головой, что так и было, но сейчас стоило надавить, рассчитывая получить полностью откровенный ответ.

Алисанда рассмеялась, откинув голову. Карренгу подумалось, что сейчас жрица опять решит использовать свои женские чары, чтобы отвлечь его от темы разговора или разжалобить. Но его высочество был не совсем прав.

Тихий шёпот, таким в постели говорить признания и фривольные комплименты:

— Мой любимый, ты просто провидец. Да, я на самом деле расставила акценты в письме к Вилренгу так, как нужно мне. И я естественно хочу занять пост Крауша, он слишком стар для своей должности, пора освободить место более молодым, сильным и достойным. — Губы Алисанды находились сейчас меньше, чем в паре сантиметров от лица принца. — Но прежде, чем ты решишь, что со мной делать, подумай над двумя вещами. Первое: из всех обвинений против Крауша только организация покушения на короля — неправда, остальное я могу подтвердить под присягой. И второе. Ты на самом деле выдашь меня своему брату, чтобы оправдать Верховного? Отправишь меня на виселицу или в пожизненное изгнание, что равносильно казни — люди в считанные дни вычислят меня и растерзают на части? Предашь и забудешь свои чувства... свою любовь? — голос чуть дрогнул, глаза жрицы, казалось, вот-вот наполнятся слезами, они уже повлажнили в уголках век.

В этот миг девушка выглядела самой беззащитностью. Не осталось и следа от страстного протеста, которым пылал её взор пару минут назад. Карренг на секунду зажмурился, еле сдержав желание помотать головой. Эта переменчивость, как танец языков пламени, была самым привлекательным в Алисанде. Никогда не знать, какой она

будет через считанные минуты, но верить и понимать, что в каком бы образе она ни предстала, это будет искренне и нужно именно сейчас. У принца и теперь не закралось мысли о том, что любовница намеренно вводит его в заблуждение: ведь она сама признала правдивость его подозрений.

— Милая, зачем ты так поступила?

— Ну уж конечно не из одной только корысти и властолюбия, как тебе хочется думать, мой дорогой. — Очередная перемена — и в интонациях звучит нескрываемый сарказм и вызов. — Я не хочу, чтобы договор с Римом рухнул из-за одного глупца, который совершает человеческие жертвоприношения, стремясь поддержать угасающую магическую силу!

— Неужели Крауш действительно... — Циником нельзя родиться, им можно стать в результате длительного участия в интригах, которые, не переставая, плетутся в кругах, близких к лидерам любого государства. Карренг был политиком по своей внутренней сущности, но вот достаточного опыта набрать пока не успел. И спокойно думать, что чьи-то жизни были оборваны в угоду жрецу, стремящемуся удержать своё положение, просто не мог.

Алисанда утвердительно кивнула...

С первым словом старшего принца все в зале безмолвно замерли, впившись внимательными глазами в оратора. Под сводами отдавался эхом только голос Вилренга, отражался от вычурной лепнины, мелькал между колоннами, долетал до каждого уха, хотя правитель говорил негромко. Он, даже не взглянув в лежащую перед ним бумагу, по памяти процитировал длинный список обвинений против Верховного. Аудитория сдавленно охнула.

И начался утомительный процесс опроса свидетелей, выступлений экспертов. Затем слово было предоставлено самому обвиняемому. Крауш неторопливо поднялся на трибуну: уже пожилой, но крепкий, жилистый, статный, с гордым разворотом плеч и почти что царственной посадкой головы. Он привык командовать, принимать единственно верные решения в любых ситуациях и привлекать к себе всеобщее внимание. Он не сдался, несмотря на безвыходность положения. Он по-прежнему верил в себя и готов был заставить верить в свою правоту других.

Крауш заговорил. Мягкий тембр, завораживающие интонации, многозначительные паузы. Пара минут — и публика внимала ему, как гастрوليрующему актёру, раскрыв рты. Верховный не оправдывался, это слово невозможно применить к его речи. Он всего лишь обстоятельно, по пунктам отвечал на все обвинения. Точными, недлинными фразами. По существу. Обволакивая слушателей тёплыми интонациями.

Во время очередной театральной паузы, прервавшей выступление подсудимого, тишину нарушила резкая реплика, произнесённая женщиной из ложи:

— Да он же на вас свою заплесневелую магию оттачивает!

По аудитории прокатился вздох осуждения: как можно было перебить, да ещё подобной грубостью?

Алисанда, взмахнув веером, окинула зал полупрезрительным взглядом жгучих чёрных глаз. Медленно поднялась с кресла, становясь как на дуэли — напротив первого оратора. Красное шёлковое платье с отливом в черноту зашуршало складками от её движения. Если Крауш приковывал к себе слух, то молодая жрица — зрение. И она, сознавая эту сторону своей силы, на мгновение замерла во всей красе, как изящная куколка, притягательная своим

чуточку опасным шармом.

— *Вы не чувствуете разве? Очнитесь, верволки! Где же ваш хвалёный нюх? Неужели вас столь легко обвести вокруг пальца?!*

— *Алисанда. — Одно негромко произнесённое слово легко прервало гневную тираду девушки. Принц Вилренг строго нахмурил брови. — Не забывайся.*

Жрица склонила голову, создавая полную иллюзию покорности монарху, и решила зайти с другого бока:

— *Ваше высочество, применение магии для привлечения на свою сторону слушающих недопустимо, тем более в зале суда. Прошу прощения за свою вспышку, но я обязана была указать на это грубое нарушение законности.*

Вновь зашелестев платьем, Алисанда заняла своё место в ложе и скрыла торжествующую улыбку за красно-чёрными кружевами веера.

* * *

— Это была единственная ошибка Крауша, — задумчиво произнёс архивариус, — единственная, но роковая. Верховный всегда славился виртуозностью в использовании ментальной магии: умел внушать слушателям многое, исподволь, незаметно. Главная характеристика — именно незаметность! Порой даже опытные маги не могли ничего засечь.

— Как же Алисанда смогла почувствовать? — удивился Влад.

— Спросите у неё, благо возможность есть, — хмыкнул Дэреш. — Мне неизвестно, как она догадалась. Может, предполагала и потому усиленно следила. А может, банально блефовала, надеясь попасть пальцем в небо. Как бы то ни было, но она оказалась абсолютно права. Сделав ставку на своё виртуозное владение данным заклинанием, Крауш проиграл. Теперь не имело значения, говорил ли он правду или нет. Все его слова отныне считались ложью. По сути бегущий сам подписал себе приговор. Если б не эта случайность, до казни могло и не дойти. С должности бы его всё равно сняли, конечно, но, возможно, нам удалось бы обмануть злой рок, и Ликан остался бы живым городом. — На такой несколько пафосной фразе призрак вновь замолчал.

— Судя по впечатлению, которое производит Алисанда, она нашла бы ещё не один способ добиться своего, — задумчиво проговорил Арман. — А лично я сделал по твоему рассказу вывод, что она хотела не просто сместить Верховного с должности, чтобы занять вакансию, а именно уничтожить его. Настроичила бы ещё один донос, придумала ещё обвинений, добыла кучку новых доказательств...

Архивариус пару раз кашлянул, прочищая горло, а потом подошёл к шкафчику из светлого дерева в углу «кабинета» и долго копался за его резными дверцами, что-то выискивая. В итоге на свет божий была извлечена шарообразная бутылка с длинным горлышком, тёмно-коричневое стекло покрывал изрядный слой пыли, этикетка отсутствовала.

— В горле пересохло, — пояснил Дэреш, воюя с не желающей выниматься пробкой.

— А разве нежить тоже может страдать от жажды? — несказанно удивился Чезаре. И тут же, спохватившись, добавил: — Я не хотел тебя оскорбить, просто на самом деле странно...

Улыбка на тонких губах архивариуса вышла одновременно насмешливой и горькой.

— Сам никогда бы не предположил, что такое возможно... — прошелестел его голос. — Но вот однако ж... И чем дальше, тем более... настоящим я себя чувствую. Возвращаются потихоньку все прежние привычки, чувства... — Казалось, призрак крайне изумлён этим фактом.

— Возможно, это действие артефакта? — предположил Влад.

Дэреш лишь пожал плечами:

— Кто знает... Все свойства Волчьего Рубина были известны только его законным владельцам — королевской семье, Древней Крови.

Пробка в конце концов сдала свои позиции с громким «чпок!», и Дэреш с наслаждением вдохнул аромат напитка. На лице архивариуса отобразилась такая радость, что всем троим его собеседникам тоже захотелось узнать, что же налито в этом сосуде, достойном быть описанным в пиратском романе. Из того же шкафчика появились четыре металлических кубка, украшенных гравировкой. Призрак сдвинул в сторону с бюро оставшиеся там книги и, расставив кубки, плеснул в каждый по паре глотков.

— Угощайтесь, — сделал приглашающий жест рукой. — Не волнуйтесь, это не яд. Конечно, мой пример, — он отхлебнул из своего кубка, — вас не успокоит — ведь я *нежить*. Но прошу вас поверить моему слову. Своего повелителя я всё равно не стал бы обманывать... — Дэреш стрельнул глазами в сторону Чезаре.

Лерой неторопливо отлепился от стены, шагнул к столу и взял бокал. С интересом заглянул в него и понюхал. Жидкость глубокого коричневого цвета отчётливо пахла спиртом и чем-то ещё неизвестным, но определённо приятным.

— Что это? — поинтересовался француз с почти профессиональным любопытством.

— Шерекель, — прошипел неизвестное слово архивариус. — Настойка на травах. Особый рецепт. Любимый напиток верволков. Да и не только: с тех пор, как был заключён союз с Римом, шерекель стал пользоваться спросом и среди людей, они закупали его буквально бочками.

Арман сделал маленький осторожный глоток. Пойло оказалось очень крепким, с пряным ароматом неизвестных специй. Вкус в первое мгновение настолько поражал своей необычностью, что казался неприятным, но буквально через несколько секунд рождалось совершенно иное впечатление: ощущение чего-то необычного, загадочного и притягательного именно этой своей таинственностью, желание распробовать букет до последней нотки, различить малейший оттенок вкуса. Наёмник с наслаждением покатал очередной глоточек на языке и улыбнулся:

— Ну, на отраву явно не похоже. А если это и на самом деле яд, то... не самый худший вариант смерти...

Раззадоренные такой рекламой, Чезаре и Влад тоже угостились. Дэреш с ехидной ухмылочкой наблюдал за тем, как люди обмениваются впечатлениями и лестными отзывами.

Едва ли не впервые в истории на возвышающейся посреди площади виселице должен был найти свою смерть столь высокопоставленный гражданин Ликана. Собравшиеся переговаривались, обсуждая данный небывалый случай. Зрителей было не так уж много. Изрядная часть жителей не пожелала глазеть на казнь, потому что Крауш был довольно популярен и любим простыми обывателями. В его вину некоторые отказывались верить, несмотря на приговор суда, другие же наоборот были так жестоко разочарованы в своём прежнем кумире, что не хотели лишний раз на него смотреть.

На площади не появилось и ни одного бегущего с волками. Жрецы демонстративно проигнорировали процедуру высшей меры наказания своего собрата. Это не могло быть названо актом неповиновения властям, так как присутствие на казни было делом сугубо добровольным, но тем не менее говорило о многом.

...-Брат, я не буду оспаривать приговор. Прослушав все показания, я пришёл к выводу, что Крауш несомненно виновен. — Карренг сидел на широком подоконнике, подобрав под себя ноги. — Однако есть одно «но»...

Наследник выглядел устало, почти изможденно — нервогрёпка последних нескольких дней не прошла бесследно. Впервые столкнувшись с неприятной, изначной стороной обязанностей монарха, Вилренг тяжело переживал необходимость объявлять начало казни. «Одно дело, когда враг перед тобой на поле боя. Там всё решают умение, сила, удача, ты сам. Либо ты, либо тебя. И нет сомнений, нет этих вынимающих душу колебаний: прав или ошибаюсь, злодей он или невинный...» Хладнокровно отправить на виселицу бывшего близкого соратника, даже в каком-то смысле наставника, оказалось слишком трудно. А тут ещё младший опять воду мутит...

— Ты ведь обратил внимание, что там, — Карренг мотнул головой в сторону окна, за которым виднелась площадь, — нет ни одного бегущего? Думаешь, случайность?

— Я прекрасно понимаю, что жрецы недовольны, — глухим голосом ответил старший, — но это не меняет дела. Из-за их протеста Крауш не становится невинным агнцем.

Молодой главнокомандующий покачал головой:

— Они не просто недовольны, Ренг. Подписав смертный приговор одному из них, ты раз и навсегда поссоришься со всеми бегущими с волками. Они ни за что не простят такого. Твоё решение — удар, нанесённый по их гордости. Жрецы и так время от времени принимают стенать, что верволки обращаются с ними как со слугами. Зачем тебе провоцировать новую волну оппозиционных настроений? Ведь твоё положение в данный момент в большой мере зависит от хороших отношений с бегущими. Не стоит забывать, что ты пока не король, брат, а вступление на престол должно быть освящено служителями Древнего Волка. Решать, конечно, тебе, но если ты хочешь знать моё мнение...

Вилренг тяжело вздохнул:

— Я же не могу помирить его. Ты же понимаешь, что не могу.

Ситуация начинала казаться монарху безвыходной: нельзя было ссориться с подданными, но и отмена казни не являлась достойной альтернативой, она показала бы слабость и неуверенность правителя, а бегущим только того и надо... «Почему наши расы

остаются соперниками, почти противниками, несмотря на то, что мы не первую сотню лет живём рядом, молимся одному богу и помогаем друг другу?» — Вилренг не уставал поражаться этому обстоятельству.

— Что ты посоветуешь, братишка?

Обращаться к младшему за советом не слишком-то хотелось, но наследник пересилил себя, вспомнив, кто из них лучше разбирается в политических играх.

Карренг улыбнулся, радуясь не своей победе, а тому, что может быть полезным любимому старшему брату. «Всё-таки он такой наивный», — мысль была почти умиленной, беспомощность Вила в дворцовых интригах всегда забавляла младшего.

— На мой взгляд оптимальным будет заменить смертную казнь... скажем, изгнанием... У такого варианта есть несколько преимуществ. Во-первых, милосердные монархи всегда популярней жестоких и принципиальных. Смягчив приговор перед самой виселицей, ты покажешь свою доброту, которая всегда по душе народу. Во-вторых, ты избавишься от заговорщика и смутьяна навсегда, точно так же, как если бы он умер. Уверен, что Крауш никогда не рискнёт пересекать границы дубравы после того, что произошло. В-третьих, у бегущих не будет основания устраивать волнения и мутить воду в городе. На полное помилование своего собрата они всё равно не могут рассчитывать. Ну, и в-последних, ты не отменишь своё решение, а всего лишь немного его... подкорректируешь, а следовательно не уронишь авторитет королевской власти.

На протяжении монолога брата Вилренг время от времени кивал, принимая к сведению очередной аргумент. Все слова младшенького звучали убедительно и правильно. Впрочем, как всегда. Снова где-то глубоко в сердце кольнула противная иголка чувства, похожего на зависть.

— Ты замечательный советник, брат, — похлопал он по плечу Карренга. — Иногда подумываю, не отречься ли от престола в твою пользу. — Монарх хмыкнул: не понять было, шутит он или на самом деле рассматривает такой вариант действий. — Вот как только получу официальные права на трон, то так и поступлю.

— Замечательные советники далеко не всегда становятся замечательными королями, — рассмеялся собеседник.

Вилренг улыбнулся в ответ:

— Ты будешь отличным правителем, Ренг. Лучше, чем я. Пойду сообщу народу об отмене казни.

Она вовсе не собиралась подслушивать. Она считала свою задумку выполненной и даже не допускала мысли о том, что смерть Крауша — не решённое дело. Она просто направлялась к любовнику, чтоб сопроводить его, стоять по правую руку главнокомандующего на «церемонии», как и подобает его леди. То, что они неженаты, абсолютно неважно, это вопрос времени, причём очень короткого времени. А к её постоянному присутствию рядом со вторым в государстве вервольком народ должен уже начинать привыкать.

Вывернув из-за угла коридора и делая последние шаги перед тем, как оказаться на пороге кабинета главнокомандующего, Алисанда с удивлением услышала слова «отмена казни», произнесённые мелодичным твёрдым голосом Вилренга. Девушка застыла на середине движения. Надо было что-то делать, и как можно быстрее. Иначе весь тщательно продуманный план полетит псу под хвост. Не зря жрица зналась ближе всего со стихией Огня, её мысли сейчас были подобны искрам, сыплющимся со смолистой ветки.

Единственный вариант поведения, который мог привести к успеху, родился в мозгу практически мгновенно.

Алисанда чуть тряхнула кистями рук, ощущая, как сила послушно откликается на её зов. Кончики пальцев потеплели, из-под ногтей показались маленькие язычки пламени — абсолютно ненужный спецэффект, но очень красиво и опасно смотрящийся, магичка любила делать так на публике, красуясь своими способностями, а сейчас выпустила просто по привычке. Направить огонь на то, чего не видишь, — задача не из самых простых, но для Алисанды раз плюнуть, тем более что расположение предметов в кабинете она знала досконально.

Противный запах палёного шёлка прервал беседу братьев. Тёмно-синяя занавеска-драпировка на окне внезапно вспыхнула, по бахrome побежали весёлые огоньки.

— Проклятье! — Карренг, находившийся ближе к очагу возгорания, вскочил, сдёрнул штору и принялся сбивать пламя. Однако справиться с огнём оказалось непросто, жадные язычки не желали уступать свою добычу, злобно кусали плоть. Вилренг кинулся было на помощь брату, но пламя в тот же момент заиграло и на ковре, лежавшем на полу, и на обивке кресла, и на полах камзола, небрежно брошенного монархом на край стола.

— Да что же это такое?! — в голосе старшего проскользнуло так несвойственное ему бессилие.

Древняя Кровь была магией сама по себе и одаряла своих носителей силами, неподвластными другим. Истинные оборотни, как их называли люди, потомки старой расы, от которой до сегодняшнего дня дожили единицы, умели управлять своей стаей, влиять на разум иницирированных, провоцировать видения, призывать силу леса и самого Древнего Волка — легендарного прародителя племени. Однако ни один королевич не мог тягаться с обычным магом в самых простых заклинаниях. Стихии тоже не подчинялись правящему роду. Укротить пожар, возникший на пустом месте наверняка с помощью враждебной ворожбы, было не во власти принцев.

Братья столь увлечённо боролись с пламенем, что не сразу услышали женский крик, доносящийся из коридора. В дверном проёме появилась Алисанда, со встревоженным лицом и спутавшимися волосами, как будто она бежала сюда, сломя голову.

— Осторожно!!! — её крик был скорее не предупреждающим, а повелительным, что и подтвердила следующая реплика: — Прочь!!!

Девушка кинулась прямо на Вилренга, с удивительной для её невысокого тела силой оттолкнула монарха к стене. А в тот же миг сверху обрушился объятый огнём занавес.

Потолок в кабинете правителя был декорирован пышными складками тёмно-фиолетового шёлка, скрадывающими высоту помещения и создававшими иллюзию камерности. К слову сказать, подобное «украшение» приносило больше мороки, чем эстетического удовольствия. Слуги проклинали занавес каждый раз, когда приходилось взбираться на верхотуру, чтобы стряхнуть с него пыль. И вот сейчас Карренг почувствовал, что всей душой ненавидит того, кто выдумал разместить под потолком эти полотнища. Шёлковый водопад упал, погребая под собой магичку, закрывая её языками пламени, охватившими метры ткани. Из этой ловушки невозможно было выбраться раньше, чем быть обожжённым до костей.

— Алисанда! Нет!!!

Младший метнулся к тому месту, где секунду назад стояла любимая. Он был готов голыми руками лезть в костёр, ставший погребальным для молодой жрицы. Что-то не дало

ему этого сделать и присоединить к унесённой пожаром жизни ещё одну. Далеко не сразу Карренг понял, что удержали его руки старшего брата, сцепившиеся в плечи.

— Ты ей не поможешь, Ренг! — орал правитель прямо в ухо главнокомандующему. — Поздно!

Звук его возгласа ещё не стих, когда горящая грудa ткани шевельнулась, как будто под ней кто-то ворочался.

— Она ещё жива! Она же маг Огня! — Карренг с новой силой рванулся вперёд, и на этот раз Вил не стал ему мешать, а кинулся следом, чтобы помочь. Не обращая внимания на пламя, оба начали стаскивать занавес в сторону. Огромное полотнище путалось и никак не поддавалось. На глазах младшего выступили слёзы отчаяния.

Душный жаркий полумрак окружал Алисанду со всех сторон. Дышать было практически нечем, плотный шёлк не пропускал воздух. Огонь бушевал на расстоянии нескольких сантиметров от кожи. Стихия не трогала магичку, которая вовремя озаботилась защитным заклинанием, но высокой температуры никто не отменял. Пот струился по лицу противными мелкими струйками.

В первый миг после падения занавеса Алисанду охватила паника. Такая ситуация не предусматривалась в её плане. Но как можно ожидать точности от импровизации, задуманной и претворённой в жизнь буквально за считанные секунды? Полуоглушённая, потерявшая ориентировку в пространстве, она уткнулась лицом в пушистый ворс ковра и не двигалась, сосредоточившись на переброске дополнительной энергии в щиты. Пламя послушно отступило, не успев нанести травм. Однако это не было спасением. «Я тут просто зажарюсь!» — колотилась в мозгу ужасная мысль.

Девушка начала искать выход, перебирая ладонями по складкам занавеса. В пальцах буквально через несколько мгновений как будто забегали противные червячки, щиты могли держать пламя на расстоянии, но когда Алисанда буквально погружала руки в огонь, то защита становилась не такой уж непробиваемой. Но думать о боли мелких ожогов было не ко времени.

— Да сколько ж здесь ткани?! — попыталась воскликнуть вслух жрица, но это было ошибкой — в горло ударил жгучий, почти лишённый кислорода воздух, и девушка подавилась своими словами.

Она, зажмурившись, чтобы уберечь от пламени хотя бы глаза, продолжала тянуть груду горящего шёлка в одну сторону, пытаясь добраться до края занавеса.

Карренг рванул ещё раз и подхватил любимую за запястье, вытаскивая на свет божий. Ему в ответ прозвучал жалобный вскрик — белоснежная кожа на руках магички вся была в волдырях. Пострадали и её чудные чёрные волосы, опалилась чёлка и пряди, обрамлявшие лицо.

— Ренг, что ж это такое? — запричитала Алисанда. — Меня же никогда огонь не жёг! Я же маг Огня! Как такое может быть?! Мне больно! Как же больно! Почему?! — Риторические вопросы прерывались рыданиями.

Правитель, увидев, что жизнь жрицы вне опасности, уже распорядился прибежавшими на шум переполошенными слугами и охранниками. Пожар потихоньку угасал под напором вёдер воды. Кого-то послали за лечебными мазями, чтобы обработать ожоги. Карренг усадил невесту в кресло, по случайности не задетое огнём, и успокаивал её, как мог.

Народ на площади нервничал, роптал и возмущался. Все ждали либо начала зрелища,

либо выступления монарха с речью — многие предполагали, что казнь всё-таки не состоится. И тут прямо из окна кабинета правителя донеслись крики и начали вырываться языки пламени. Со стороны мало что было понятно. Пожар... А отчего? Почему? Горожане заволновались ещё сильнее, кто-то даже начал пробиваться к входу во дворец — то ли чтобы помочь справиться с огнём, то ли чтобы поучаствовать в возможном при таких бедствиях мародёрстве. Однако стража оказалась не склонна допускать кого ни попадя в монаршую резиденцию, и новоявленных помощников, конечно, остановили. Тем не менее толпа колыхалась из стороны в сторону почти угрожающе, с разных сторон неслись крики, в которых слышалась то паника, то злость, пару раз кто-то особо смелый проорал какие-то оскорбления в адрес королевской семьи.

Приговорённый, и так, ясное дело, не пребывавший в радужном настроении, вовсе извёлся. Он уже минут двадцать стоял на эшафоте под петлёй в ожидании появления правителя. А теперь в сердце ползло чувство ложной надежды: а вдруг Вилренг погибнет или серьёзно пострадает, тогда казнь как минимум отложат до того, как полномочия примет его преемник, а то и помилуют. Крауш гнал непрошеные мысли прочь, но глазами продолжал жадно следить за заревом, отчётливо видном в окне кабинета.

На самом деле не так уж больно... Довольно легко можно терпеть... Но принцам вовсе необязательно об этом знать.

Продолжая причитания, Алисанда даже пустила слезу. И продолжала делать акцент в своих речах на то, что обычно её пламя не обжигает. «Ну, догадайся же спросить, дорогой мой!» — внешне жалобный взгляд устремлён на Карренга. Магичка старательно маскировала все другие чувства, кроме боли и непонимания.

И она добилась успеха.

— Как же такое могло произойти? — младший принц наконец-то задал правильный вопрос.

Лёгкое пожатие плеч, нахмуренные бровки, надутые губки — сама невинность. Актёрский талант — самое главное достоинство женщины, как всегда считала Алисанда.

— Сама не пойму... — Небольшая пауза, по которой сразу становилось ясно, что догадка есть, но озвучивать её не хочется.

— Любимая, подумай лучше. Ведь магия — твоя стихия. Должна же быть причина...

— Я не могу утверждать с гарантией... — неуверенно начала жрица.

Тут вмешался Вилренг:

— Говори, Алисанда, это дело государственной важности. Покушение на обоих наследников сразу. Если есть хоть какая-то версия, это уже хорошо!

Жрица спрятала лицо в ладонях и всхлинула. «Как бы не переиграть...» На самом деле ей стало очень смешно, поэтому безопасней было спрятать глаза, в которых пристальный взгляд правителя мог различить торжество и насмешку.

— Ну же? — не выдержал старший принц.

— Если заклинание было сотворено магом сильнее меня, то вполне вероятно, что защита могла не выдержать, — тихо проговорила девушка. — Тем более... всё так неожиданно... я не успела наложить усиленные щиты... — Снова громкий надрывный всхлип.

Карренг разрывался между желанием сейчас же увести любимую прочь и успокаивать её, радуясь, что смерть прошла мимо и чудо свершилось — она осталась жива и почти невредима, — и осознанием необходимости выяснить все подробности немедленно. Уж

слишком совпало по времени магическое возгорание с казнью обвинявшегося в заговоре бегущего. Теперь даже у младшего принца не осталось сомнений: Крауш действительно преступник, а возможно — предводитель целой организации, замышляющей мятеж против Древней Крови.

В конце концов Карренг пришёл к промежуточному решению: отобрав у служанки бинты и заживляющую мазь, он принялся аккуратно обрабатывать ожоги на руках и лице Алисанды, не вмешиваясь пока в её разговор с Вилренгом.

— Сильнее? Подожди, разве не ты — самый могущественный маг в городе, если говорить об управлении огнём? — Наследник недобро прищурился, думая, что поймал жрицу на нестыковке.

— Если брать только мою родную стихию, то да — сильнее меня, наверное, никого нету. Хотя и это сложно утверждать, так как ни с одним из местных магов я не мерялась умением в прямом поединке. Но... — на этот раз девушка удержалась от театральной паузы, просто жених неосторожно задел её обожжённую ладонь, и Алисанда прервалась, резко выдохнув воздух сквозь зубы. — Но есть как минимум один бегущий, чьи заклинания априори не смогу остановить — это Верховный, так как его поддерживает вся сила остальных всё то время, что жрец официально находится в должности.

В кабинете повисла пауза. Слуги, конечно, продолжали скользить тенями, пытаюсь навести хоть какое-то подобие порядка, но троица главных действующих лиц безмолвствовала.

— Э-э-э-э... — невразумительно изрёк Вилренг, вмиг перестав быть похожим на правителя, став обычным немного растерянным юношей. — Крауш? Но он же... уже практически покойник! Ты ошибаешься. Это не мог быть он.

Младший брат сориентировался быстрее — недаром именно ему прочили карьеру дипломата и политика.

— Однако его официально не сняли с поста! Ведь так?!

Правитель зашагал из угла в угол, потом резко остановился и рывкнул на девушку-горничную, которая, тихонько причитая, то хваталась за полусгоревшие занавеси, то принималась вытирать с паркета лужи воды, не в состоянии решить, с чего начать, чтоб привести комнату в приличный вид.

— Потом! Вон отсюда! — и как только та скрылась за дверями, вновь обратился к Карренгу — Крауш осуждён на смерть за преступления против короны! Он уже не Верховный жрец!

— Брат, — младший глянул с удивлением, — неужели ты действительно не провёл заседание бегущих и не подписал указ об отстранении старика от должности?

— Это же и так ясно, как день! Государственный преступник не может занимать...

— Вилренг! Послушай себя! Что ты бормочешь?! — казалось, главнокомандующему впервые изменило хладнокровие, и он подтвердил, что тоже является родным сыном его величества Ланга, скорого на проявление бурных чувств. — Разве это речи государя?! Не смей перебивать меня! — Кулак грохнул по столу. — Ты соображаешь, что делаешь? Мало того, что ты казнишь наделённого нешуточной властью мага, так ещё и одного из государственной элиты! Кем бы он ни был и что бы не совершил, но пока Крауш в должности, то он — Верховный бегущий с волками, главное звено связи нашего народа с Древним Волком, сильнейший колдун Ликана и представитель знати, которой ты своим поступком просто-напросто плюнул в лицо. Так что в итоге твоего «ясно, как день» мы имеем: настроенных против королевского рода жрецов, имеющих возможность и желание переманить на свою сторону изрядное число обычных горожан, мученика от религии, коего будут помнить не одно десятилетие вовсе не за его преступления, а за его протест против тирана и деспота, чудом не удавшееся покушение на представителей Древней Крови,

невинную пострадавшую, а в перспективе — стихийный выброс магической силы, который несомненно случится в момент смерти Крауша, вакантную должность, освобождённую столь неприятным способом, что это вполне может иметь далеко идущие последствия. И всё это — только потому, что тебе было лень поговорить с Советом и подписать одну бумагу!

Правитель стоял, отвернувшись к окну, и не возражал. Похоже, он начинал понимать, что натворил.

— Ренг, почему ты не сказал мне этого раньше? — тихо спросил он.

— О, Великий Волк, дай мне силы! — сказано было шёпотом, но прозвучало, как крик. — Я же не могу постоянно водить тебя за ручку! Кто из нас король — я или ты?!

Алисанда восхищённо наблюдала за ссорой братьев. «Ну надо же... Не предполагала, что они могут устраивать подобные разборки. Феерическое зрелище... Один прекраснее другого... — Первый раз в жизни у заговорщицы промелькнула мысль, что из двух принцев она выбрала не того, но тут же исчезла. — Нет, Карренг всё же определённо сильнее и умнее. Как же жалко, что он не наследник. Всё было бы настолько проще... И безопасней. Для него».

Последнее высказывание младшего внезапно вывело из себя Вилренга. «Мальчишка зарывается. Да ещё и в присутствии своей шлюшки!»

— Что вы себе позволяете, господин главнокомандующий?! — гневный возглас закончился почти рыком, лицо и руки правителя слегка тронула трансформация, встопорчилась проклюнувшаяся сквозь кожу шерсть, чуть заострились уши, выглянули из-под губ клыки, сверкнули ярко-жёлтые искорки в глазах. — Не забываетесь! И помните, что никакие кровные узы не спасут вас, если крамольные высказывания продолжатся!

— Вот значит как... — горько усмехнулся Карренг. — Что ж, я молчу, ваше величество. — Он показательно склонил голову. — Я ведь даже не ваш советник. Если позволите, то я покину вас и отправлюсь следить за своими войсками, которыми оцеплен эшафот, чтоб казнимого вдруг не кинулись освободить. А уж как поступать вашему величеству... это ваше дело, не смею вмешиваться в государственные дела.

Главнокомандующий вскинул подбородок, насмешиливо скривив губы, внутренне надеясь, что старший извинится и признает, что был слишком поспешен в решении и скор на расправу. Однако тот промолчал, только кивнул, словно отпуская брата заняться своими прямыми обязанностями. Карренг еле слышно вздохнул и сказал:

— Пойдём, Сэнди. Думаю, что орден за спасение короля тебе дадут попозже...

Бурлящая, как варево в котле, толпа разом затихла, когда на балконе появилась фигура правителя. Горожане с безмолвным вопросом во взорах вглядывались в своего предводителя. И зоркие глаза верволков сразу же обратили внимание на то, что Вилренг застыл в середине смены ипостасей — изменилась осанка, став более сгорбленной, как будто правитель с трудом сдерживается, чтоб не опуститься на четвереньки; черты лица являли собой нечто не-человеческое, но и не-волчье, а голос, когда он наконец заговорил, звучал с порывающими интонациями.

— Почти никому из обычных верволков недоступна частичная трансформация. Только те, в чьих венах течёт Древняя Кровь, настолько сильны волей, что могут остановить превращение в зверя, не закончив.

Дэреш снова умолк, вроде как чтобы сделать очередной глоток из бокала, смачивая пересохшее горло. Теперь уже не отличимый на вид от обычного человека, он и вёл себя

совершенно обыденно — никаких тебе шуршаний старинных страниц и потусторонних смешков. А после столь продолжительной речи немудрено испытывать жажду.

— Значит, и наш Соколиный Глаз так может? — тут же сориентировался в новой информации Арман. — Ну-ка, Чезаре, давай попробуй. Когти там выпустить или шерстью обрасти.

Почему-то наёмнику показалась забавной такая картинка, да и с чисто практической стороны неплохо знать возможности одного из членов своего отряда. Если и ранее мальчишка был ценным бойцом, то теперь, получив силу оборотня, должен был стать прямо-таки секретным оружием.

— Да прекратите... — начал Влад раздраженным тоном, потому что его достало непрерывно разнимать своих спутников, но осёкся.

Рубин продолжал мерцать в ладонях Чезаре, но теперь его оттенок ещё больше, чем обычно, походил на цвет свежесвыпущенной артериальной крови. Однако привлекло внимание не это — в конце концов, Комольцев не был художником и красный цвет оставался для него красным, вне зависимости от тонкостей оттенков. А вот то, что происходило с пальцами мальчишки, стоило внимания — словно в ответ на подначку Лероя они начали менять форму, ногти стремительно удлинялись и загибались звериными когтями, сквозь кожу проросла серо-стальная шерсть.

И Влад понимал, что сейчас совсем-совсем не хочет поднимать взгляд на лицо Чезаре.

— Луна полная, — Дэреш, похоже, опять откровенно веселился.

— Сейчас же день! — Арман подскочил с места, отступая от начавшего трансформацию Чезаре. Правда, крохотный кабинет архивариуса не особо-то давал места развернуться.

— А Луна, молодой человек, восходит, бывает, и днем, если вы вдруг не знали.

Изменение тела лучника происходило как-то невыносимо медленно — совсем не так, как это видел Влад у других волков. Те «перевёртывались», как носки меняли — р-раз — и уже зверь на месте человека стоит, или наоборот. Чезаре же перекидывался как в замедленной съемке, трудно, и окружающие могли наблюдать малейшие нюансы — то, как хлопают кости, со звуком перелома, меняя конфигурацию, как наливаются кровавым светом белки глаз (а радужки остаются такими же, зелёными, как и всегда), как, словно тесто, которое мнут ловкие руки повара, комкается человеческая фигура.

— О Боже... — Комольцев не был верующим. Слабонервным тоже себя не считал. Однако более страшного зрелища, пожалуй, не встречал никогда.

И самым ужасным было полное молчание, в котором это происходило. Мальчишка не издавал ни звука, ни человеческого, ни волчьего. Будто и не живой человек, а картинка, которую изменяют с помощью специальной компьютерной программы. Так и застыли все участники сцены — вокруг молодого верволка, носителя Древней Крови. Лерой, по привычке схватившийся за оружие и отступивший в сторону выхода из кабинета. Комольцев, с отвисшей челюстью, не знающий, то ли тоже подальше убраться, то ли как-то попытаться помочь (правда, насчет последнего идеи не появилось ни одной, даже самой завалящей). И Дэреш, который единственный являл собой образец внешнего спокойствия. Архивариус быстрым четким глотком допил шерекель, аккуратно водрузил кубок на стол — и шагнул к Чезаре ровно в то мгновение, когда руки юноши изменили форму настолько, чтобы потерять возможность удерживать артефакт в ладонях.

— Ты какого черта творишь?! — только и успел вякнуть Арман, но пламенеющий Рубин уже скатился прямо в подставленные лодочкой ладони Дэреша. Сияние артефакта, правда,

сразу поблекло, когда камень «поменял владельца», но архивариуса это ничуть не смутило.

— Возвращаюсь домой, — кратко и непонятно ответствовала нежить. По помещению архива снова гулял шелест хрупкой бумаги, слышались ещё какие-то смутные звуки, будто бы кучки посетителей переговаривались тихонько, чтобы не нарушать излишним шумом покой городского архива.

Спокойно, совершенно не торопясь и не переживая, что кто-то посмеет остановить, Дэреш вышел из кабинета с Волчьим Рубином в руках. И как будто исчез — а может, просто сразу свернул за ближайший стеллаж... Архив по-прежнему производил впечатление не настоящего здания, а таинственного лабиринта со многими измерениями, как в сложной компьютерной игре.

— Да держи же его!!!

Влад, очнувшийся от оцепенения, рванул следом за архивариусом, но того действительно и след простыл. Ни за ближайшим стеллажом, ни за вторым, третьим и десятым молодого человека в красном камзоле не обнаружилось.

Мир перед глазами менялся, неотвратно и, как и в прошлый раз, — нежеланно. Трансформация опять не была запущена волей Чезаре. Да как вообще можно такого захотеть? Быть зверем, нечистью, противной Богу и человечеству?!

Ощущения, впрочем, отличались довольно сильно. Если при первом опыте смены шкуры процессом полностью управлял враждебный маг, ломая тело и душу парня насильственной магией — и это было больно, страшно и противоестественно, то теперь тело само подстраивалось под некий образец, форму. Как будто выполняло сложное акробатическое упражнение — мышцы, кости, органы включались в процесс по очереди, в строго определенном порядке, без спешки. В ноздри били сотни и тысячи запахов, глаза видели по-иному, хотя сейчас мальчишка не смог бы точно определить, что же изменилось. Непривычные ощущения, которые сейчас наконец-то можно было распробовать, осознать, так как никакое магическое подавление воли не бросало в атаку на своих же союзников, никто не шептал приказы в уши, и было время привыкнуть сосредоточиться, понять. Чезаре старательно подавлял панику, направляя внимание на изменения в восприятии. Чтобы отрешиться от того, что снова становится зверем.

Управление Волчьим Рубином, например, как выяснилось при общении с архивариусом, имело свои преимущества, даже несмотря на то, что это враждебная магия. Если уж нельзя избавиться от звериной шкуры, то надо попытаться обратить себе на пользу. Именно так пытался думать Чезаре, пока ему удавалось держать панику в узде, но грань, отсекающая мальчишку от безумия, становилась всё тоньше.

Диск владычицы всех богопротивных созданий Луны ослеплял бело-жемчужным светом с кровавым оттенком. И плевать, что не мог он — даже обостренным звериным зрением — видеть ночное светило сквозь каменный потолок архива. И что не могла Луна сиять и ослеплять с дневного солнечного неба — там бы хоть лёгкие очертания лунного диска увидеть. Словно вторым слоем, проступающим сквозь видимый кабинет архивариуса, продолжал светиться жемчужно-багровый круг на усыпанном звёздами небосводе.

Опустившийся на четыре лапы Чезаре вытянул кверху, к этой невозможной днём внутри здания ночной Луне, покрытую серебристой шерстью морду и завыл. Первым воем познавшего свою вторую ипостась верволка. Победной песней своей истинной природы. Криком боли человека, который никогда не хотел быть зверем. Плачем обиженного щенка, потерявшего мать.

— Куда он, твою мать, делся?! — Влад бестолково рыскал между бесчисленными стеллажами, надеясь увидеть фигуру Дэреша, услышать звук шагов или заметить ещё хоть малейшую подсказку на то, куда подевался коварный главный архивариус. Однако архив молчал — все потусторонние шорохи исчезли, сейчас это было просто старое безлюдное помещение, где некому было шуметь, смеяться и вообще производить хоть какие-то звуки.

В отличие от скорого на решения русского, Арман вначале подумал и пришёл к выводу, что бегать и искать бессмысленно. Или по крайней мере очень малоэффективно. Вместо этого он перевел взгляд на полностью превратившегося в волка Чезаре. Оставляя за спиной сотоварища в звериной ипостаси — опасно, хоть оборотни вроде как не теряют разум и могут действовать как люди, но всё это наёмник слышал только в разговорах. А на деле видел только один раз того же белобрысого мальчишку, который в волчьем образе кинулся атаковать своих.

— Эй, Чезаре, — окликнул волка Лерой, на всякий случай не разжимая пальцы на рукояти кинжала. — Ты меня слышишь? Понимаешь? Ты знаешь...

Речь француза прервал вой, вырвавшийся из глотки верволка. Зверь запрокинул морду к каменным сводам и выл, как стонал, громко, жалобно, долго. И даже циничный Лерой не решился перебивать. Да и не услышал бы его, пожалуй, Чезаре.

— Что вы тут копаетесь, черт побери?! — Влад, так и не нашедший следа Дэреша, сунулся обратно в кабинет архивариуса. Его привлек и вой, и вообще тот странный факт, что никто из спутников, казалось, не обратил внимания на исчезновение призрачного архивариуса с могущественным артефактом. Не совсем понимал Комольцев, зачем им этот Рубин, но раз уж столько людей-нелюдей борются за владение им, то грех камушек упускать.

— Воем мы тут, разве не заметно? — не удержался от очередного ядовитого замечания Арман. — Чезаре! Эй!

На этот раз волк «отозвался» тут же.

Изменилось всё вокруг — непривычно до жути смотреть на мир откуда-то снизу, упираясь в пол четырьмя мохнатыми лапами, которые ощущаются как гораздо более сильные и крепкие, чем человеческие. Оглушил шквал запахов, о существовании большинства из которых Чезаре и не подозревал. Уши наполнились хором звуков, складывающихся словно в ещё одну объемную картинку, наряду с той, что воспринимается зрением.

В тот первый страшный раз, когда мальчишке пришлось примерить волчью шкуру, он ничего этого толком не успел ощутить и прочувствовать. И сейчас возможности органов чувств и по-новому выглядящий мир выбивали из колеи, пугали — Чезаре просто-напросто не представлял, что со всем этим делать. Поэтому и сосредоточился на единственном, что выглядело незыблемым, настоящим, красивым и ободряющим. На Луне.

Выплеснув первые шоковые эмоции, он не то чтобы успокоился, но после длительного воя как-то полегчало. Тело слушалось, а в новых ощущениях не всё было так уж неприятно.

Сквозь его собственный угасающий уже на выдохе вой Чезаре услышал знакомый голос, звавший его по имени. «Это же я? Это он мне говорит? — в голове всё ещё немного плыло. — Как его... Арман... кажется»

Крупная башка волка повернулась к людям. Взгляд зеленых глаз со звериной морды казался осмысленным. Более или менее... Радужки подёрнула поволока, как будто зелень застилал кусочек тумана. Или будто Чезаре смотрел не на своих спутников, а на что-то другое, оказавшееся по странному стечению обстоятельств на их месте.

Обычное отношение к младшему члену отряда — слегка свысока, в силу большего опыта — теперь у Лероя не работало. Крупный лесной хищник вовсе не выглядел сопливым мальчишкой, на которого можно цыкнуть или в каких-то ситуациях обсмеять.

— Ты себя как чувствуешь? — осторожно поинтересовался Влад, неожиданно устыдившийся того, что фактически бросил товарища с его проблемой. Непонятно, каким образом волк мог бы ответить — и Комольцев почувствовал себя еще более глупо.

В небольшом помещении, между тремя мужчинами повисло молчание, воздух звенел от напряжения, как будто пронизанный невидимыми энергетическими нитями. Всем участникам мизансцены отказал их талант быстро реагировать и принимать решения. Этот выматывающий день (да и сколько ещё таких же до него!), изобилующий неразрешимыми тайнами, непонятками и дефицитом информации, окончательно выбил из колеи. И никто не знал, что делать.

Первым опомнился, как ни странно, Чезаре. Немного привыкнув к поначалу оглушившему его миру запахов и звуков, он заметил странную вещь. Дэреш, как и его спутники Лерой и Влад, оставлял за собой чётко «видимый» след-запах. Разбираться, почему так происходит с существом, которое по представлению мальчишки являлось умертвием или вовсе призрачным созданием, разбираться было некогда. Отдаление от него артефакта Чезаре начинал ощущать как растущую в душе пустоту, наполненную отчаянием. Словно руку отрубили или лишили одного из органов чувств. Или даже будто он только что пережил предательство, смерть, исчезновение близкого родственника. Желание вернуть Рубин не было разумно принятым решением — скорее, инстинктивным велением самой природы, сути юноши.

Не имея возможности объяснить своим сотоварищам, что он видит и чувствует, мальчишка в волчьем обличье просто начал делать. А именно: вытянув морду, поймав ноздрями запах — всё же совсем не похожий на то, чем пахнут обычные живые люди, Чезаре резким прыжком сорвался с места, где его застигла трансформация, и побежал, ловко обворачивая стеллажи, следуя одному ему видной ленточке сладковато-приторного аромата, оставленного прошедшим здесь Дэрешом.

— Куда, ч-ч-черт! Ты вообще что-нибудь понимаешь?!

Первую реплику Влад адресовал скрывающему за ближайшим шкафом с документами хвосту Чезаре, вторую — французу. Ибо сам Комольцев точно не понимал уже ничего. Древние интриги, странные артефакты, восстающие из руин города и воплощающиеся из призрачного состояния в материальное архивариусы. Даже учитывая, что за время своего пребывания в этом странном параллельном мире он вроде как смирился с существованием магии и прочих сверхъестественных примочек, — сейчас было уже слишком. И Влад просто-напросто потерял нить происходящего, не в силах больше быстро анализировать и понимать. «Как какая-то компьютерная игра... Где ничего не понять, а порядок прохождения не читал...»

— Нет, но думаю, что нашему пацану виднее, — Лерой тоже не выглядел читавшим мануал к игре, но всегда предпочитал разбираться по ходу. — Стоя здесь, точно ничего не поймём. За ним!

Двери распахнулись под ударом сильных лап. Чезаре сощурил глаза от резкого дневного света. В отличие от рассеянного полумрака архивных помещений внутренний двор здания был залит солнцем — и оттого казался ярко-белым, без вкраплений иных цветов. Белоснежный камень устилал землю под ногами, возносился к небу стенами Главного архива, а посреди этого пустого пространства высилась арка — ворота из светло-серебристого металла, украшенного орнаментами и рисунками, холодное и какое-то чуждое сооружение, выбивающееся из общего архитектурного стиля.

Запах Дэреша здесь был особенно силен, но в первый момент волчонок его не увидел. Только обоняние говорило абсолютно точно — противник здесь, буквально в нескольких шагах. Сладость, как женские духи, смешанные с просачивающимся сквозь приятный аромат запахом тления. Совсем не подходящий к внешности архивариуса, но тем не менее именно его — ошибки быть не может.

Ослепленный в первое мгновение солнечными бликами, Чезаре совсем сомкнул веки — нюх не обманет, а зрение пока бесполезно. Нить запаха указывала прямо к центру двора — к тем самым ведущим в никуда воротам.

Следовать за волком оказалось проще, чем за архивариусом. В отличие от непонятого обитателя Ликана зверь не исчезал и был вполне видим и слышим. Даже упустив из вида можно было угадать, куда свернул Чезаре, по звукам клацающих об камень когтей и азартного дыхания.

Влад и Арман бежали молча — сейчас обсуждать было нечего, пока их молодой спутник не догнал Дэреша или не нашёл артефакт, или и то и другое разом. Лабиринт заваленных папками и бумагами шкафов никак не заканчивался, начиная напоминать бесконечную путаницу коридоров из ночного кошмара. Не везде архив был достаточно освещён, маленькие окошки под потолком застилала паутина и пыль — хоть и возродился город из праха, но, видать, не прибирались здесь и до наложения проклятья. Зверину зрению полумрак совсем не мешал, а вот бегущие следом мужчины то и дело спотыкались и притормаживали, вглядываясь себе под ноги.

И, естественно, опоздали...

Правда, получается, что и Чезаре, кажется, опоздал тоже...

Вряд ли кто-то, кроме, быть может, самого странного архивариуса, понимал, что происходит.

Так же, как и выбежавшего на десяток мгновений раньше Чезаре, их ослепило солнцем, бившим прямо в глаза.

Влад чуть не врезался в резко затормозившего Армана, выругался и оттолкнул француза в сторону. Замер, промаргиваясь, щурясь, в тщетной попытке вернуть зрение быстрее. Приложил козырьком к глазам ладонь, увидел необычное сооружение посреди замкнутого двора. И понял, почему француз застыл в оцепенении.

Главным объектом в этом довольно обширном дворе являлась арка из светло-светло-серого, почти белесого, металла с лёгким серебристым отливом. Если отвлечься от рельефов с волками и прочих украшающих элементов, то это сооружение практически точно повторяло те ворота в никуда, которые Комольцев прекрасно запомнил — ведь это было начало его достоверных воспоминаний о себе, старт странного Эксперимента, невольными

участниками которого пришлось стать ему и Лерою. Видимо, у наемника тоже накатило чувство дежа-вю.

Отличия бросились в глаза в следующую секунду. Рядом с этими воротами располагался пульт управления. А как иначе назвать возвышение, из которого торчит нечто, вполне определенно напоминающее рычаги? Какие-то кнопки рядом и посреди всего этого — Волчий Рубин, мягко светящийся багровым.

Как в театральном представлении, все персонажи застыли в немой сцене.

Рядом с «пультом», положив одну ладонь на кнопки, а другую на основной, самый большой, рычаг, Дэреш. Он будто и не заметил появившихся следом за ним преследователей и застыл в неподвижности вовсе не поэтому. На молодом лице архивариуса читалась целая гамма эмоций: недоумение, раздражение, титаническая работа мысли.

На ступеньках, спускающихся во двор, — Комольцев и Арман. Во-первых, пораженные увиденным, во-вторых, отчетливо понимающие, что преодолеть расстояние до архивариуса и помешать ему (что бы он ни делал) никак не успеть. Дэрешу одного мгновения хватит, чтобы привести в действие механизм, само наличие которого в этой а-ля средневековой обстановке выбивало из колен.

И примерно на середине двора, между крыльцом выхода и аркой, — встрепанный волк. Тоже замер в одной точке. Судя по следам когтей на камне, затормозил Чезаре резко, словно перед непреодолимой преградой.

— Не подходите! — в голосе Дэреша звенела злость и... кажется, неуверенность. — Если собьётся настройка Портала, вы все отправитесь в бездну Междумирья!

Архивариус, наконец, соизволил обратить внимание, что он не один. Вот только, несмотря на старательно напускаемую в голос уверенность, выглядел он абсолютно противоположно. На лбу выступила испарина, пальцы на пульте управления заметно дрожали.

— А если не собьётся? — с напускным любопытством поинтересовался Арман. Он, как обычно, чем сложнее и опаснее была ситуация, тем спокойнее и расслабленнее становился.

Наёмник легко, будто пританцовывая, спустился с трёх ступеней крыльца, берцы взметнули пыль с каменного настила двора. С одной стороны, вроде и не подошёл — от него до Дэреша еще пара сотен метров, с другой — и не послушался, не оставил архивариуса хозяином положения.

— Куда же откроется этот твой Портал? А? И почему он до сих пор закрыт-то? Или поломалось что-то?

— Стой на месте!!! — Дэреш теперь в полном смысле слова орал, и ужас в его интонациях заставил даже безбашенного наемника последовать требованию.

«А откроется же... домой... И никаких тебе инквизиторских интриг, сумасшедших магов и людей, оборачивающихся зверями! — такие мысли в этот момент одолевали Влада. — И хрен с ним, что дома тоже ничего не понятно — Эксперимент, приговор... Нс там, в своем мире, всё сразу станет хорошо и, по крайней мере, решаемо. Главное, чтобы этот ничего не испортил».

— Эй, Лерой, осади, — добродушно сказал Комольцев вслух. — Можно же договориться. Правда, Дэреш? Мы совсем не хотим, как ты там сказал... в бездну. Мы хотим домой. Откроешь Портал — и мы спокойненько свалим.

Арман покосился на русского, как на идиота, только что пальцем у виска не покрутил. Ситуация явно складывалась нестандартная, а экстренный военный совет созывать уже

поздно. И каждый импровизирует, как получается. Наверное, и Влад таким образом пытается противнику зубы заговорить. Француз и не предполагал, что Комольцев уже мысленно готов к нападению на своего союзника — чтобы не помешал, не уничтожил шанс на возвращение в свой мир. И что зубы он заговаривает именно самому Лерою, а не старожилу Ликана. Но не успел...

Волк громко взвыл и кинулся к архивариусу с явственным намерением выпустить Дэрешу кишки. Человек у пульта закричал, дергая за рычаг, а солнечное небо вдруг расколото молнией, а точнее — прямо с неба рухнул заряд огня, похожий на пламенеющую стрелу. Языки пламени поднялись по периметру двора, рванули прямо по камню к центру открытого пространства, как будто не нуждались в подпитывающем горячем материале.

Толкнув Влада к центру дворика, Лерой заорал:

— Быстрее! Не тупи, Комольцев!

Огонь набирал силу, припекая в спину. Наемник сам откатился быстрее, чем его спутник, но и Влад сообразил, что оставаться с краю — смертельно опасно. Впрочем, так казалось до той поры, пока не разглядишь, что происходит рядом с аркой Портала.

Огненная «бомба» упала прямо на него, как раз в то мгновение, когда Чезаре сбил ударом передних лап архивариуса. Резко завоняло паленой шерстью, даже раньше, чем пришла боль. Из горла мальчишки вырвался крик — визг раненого зверя, переходящий в человеческий истошный крик. Трансформация снова ломала его тело, сама природа оборотня пришла на помощь и стремилась спасти, уменьшить повреждения. Ведь при смене ипостаси многие поверхностные ранения заживляются. Сбросить горящую шерсть, лишить огонь пищи, сбить пожирающее пламя...

— А-а-а-а-а!!!! — Дэреш орал на одной высокой ноте, скорчившись в комочек и не предпринимая ничего, чтобы загасить огонь. Только руками прикрывал лицо, в тщетной попытке заслониться от окружающего жара. Видимо, все угрозы, планы и намерения вылетели из головы архивариуса перед лицом новой напасти.

Чезаре на этот раз перекинулся почти мгновенно, правда, из-за этого гораздо больше и неприятнее, — и получил буквально несколько секунд, пока огонь снова не набросился на свою жертву. В ушах шумело, а быстро сообразить, что теперь делать — не получалось. Парень с трудом поднялся на ноги, покачнулся и инстинктивно оперся о ближайшую твёрдую поверхность, которой оказался пульт около Портала. И тут же отдёргнул руку — камень оказался совсем холодным, будто не облизывали его языки пламени.

— Это она! Алисанда!

До Армана, как обычно, дошло до первого.

— Эй, красотка! Сэнди! Выходи уже! Хватит!

Прикрывая глаза от опаляющего жара, замерев посреди единственного ещё не охваченного пожаром кусочка двора, наемник озирался по сторонам, пытаясь отыскать глазами Алисанду. Конечно, она — маг огня, как рассказывал Дэреш, и некому больше в древнем городе такое светопреставление учудить.

Показалось, что заметил женский силуэт на другой стороне двора. Или мерещится сквозь дрожащий от высокой температуры воздух?

— Алисанда! Прекрати!!! Мы же с тобой не ссорились!

Вопрос о том, ссорились или нет, был весьма спорным, но сейчас не до выяснений. Если в ближайшие пару минут пламя не уляжется, во дворе просто не останется места, где можно не поджариться.

— Да чего ты добьешься? — буркнул Влад. — Она нас просто всех убьет! Надо Чезаре хватать и пробиваться внутрь здания. Ей, похоже, Портал этот нужен с Рубином, а не мы. Иначе она бы нас раньше не выпустила.

— Ясен пень, вот только ни пацана ты оттуда не вытащишь, — Лерой безнадежно махнул рукой в сторону огненного клубка у подножия арки, — ни в дом обратно не пройдешь. Может, и мёртв он уже... Алисанда!

Однако на громкие призывы француза никто не отвечал. Время тянулось густым вязким потоком, как долго хранившийся мёд. Казалось, что прошло уже чёрт знает сколько минут, но понятное дело, если бы было так, то во дворе главного архива Ликана уже некому было бы разговаривать.

Пока Арман пытался наладить переговоры с противником, Влад топтался на месте, тоже мысленно разыскивая выход из смертельно опасной ситуации. И в отличие от наёмника в возможность договориться с магичкой он верил слабо, но и стоять столбом, ожидая смерти в пламени (которое, кстати, неуклонно приближалось), вовсе не хотелось.

Мысли лихорадочно перескакивали с одного на другое: «Жарко как... Всё из-за этого проклятого артефакта, будь он неладен! Как же хочется наконец проснуться, в своём доме и забыть этот мир, как страшный сон... Здесь уже как в крематории, а что же около Портала творится? Чезаре поди и не живой давно. Там сразу заживо зажариться можно — вон как пылает».

Языки огромного костра почти скрывали металлическую арку, танцевали вокруг этого странного для «средневекового» мира пульта с рычагами, и сквозь эту стену огня не разобрать было, что произошло с находившимися там перед нападением Дэрешом и Чезаре. Но вдруг Владу показалось, что в центре этого пекла произошло некое осмысленное движение, не похожее на отсветы пламени. Боясь надеяться и понимая, что сейчас вопросы жизни и смерти могут решиться за один миг, Комольцев очертя голову кинулся прямо туда — только лицо спрятал за полую куртку.

Буквально три-четыре шага и он понял, что не может дышать, лёгкие обжигало и казалось, что сейчас, вот прямо сейчас он упадет и умрет. И всё-таки этот огонь был каким-то неправильным — в настоящем пожаре, наверное, Влад и одного шага не сделал, а тут, несмотря на палящий жар, как в печке, одежда не занималась в тот же миг.

Холод под ладонью. Ледяной, шершавый камень.

Из-за пламени смотреть не получалось толком, Чезаре зажмурился сразу же, инстинктивно оберегая глаза, но неожиданное тактильное ощущение резко вернуло его в реальность. Исчезло мутное состояние тошноты после трансформации, и мальчишка двинул рукой по пульта, вслепую, надеясь на свою память. Именно в той стороне, за самым большим рычагом, мерцал цветом свежей артериальной крови Волчий Рубин. По крайней мере, он точно был там до падения огненного заряда.

Пальцы столкнулись с твердым препятствием. Рычаг. Всё, как и ожидалось. Ещё дальше — и рука Чезаре накрыла дьявольский драгоценный камень. Изувечивший его жизнь и перевернувший вообще всё, что сын кардинала знал о себе и о мире. Рубин холодным не был, но едва тронув его, Чезаре почувствовал, как смертельный жар будто отступает в сторону.

Он рискнул приоткрыть глаза и почти в ту же секунду на него кто-то налетел, толкая в сторону. Пальцы сжались на артефакте, слишком большом, чтобы удерживать его вот так, одной рукой — размера горсти не хватало. Гладкие грани камня скользили в ладони.

— Дьявол! — закричал Чезаре, чувствуя, что Волчий Рубин вырывается из его

судорожной хватки и уже видя это, потому что глаза он всё-таки открыл. — Ты идиот?!!!

В самом центре огненного клубка, как в оке урагана, царило спокойствие, словно крошечный участок был окружен невидимой и неосязаемой стеной, за которую пламя прорваться не могло.

И Чезаре был жив, слава всем богам, которых Влад в целом не признавал, но иногда, вот как сейчас, происходило что-то настолько невероятное, что не грех и уверовать. Мальчишку огонь будто и не тронул совсем, если не считать чуть опаленных кончиков волос и покрасневшегося от жара лица. Всё это Комольцев ухватил с одного взгляда, но не успел ничего сказать, как нарвался на ругательства со стороны «спасаемого».

— Идиот!!! — буквально взвыл Чезаре.

А Волчий Рубин, этот проклятуший камень, словно обладающий собственной волей и время от времени насмехающийся над людьми, снова вырвался из рук и покатился куда-то в сторону, прямо в огненную стену.

Влад, отчётливо понимая, что сейчас никак нельзя отдать артефакт обратно Алисанде, рванул следом. Казалось, ещё секунда — и он успеет...

К Рубину рванулось одновременно несколько рук.

Крепкая широкая ладонь Влада.

Узкая кисть с тонкими пальцами — такими бы на пианино играть, но и для тетивы лука в самый раз. Только отдельные волоски волчьей шерсти ещё виднеются на тыльной стороне. Чезаре.

Миниатюрная женская, с гладкой бледной кожей, униженная дорогими перстнями. Алисанда.

И последняя, но всё же не опоздавшая. Рука с обожженной, почти обугленной кожей, сочащейся сукровицей. Изувеченные магическим огнём пальцы оказались на редкость сильными и умудрились оттолкнуть всех остальных претендентов.

— Вон! Вы всё равно не сумеете... Отпустите меня... Дайте мне выход в Портал. Отпустите! Не отдам! — Архивариус выглядел страшно. В отличие от Чезаре, которого огненное заклинание почти не тронуло, Дэреш обгорел настолько сильно, что не узнать было в этом — молодого щёголя, каким он выглядел последние несколько часов. И непонятно было, как с такими страшными ожогами он вообще двигается, говорит и пытается бороться — ему бы без сознания лежать или подвывать от болевого шока.

— Пошёл прочь, — это вклинился презрительный голос Алисанды. — Ты так и не запомнил за все эти годы, где твоё место, прислужник. Не смей даже касаться Волчьего Рубина... человек.

Оскорбившись, видимо, за всю человеческую расу, Комольцев не слишком вежливо оттолкнул женскую руку. Из всех пытавшихся наложить лапу на артефакт магичка казалась самой опасной и враждебной. В конце концов, именно из-за нее все присутствующие чуть не испеклись заживо.

— Ну-ка сама пойдь прочь, нелюдь, тебе этот камушек точняк не отдадим. Из-за тебя проклятье-то на город обрушилось, мы теперь знаем!

— Никто из вас не имеет права трогать артефакт без дозволения правителя!

А это уже лучник вклинился в дискуссию. Хоть и недавно совсем узнал о своём происхождении, хоть и не совсем понятна была его родословная, но Чезаре уже научился в нужные моменты козырять наличием Древней Крови в своих жилах.

— Правитель нашёлся! Щенок! — с прошлой встречи Алисанда явно взяла себя в руки и больше не собиралась преклонять колени перед потомком волчьих королей. — Вилренгово отродье, такой же слабый, как и он!

Рубин пульсировал, безразлично ожидая, кто же из столпившихся над ним и отталкивающих друг друга одержит верх.

Пламя угасло так же внезапно, как до этого появилось, и перед Арманом предстала крайне удивительная мизансцена — четверо участников толкались над артефактом посреди двора, пытаясь отобрать друг у друга Волчий Рубин. Выглядело это не слишком красиво, никому из присутствующих подобная свара не была к лицу. Красавица Алисанда, которую уместно смотрелась бы на светском приеме или на балу, которая любила пышные наряды и яркие украшения, явно не должна была вести себя как склочная торговка. Совсем неуместно выглядел Влад — русский вояка, с собственными представлениями о кодексе чести, куда явно не входило применение грубой силы по отношению к даме. Относительно Чезаре

можно, конечно, посомневаться, однако и он к числу хулиганов явно не относится, весь такой традиционно правильный и религиозный. Пожалуй, лишь Дэреш, хоть и представитель интеллигентной профессии, вполне мог, судя по предыдущему опыту общения, учудить нечто эдакое...

Однако все четверо ругались, толкались, сквернословили, а рубиновый камень перекатывался из руки в руки, смотря по тому, кто в данный момент перетягивал одеяло на себя.

— Эй! — рывкнул Арман. — Ну-ка прекратите все!

Особой надежды, что послушаются, не было — разве только Влад да Чезаре, они люди военные, а командирский голос Лерой себе натренировал на славу. Так и вышло, и наемник слишком поздно понял, что поторопился. Его спутники-союзники одновременно повернули головы на своего «командира», как минимум признавая его существование, даже если в следующий миг пошлют куда подальше. Алисанда и Дэреш же, поняв, что двое временно выбыли из борьбы, схлестнулись ещё яростнее. Девица вцепилась архивариусу в волосы, пытаясь оттащить его прочь от артефакта, но Дэреш с неожиданной силой оттолкнул ее прочь.

Дело решилось за секунды. Вот плеснула кровь из руки Дэреша, от усилия треснула обожженная кожа, но архивариус, казалось, не чувствовал боли. Алисанда покачнулась, зацепившись каблуком за ступеньку рядом с воротами и совсем неизящно плюхнулась на пятую точку, путаясь в складках своей пышной юбки. Влад и Чезаре не успели сделать ничего, как Дэреш уже шагнул к пульту, ткнул Волчий Рубин обратно в предназначенную для него ячейку и, более не раздумывая, взялся за рычаги и привёл их в движение.

* * *

— Мой генерал! Он открывается!

Начальник ответил сонным голосом, в котором вполне отчётливо слышались недовольство ранней побудкой и скепсис по поводу показаний приборов:

— Если вам опять что-нибудь померещилось...

Доктор не сдержался и заорал:

— Быстрее, мать вашу!!! — только потом поняв, что, наверное, не стоит так разговаривать с человеком, от которого полностью зависит твоё благополучие.

Однако Генерал не одёрнул подчинённого, только выматерился в свою очередь и бросил трубку. Учёный пожал плечами и понадеялся, что военачальник всё же бежит в аппаратную, а не пытается заснуть снова, костеря непочтительного исследователя.

Видно, Генерал и впрямь перемещался рысцей, потому что буквально через минуту был уже на месте. Он кинул на Доктора испепеляющий взгляд и осведомился:

— Ну и где ваш Портал?

Молодой человек, нервно куривший в кресле перед монитором, ткнул бычком в сторону платформы, над которой струились еле заметные мерцающие полосы красноватого цвета.

— А почему красный? — удивился Генерал. — Ведь обычно проход светится синим.

— Нашли, что спросить, — фыркнул Доктор. — Я специалист по их «магическим» технологиям, что ли? Да, картина немного другая, чем при использовании нашего оборудования, но результат такой же. Только открывается он гораздо дольше. Вон, почти

пять минут уже висит в зародышевом состоянии.

— И чем вы это объясните? — спросил Генерал. — Может, с нашей стороны что-то надо предпринять?

Учёный пожал плечами:

— У меня всё сделано. Порталмейкер работает в пассивном режиме, то есть не пробивает проход сам, но готов поддержать, так сказать, чужую инициативу. Как только сработает пробой оттуда, так и будут у нас а-а-агромные ворота в чужую реальность. Готовы к осуществлению своей мечты, мой генерал? Кстати, вы лучше мне скажите: что делать-то будем, когда получим вожделенный результат? Вот раскроется вам вход в другое измерение, устойчивый и постоянный, на пороге стоят ваши подопытные, кстати, вряд ли в хорошем настроении... А вполне возможно, что и не они вовсе, а местные жители, у которых совсем непонятно, какие намерения и чувства по отношению к своим соседям по параллельности реальностей. Ваши действия, мой генерал?

Молодой учёный явно и неприкрыто потешался. Он-то уже ощущал себя победителем: его изобретение — психоматрица — оправдала себя, красноватое мерцание над платформой являлось неоспоримым доказательством сведений о существовании «мостика» между мирами, осталось только собрать последние сведения о том, каким образом действует порталная аппаратура с той стороны. Дел, конечно, ещё непочатый край, но большая научная победа одержана. Одержана именно им, Доктором, без помощи коллег и ассистентов, единолично.

А вот Генерал только что оказался лицом к лицу с тем, к чему стремился — контактом с другим миром. И его проблемы начинались сейчас: возродить давно прерванные отношения с представителями Мира-И, убедить их оказать помощь в его замыслах. Или покорить себе иное измерение... Доктор, честно говоря, мало интересовался подробностями того, зачем именно военному понадобилось продолжать закрытый Эксперимент. Не потому, что был нелюбопытен, а из-за инстинкта самосохранения. Генерал не любил, когда совали нос в его дела.

* * *

Влад в буквальном смысле шарахнулся в сторону от замерцавшей красновато-чёрным рамки врат. Резанули неприятные воспоминания, которые вызывали ощущение физической тошноты. Начало Эксперимента, скручивающая боль при перемещении через Портал в прошлый раз. Только тогда Комольцев вообще не понимал, что происходит, а сейчас осознавал опасности. Да и в прошлый раз, после оглашения приговора неизвестно за что, выбора никакого ему не дали, то теперь он сам может решать — шагнуть под металлическую арку или повременить и посмотреть, что будет.

«Чёрт побери, а ведь ещё буквально пару минут назад до зарезу хотел домой. Лишь бы выход открылся. Или лучше сказать, вход? А теперь... Кто его знает, что на той стороне. И работает ли эта штука правильно после стольких столетий? Разметает по виртуальному пространству на запчасти — и поминай, как звали. Вон короля своего так и не отыскали, и, похоже, даже не одного короля, а как минимум парочку невезучих монархов».

— Что происходит? — это Чезаре рядом поинтересовался, щурясь от становящегося всё ярче сияния Портала.

Руки Дэреша так и застыли на пульте, а сам архивариус, казалось, не стоит перед ним, а тяжело опирается на рычаги, в отчаянной последней попытке удержаться на ногах. Оттуда, со стороны Дэреша, отвратительно тянуло палёным мясом.

— Упадет же сейчас, — пробормотал Влад, понимая, что, хоть архивариус не показал себя другом и союзником, но жалко его. Любой пострадавший на поле боя заслуживает как минимум первой медицинской помощи, а при такой степени ожогов без лечения Дэреш долго не протянет.

— Вы идиоты, глупые людишки, что с вас взять... — голос Алисанды напоминал, скорее, змеиное шипение, никаких сексуальных грассирующих интонаций в нём не осталось. Магичка поднималась с земли и делала это — невероятно, но факт! — с таким изяществом и грацией, словно это был задуманное танцевальное па, а не последствия некрасивой драки. Впечатление не портили ни надорванный подол юбки, ни расцарапанные ладони, с которых Алисанда царственным жестом стряхнула пыль. Она прямо-таки сочилась презрением и высокомерием к «глупым людишкам», но где-то в глубине зрачков затаился ужас. — Ну и куда вы собрались уходить через эти Врата? — Магичка легким кивком указала на алый «дверной проём», застывший под аркой. — Там же ничего нет!

Действительно, никаких иномирных пейзажей через портал видно не было. Просто вместо кусочка двора, который ранее просматривался сквозь проём металлической арки, теперь кружились красно-чёрные завихрения. Как хаотичные цветные помехи на экране огромного телевизора. И Влад всё больше склонялся к тому, что совсем не хочет испытывать на себе здешнюю древнюю технику и проверять, ведёт ли Портал домой или куда-нибудь к чёрту на рога. Или вообще никуда, как утверждает Алисанда.

Теперь в двух шагах от Портала собрались все: Влад, Чезаре и Арман стояли рядом, плечом к плечу, как и положено елиному отряду, в который они, сами того не замечая, превратились, Алисанда — чуть поодаль от них. Но к Дэрешу и пульту никто приблизиться не смел. Архивариус, видимо, поймав равновесие и перетерпев приступ боли, расправил плечи и скрипучим голосом проговорил:

— Ну вот и всё... Теперь — домой... Счастливо оставаться! Надеюсь, что я вам хоть чем-то помог, господа.

Он не обернулся, но и так ясно было, что обращается не к бегущей с волками и даже не к Чезаре, а к тем, кто тоже прибыл сюда из иного мира.

— Только... не ходите за мной. Не надо.

И прежде, чем кто-то успел произнести хоть слово, Дэреш оттолкнулся от рычага, на котором до этого практически висел, и шагнул мимо пульта, прямо к черно-красным всполохам под аркой.

— Стоять!

— Стой!

— Смирно!

— Нет! Дурак!

Четыре голоса зашлись криками, потому что и недалекому умом было яснее ясного: архивариус не пройдет в другой мир, а... погибнет, пропадёт... кто его знает, но ничего хорошего точно не случится.

Дэреш переставлял ноги с трудом. Шаг. Остановка. Потом ещё один. Но хоть и медленно шел, но окрики не изменили его намерений и направления движения. Обожженный, страшный и, кажется, уже слегка невменяемый, Дэреш сделал очередной

маленький шаг и занес ногу над «порогом» Портала. Конечность успела войти в круговерть цветных сполохов почти по колено, когда подбежавший Лерой, схватив архивариуса за плечи, рванул его в сторону, обратно в Ликан, прочь из ведущего неизвестно куда проёма.

Вместе, практически в обнимку, француз и Дэреш скатились со ступенек у подножия арки на камень, выстилающий двор. Когда Лерой поднялся, стало ясно, что он успел в последний момент. Ноги, ровно до того места, которое скрылось в Портале, у архивариуса больше не было. Из обрубка хлестала кровь, покрывая багровым видный из среза осколок кости. А сам молодой человек, кажется, наконец потерял сознание. К его счастью.

* * *

В комнате, несмотря на её немаленькие размеры, уже можно было топоры развешивать по всем углам. Пепельница на пульте топорщилась окурками от тонких сигарет Доктора. Генерал убивал бычки своих сигар в кружке из-под кофе, и их там набралось уже не меньше трёх за последние полчаса.

Военный молчал, сдерживая рвущиеся возмущение и вопросы. Обещания молодого учёного снова оказались преждевременными, неоправдавшимися, и в обычной ситуации Генерал уже бы высказался, скорее всего, жёстко и ядовито. Однако стоило посмотреть в сторону Доктора, как желание язвить пропадало: учёный не выглядел побеждённым и раздавленным неудачей. Зажав в тонких губах очередную сигарету, он что-то писал на обрывке какого-то чертежа (листок, видимо, появился из мусорной корзины) — формулы, стрелочки и линии, превращавшиеся в одному Доктору понятные схемы. Кружащийся затейливыми изгибами табачный дым щипал учёному левый глаз, но тот только жмурился и смаргивал слезу, более никак не показывая признаков неудобства.

Портал оставался неизменным — только цвет сполохов под аркой стал темнее, в преимущественно красном добавились черные пряди, как клубящийся дым.

— Ну и? — всё-таки не выдержал до конца паузу Генерал, видя, что молодой человек отложил бумажку, исчерканную непонятными символами, в сторону.

— Да... О, чёрт... — Сигарета дотлела до конца и обожгла губы Доктора, тот с невнятными ругательствами сплюнул бычок в пепельницу, но тот уже не смог вклиниться среди предыдущих и отлетел в сторону от заполненной пепельницы. — Вль, смотрите, Доктор развернулся к военному, показал свою писанину и начал было, уже рот открыл, когда понял, что Генерал смотрит не на схему, а ему в лицо.

— Вы правда думаете, что я здесь что-то пойму? — в голосе Генерала разве что мурлыканье не прозвучало, только такое — тигриное, угрожающее. — Если бы так, то вы мне уже становитесь не нужны.

— Генерал, послушайте... — Доктор почесал в затылке, лихорадочно соображая, как объяснить дилетанту свои научные выкладки. — Короче говоря, для устойчивого Портала надо несколько компонентов. Первое, это исправное действующее оборудование с разных концов. Этого мы как раз добились. Второе, это энергия, которая подпитывает Портал здесь, у нас, и там, в Мире-И. У нас это электричество, — учёный сделал широкий жест ладонью, обращая внимание собеседника на горящие лампы на потолке и огоньки на пульте. — Там — это магия, как они её называют. Я не могу с уверенностью ручаться, что т_а_м сейчас работает источник энергии. Может, Порталу просто не хватает силы?

— Может? — ещё более угрожающе поинтересовался Генерал. — Вы мне мозг пудрили тем, чо знаете всё абсолютно точно, а теперь снова сыпете предположениями?!

— Есть ещё третий аспект, — не обращая внимания на ответ, продолжал Доктор. — Как вы помните... а, вы можете и не помнить, конечно. Так вот, исторически Портал из Мира-И открывали только их правители — и никто больше. С тех пор, как Винарис взял в заложники тамошнего короля, Портал не работает. Я ставлю ящик пива на то, что для качественного управления Порталом необходим человек королевской крови.

Проникающие в небольшое окошко под потолком лучи солнца постепенно тускнели, приобретая красивый оттенок позолоты. День клонился к вечеру. Арман Лерой сидел в «кабинете» Дэреша и думал. И курил, приспособив в качестве пепельницы один из кубков, из которых они несколько часов назад дегустировали местный алкоголь.

— Оба-на, а откуда это ты курево взял? — Комольцев появился на пороге почти бесшумно и сразу обратил внимание на то, что тут уже топор можно было вешать. А единственный запас табачных изделий был у него в кармане, да и тот давеча закончился.

— Угощайся, — флегматично кивнул Арман на открытую пачку, валявшуюся на краю стола. — Lucky Strike, не фигня какая. Не экономить можно, там... — он махнул рукой в сторону шкафа в углу кабинета, — ещё несколько блоков. Может, и не проживем столько, чтоб всё употребить, хе-хе.

— Да откуда всё это? — Влад присел и тоже закурил, от предложенной наемником зажигалки. Это после кремня и кресала, ставших уже привычными.

— А у нашего друга-архивной крысы вообще тут масса любопытного в личных вещах. Не поверишь, сигареты и зажигалка — это так, цветочки.

Лерой откинул дверцу шкафа и начал представлять свои «трофеи». На столе появился револьвер, противогаз, фонарик, шариковая авторучка и наполовину исписанный блокнот — тоже явно не в этом мире сделанный, уж больно бумага белая и чётко разлинованная.

— Обрати внимание. «Эйнфилд», образца 1942 года. Сигареты тоже не современные. Зажигалка, смотри, это же «Вдовушка». — Увидев непонимание на лице Комольцева, добавил: — Ну, тоже Вторая мировая, поверь мне. Всё, как из музея, только получше сохранившееся. Записки все на английском, вот только почерк у нашего Дэреша, или как его там на самом деле зовут, настолько отвратный, что требуется длительная дешифровка. Я предположил, что тут типа как дневник его, впечатления попавшего в другой мир. Вот только, судя по всему этому, попал он сюда гораздо раньше нас.

— Подожди, — Влад устроился на скамье как мог удобно и выпустил струю табачного дыма. — Он же триста лет назад уже здесь попал под проклятие и стал «призраком», а с 1942-го прошло чуть больше семидесяти пяти лет. Как так?

— Хрен знает. Может, здесь время по-другому идёт или Порталы эти переносят не только между мирами, но и по временному потоку.

— Тебе бы в ученые податься, — гыгыкнул Влад. — Историком-физиком, в комплексе. Вот только лучше бы ты медиком был.

На подколку Арман не среагировал, а вот за вторую фразу зацепился и уточнил:

— Он жив хоть? Как там вообще?

— Жив. Но вряд ли надолго. Я не знаю, что можно сделать, кроме как наложить шину для остановки крови. Он помрёт или от потери крови, или от сепсиса, или от болевого шока — выбирай. У нас же ни антибиотиков нет, ни обезболки, ничего. Лично меня оказанию первой помощи учили на уровне забинтовать так, чтобы до лазарета успеть дотащить живым. Только здесь тащить некуда. У Чезаре спросил, он тоже во врачевании не смыслит.

— А Сэнди-красавица? Вроде как она больше по нападениям магичит, но, глядишь, и раны заговорить сможет?

— Свалила куда-то девка, — мрачно сообщил Комольцев. — Я пока с перевязкой

возился. Все вы куда-то разбежались, как будто мне больше всех надо его спасать!

— Так ты же у нас самый добренький, — хмыкнул Лерой. — По мне, так пусть сдохнет, не особо жалко, он нас по-крупному подставить пытался. Только жаль, если не расскажет подробностей дальше. Так ведь про проклятие Ликана и не закончил историю. Да и сам вон весь в тайнах, как выяснилось. А я не разбежался, а пошёл искать и анализировать информацию, и кстате вон сколько полезного обнаружилось. К револьверу и запас патронов имеется.

— Лучше бы ты сходил на охоту и притащил пожрать, — бурчал Влад, скорее, по привычке возражать и не одобрять Лероя, который помнился из прошлой жизни и родного мира как вражина. На самом деле находки Армана действительно полезны и примечательны: противогаз, быть может, и не потребуются, а вот огнестрельное оружие, по которому так стосковались руки, — очень даже.

Француз снова поднялся и широким жестом фокусника распахнул другую створку шкафа, открывая вторую часть полочек.

— Вуаля, ваше желание исполнено. Насчёт пожрать. Можно я на охоту не пойду?

На полках стопочками лежали упакованные армейские сухпайки — несмотря на иностранные надписи, Комольцев ни с чем бы не спутал. Тут же поблёскивали круглыми боками из-под полуоборванных этикеток банки тушенки и ещё каких-то консервов. А в самом дальнем углу, кажется, даже несколько бутылочек «Кока-Колы» стояли.

С губ Влада сорвался восторженный присвист. Это казалось действительно фантастикой, как будто приоткрылось окошко в свой, родной мир. Размышлять о том, как это всё здесь очутилось, зачем Дэреш тащил сюда привычный провиант, но при этом не возвращался на родину (явно же не за один присест он такие запасы создал), а также о парадоксах пространства и времени совершенно не тянуло. По крайней мере, не раньше, чем желудок будет наполнен едой, а лёгкие — табачным дымом.

— А лучник наш где шляется? — спросил Арман, распечатывая пару упаковок галет и вскрывая банку тушенки. Потом секунду подумал и вторую вытащил. Ну разве вдвоем из одной банки наешься?

— С архивариусом остался.

— Ты ж говоришь, разбежались все, а, оказывается, не в одиночку вовсе из себя медсестричку изображал, — фыркнул Лерой.

— Да какая разница?! — Влад рявкнул громко и возмущённо, но всё же объяснил потом: — Сначала он тоже куда-то ушёл, я Дэреша один перевязывал. Потом вернулся. Ну, я ему поручил за раненым смотреть, а сам пошёл тебя разыскивать. А то вдруг откинется архивариус, пусть хоть не один... ну, в смысле если что кто-то сразу об этом расскажет.

— Погодь-погодь. А где он был?

— Кто? А, Чезаре? Да хрен его знает. Может, отлить ходил. Я спрашивать, что ли, буду. Какая разница?

Арман и сам не мог объяснить, почему прицепился к этой незначительной подробности, но он привык доверять собственной интуиции. Столько раз это ему жизнь спасало или вытаскивало из проблем: вовремя не отбрасывать нелепую, на первый взгляд, мысль, а попробовать её обдумать, взглянуть на ситуацию с разных сторон. А там, глядишь, и фактов больше выяснится для нормального анализа.

— Где. Он. Был? — отдельно, чётко и внятно переспросил наёмник ещё раз.

— Не знаю я! Какая разница?! Ну, пойдём и спросим! Пойдём!

Комольцев завёлся не на шутку. «Нянька я разве всем вокруг?! И за раненым поухаживай, и за пацаном присмотри! Странно ещё, что Лерой за „свою“ магическую бабу не предъявляет! А то, может, я и её выпасать должен был?!»

Арман оттолкнул в сторону только что вскрытую банку тушенки, из которой и пары кусочков не успел съесть, и двинулся на выход. Неотвязная мысль о том, что очень важно выяснить, где шатался мальчишка-лучник, не покидала его голову. Вечно пацан попадает в неприятности, мутит что-то, свою линию гнёт... Нельзя было его без присмотра оставлять. Никак нельзя было.

Мелькнули мимо архивные коридоры, бесконечные ряды стеллажей, танцующие в воздухе стайки пылинок. За всем этим, в самом дальнем углу, как они недавно выяснили, располагалась жилая комната, где обитал архивариус. Именно туда Дэреша перетасили после случившегося возле Портала.

Архивариус метался по постели, точнее, слабо ворочался, на более активные движения он сейчас не был способен. Судя по покрасневшимся щекам, у него был жар. И более никого в комнате не наблюдалось.

— Да черт побери!

Лерой с досадой стукнул кулаком по дверному косяку. И обернувшись, чтобы идти разыскивать Чезаре, буквально столкнулся с Владом, который следовал за ним.

— Видишь, остолоп? Нет его здесь! Где он?! Или снова «отлить пошёл», как ты думаешь? — голос Армана напоминал змеиное шипение, он не орал, а наоборот, очень тихо цедил слова сквозь зубы.

Ожидание чего-то опасного, упущенного из-за невнимательности Комольцева, не пропадало. Что-то шло очень неправильно. Совсем.

— Куда он мог пойти, как думаешь? — как бы то ни было, но обвинять друг друга и ругаться — дело непродуктивное, и француз сразу же начал спрашивать по существу.

Влад только беспомощно пожал плечами.

— Куда здесь идти? Он не знает город, так же, как и мы. Хотя...

— Вот именно, — кивнул Арман. — Он же чёртов потомок грёбаных оборотничьих королей. Запросто может знать то, чего мы не знаем. Вспомни, ему там и какой-то предок его мерещился и что-то там рассказывал.

— Это нам не поможет. Нам-то предки никаких тайн не поведали. Так что по любому наугад искать, но стоя здесь мы точно не разберёмся.

— Сдаётся мне, я знаю, откуда лучше начать поиски.

Француз, махнув рукой, чтобы Влад следовал за ним, зашагал в сторону выхода во внутренний двор.

* * *

Под сапогами похрустывали мелкие веточки, рассыпаясь в труху и пепел. Да, пепла здесь было много. Серовато-чёрный порошок покрывал ровным слоем землю, деревья, качался на поверхности воды ближайшего ручья, оседал в носу и горле при дыхании.

Он присел на ствол поваленного могучего дуба и осмотрелся. Насколько же далеко тянется это пожарище? Кажется, уже не первую сотню лет идёшь мимо обгорелых деревьев, и ничего не меняется.

Тишина и пустота. Странно говорить о пустоте в лесу, где вокруг смыкаются настоящие заросли — пусть и без листьев, но дубы стоят плотно, как в чаще. Кстати, почему именно дубы? По этим обугленным скелетам толком и не определишь, но он был уверен, что не ошибается. Не пели птицы, не зудели комары, не ползали букашки. Даже ветер не трогал неподвижный воздух, а деревья не издавали ни скрипа, ни шороха.

На самом деле особого смысла сидеть и отдыхать не было — он не настолько устал, чтобы не идти дальше, но одновременно в который раз убедился, что даже удобная расслабленная поза не приносит новых сил. Как будто он давным-давно не спал и забыл, как в принципе отдыхают. А кстати... когда же действительно он в последний раз спал или ел? Когда видел кого-то? Или что-то, кроме мёртвого леса?

Рука в кольчужной перчатке погладила рукоять меча. Это успокаивало, а иногда, касаясь оружия и украшавших его драгоценных камней, он словно бы видел сквозь мёртвые дубы иное: живой лес, жаркие битвы с людьми, одетыми как священники, и... Он нахмурился сильнее, до неприятного ощущения в разрезанном морщинами лбу. Перед мысленным взором встало лицо, которое он точно видел, и не раз, за последнее время. Поволчьи зелёные глаза на молодом человеческом лице, упрямый взгляд, очень светлые волосы. И неуловимая схожесть черт... с той, про которую он, казалось, давным-давно забыл.

— Мой... сын?..

Он произносил слова вслух, и они терялись в душном мёртвом воздухе сторевшего леса, как в ворохе мягких тряпок.

— Нет... Не может быть...

Сколько времени прошло? Он так вырос? Или ошибается взгляд короля и этот юноша — вовсе не его принц?

— Эй! — голос по-прежнему тонет, как в патоке. — Эй, где ты?!

Конечно, в мёртвом лесу некому ответить Его Величеству Вилренгу.

Он вскочил на ноги и бросился вперёд, уворачиваясь от скелетообразных обгоревших веток.

— Древнюю Кровь ничто не сможет остановить... — это Вилренг шептал уже себе под нос, не стараясь ни до кого докричаться. — Где же ты? Древняя Кровь отыщет Древнюю Кровь. Всегда.

Далеко впереди что-то сверкнуло. Необычно яркое среди чёрно-серых тонов, к которым привык глаз за столетия, проведенные на пепелище. Он ускорил шаг, приглядываясь так пристально, что из уголков глаз побежали слёзы. Яркое пятно приближалось медленно, а мёртвые дубы будто нарочно перегораживали обзор, не давая убедиться в том, что это действительно...

Портал замерцал чёрно-зелёными всполохами, когда Чезаре с благоговением и очень осторожно водрузил Волчий Рубин в предназначенную для него выемку на столике рядом с каменной аркой. Что делать дальше, какие силы призывать и как должен выглядеть успешно открывшийся выход в иные миры, парнишка не представлял. Печальный опыт Дерэша, который пытался сбежать прочь из проклятого города, но потерял пол-ноги (а мог бы и жизнь), не внушал уверенности в том, что у Чезаре получится. Архивариус, судя по всему, занимался работой с Порталом многие годы — и то не справился. А что если что-то совсем сломалось, и Портал больше не откроется?

От страха скручивало все внутренности, а лицо Чезаре побледнело ещё сильнее по

сравнению с обычным состоянием. Если бы его в эту минуту спросили, зачем он притащился обратно во внутренний двор, к странному сооружению, которым не умеет пользоваться, тайком от своих спутников, взяв без спроса артефакт, он бы не нашёлся с ответом. Просто после инцидента с Дерэшом мысль о необходимости открыть дверь не оставляла Чезаре. Ему снова слышался голос воина с украшенным рубинами мечом. Тот говорил невнятно, что-то про Древнюю Кровь, своего принца и свободу. Слова юный лучник повторить бы не смог, но чувства ощущал как собственные — потерянность, отчаяние, боль... и безумную надежду.

Понятное дело, что ни Влад, ни тем более Арман не поддержали бы идею экспериментировать с Порталом. Поэтому Чезаре обрадовался, что француз совсем удалился, а провести Комольцева было нетрудно. Сначала Чезаре ходил на разведку, так сказать, — около каменной арки во дворе чувство беспокойства нарастало, пару раз зрение у него мутнело, и он словно бы видел сквозь белокаменные стены сгоревший лес. Но без Рубина даже подходить к воротам бессмысленно — и мальчишка вернулся за артефактом, пообещал Владу посидеть с раненым, пока тот отыщет Лероя, и конечно, сразу же смылся, как только Комольцев покинул комнату. В конце концов, Дерэшу сейчас ничем не поможешь, толку-то с ним сидеть непрерывно.

И вот сияющий Рубин водружён на место, с Порталом что-то начало происходить, цвет внутри арки постепенно светлел, покрывался рябью. У Чезаре дико кружилась голова, он как безумный вцепился одной рукой в рычаг, который двигал архивариус, вторая будто прилипла к артефакту — и её жгло огнём, словно не драгоценный камень снизу, а пылающий костер.

— Чёрт возьми... — Влад настолько опешил, что застыл столбом на ступенях внутреннего двора.

— Ты тоже это видишь? — как ни странно, но Лерой тоже растерялся. Быть может, впервые за многие годы.

— Как телевизор, ты это имеешь в виду? — уточнил Комольцев.

Происходящее выглядело настолько невероятным, что он допускал собственную неадекватность, наведённую галлюцинацию или что угодно ещё. И не факт, что француза глючит точно так же. На этот раз Портал выглядел как реальная дверь в... куда-то. Порог и края арки чуть плыли, размазывались, как дефект изображения на старых телевизионных экранах. Зато в середине находилась очень даже чёткая картинка.

Там, за порогом, качал обгоревшими ветвями мёртвый лес, погружающийся в сумерки, хотя по эту сторону Портала вечер только начинался. И издалека прямо к «двери» направлялась высокая мужская фигура в доспехах.

— Я вижу мужика с мечом, который, кажись, сейчас выйдет к нам, — ответил Арман. — И я даже не знаю, что лучше, — чтобы он вышел или нет.

— По-моему, если мы вмешаемся, то ничем хорошим это для Чезаре не кончится.

Комольцев уже убедился на собственном опыте за время пребывания в этом мире, что прерывать магические ритуалы на середине чревато нехорошими последствиями. А Чезаре держался за Рубин и рычаг на пульте как за последнюю спасительную соломинку.

Шаг. И ещё парочка. И ещё один. Раскрытая прямо посреди обгоревшей поляны дверь звала в солнечный день, и там был виден родной Ликан — Вилренг боялся в это верить, но спутать не мог даже после всех прошедших столетий.

Он замер на пороге буквально на мгновение, а затем решительно шагнул под солнце столицы оборотней, будто раздвигая ткань реальности. Покачнулся от слабости и медленно опустился прямо на каменные ступени около Портала.

— Это тот, о ком я подумал? — первым опомнился Лерой.

Чезаре стоял, придерживаясь за пульт, но Волчий Рубин больше не сиял так ярко, а картинка в Портале бледнела, и вот уже это снова просто арка, сквозь которую видна вторая часть двора, а не иные пейзажи.

— Это мой... предок, — Чезаре не был уверен, сколько поколений прожило свои жизни между ними. — Его Величество Вилренг. Король Ликана.

Больше книг на сайте - Knigoed.net